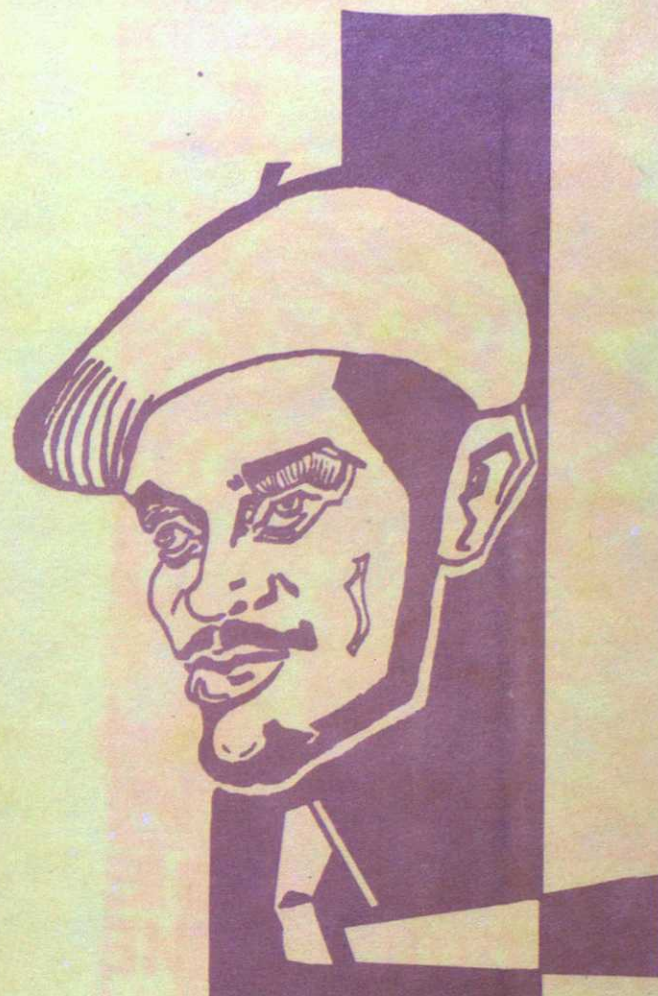

СТИХИ
ПОЭМЫ

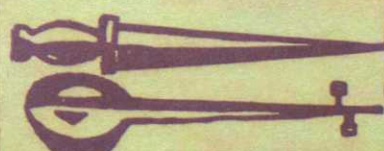

СТИХИ
ПОЭМЫ

ам.
КУКУЛЛУ

ПОЭТ
СКАЗОЧНИК

а малдан
кучуллу

МОЁ
ПРОДОЛЖЕНИЕ

СТИХИ
ПОЭМЫ

амапдан
кукуллу

**МОЕ
ПРОДОЛЖЕНИЕ
СТИХИ
ПОЭМЫ**

АВТОРИЗОВАННЫЙ ПЕРЕВОД
С ТАТСКОГО
И ОФОРМЛЕНИЕ

Анатолия СЕНИНА

Экспериментальное
творческое объединение
«САДОВОЕ КОЛЬЦО»

Москва 1990 г.

В СБОРНИКЕ ВОСПРОИЗВОДЯТСЯ
 ФОТОКОПИИ С ИЛЛЮСТРАЦИЙ
 К СТИХАМ И ПОЭМАМ АМАЛДАНА
 КУКУЛЛУ (ОРИГИНАЛЫ БЫЛИ
 УНИЧТОЖЕНЫ В МОСКВЕ В 1983 ГОДУ
 НЕДОВОЖЕЛАТЕЛЯМИ — А. К.),
 ВЫПОЛНЕННЫЕ В 1960—1965 гг.
 ХУДОЖНИКОМ ИЗ МАХАЧКАЛЫ,
 НЫНЕ ЭМИГРИРОВАВШИМ В ФРГ,
 АЛЕКСАНДРОМ ДАНОВЫМ.
 КНИГА ИЗДАЕТСЯ
 С «САМИЗДАТСКОГО» ВЫПУСКА.
 МОСКВА, 1979 ГОДА И 1987 ГОДА.

МОСКВА
 MOSKOV
 1990

БИБЛИОТЕКА
 ОФИЦИАЛЬНО НЕПРИЗНАННЫХ
 «САМИЗДАТСКИХ»
 ПРОИЗВЕДЕНИЙ
 1960—1988 ГГ.
 — МОСКВА —

АНАТОЛИЙ СЕНИН

СЛОВО «САМИЗДАТУ»
 (вместо пролога к книге)

Слово, здравствуй! Опять обращаюсь
 я к Слову!
 Ты — о радость моя! — будь
 «преступной виной!»
 Я, поверьте, сумел ради правды
 призреть свою славу, —
 Так живи мое слово, самому
 если жить не дано!

Я к истории слово лицо этой
 ночью приблизив
 Вижу, как догорев, опадает
 созревши звезда.
 В бликах свечи запретное
 слово набирает Фонвизин, —
 И в России с него начинался
 вот так «Самиздат».

Годы быстро несутся, минуют
века, словно в дыме,
Плачет русское слово в белесую
чуть синеву.
Напечатал 600 экземпляров
«Путешествия» хрупкий Радищев,—
Конфискованы были охранкой,
но все же живут.

Правды Слово Живет!
Пусть сверкнет ему снег серебристый
Азиатской Сибири, пусть
ввергнуто будет во тьму.
В Самиздате ходили идеи,
стихи декабристов,
В Самиздате дошло к нам —
не странно ли?! — «горе уму».

Было, было ведь так: жизнь
саму ни на грамм не украсив,
Просвещали умы, — как патроны
в обойму, — слова.
Пушкин сам издавал, издавал
сам упорный Некрасов,
После каторги даже Достоевский
журнал издавал.

Трудно слову под сердцем
любого тирана согреться,
Тесно слову в чахоточной
собственной впалой груди.
И, бежав в безопасность,
бил в «Колокол» яростный Герцен,
И хотел свою Родину через
тысячи верст пробудить.

Так горите в огне своей
Правды Творцы Самиздата,
Самых разных масштабов, —
одинаково славны все вы.
Так Россия устроена: платит
за слово создатель,
Жизнью платит, изгнанием, иногда —
серебром головы.

...Рассвело, отписавши все ночь
напролет, отрываю
От истории давней свои
молодые глаза, —
Я иду по Москве, — там,
где Слово живое бывает,
Но которое трудно не только родить,
но сказать.

Слышу говор толпы, сердцем
чувствую мысли народа.
И откуда к познанию страсть в нем?!
Откуда?!
Говорит в нем и бьется огромных
просторов природа,
Говорит в нем за всех,
кто прошел огорченья вина.

От немислимой тьмы,
от невежества ропот я слышу,
Те, кто кровью облиты
полушопотом легким слова.
Я с трудом подбираюсь
в книжный — там вижу,
Как торгует сам автор, —
и так, как пища торговал.

Пусть же ставит автографы
автор лукаво-учтивый
На красивом дерьме,
что повсюду безчестно видать.
В магазинах на полках —
такое фальшивое чтиво, —
Так греми же сильнее по домам,
по ночам Самиздат.

И прочтешь, перечтешь, отступишь
для себя на машинке,
И от глаза лукавого будишь
в ночи поднимать, —
Зная, если найдут на тебя шквал
невзгод сокрушиться,
За решетку возьмет психбольница,
а может — тюрьма.

Умоляю тебя, сердцем к слову
его не оглохни, —
Пусть на улице солнце,
мороз или льет.
Знай же, милый читатель,
что страница из книги — Голгофа,
На которую автор свой крест
неустанно несет.

Ты прости ему даже ошибки,
смущаясь, корректно, —
Превозмогши себя, он шагнул
в удивленную быль.
Знай, что автор редактором
был и корректором,
И печатником; даже —
художником был.

Полиграфскою краской его
уже ты не обрадуешь,—
Знает жизни он нашей
трагический фарс.
Не в красивой обертке
он ищет жестокую правду,—
Фальш в любом одеянье
отвратна! О, мерзкая фальш!..

Ну, прощай мое слово!
Опять я к тебе обращаюсь.—
Ты явилось во сне мне,
и так — наяву.
Презирать свою славу
и впредь обещаю,—
Так живи мое Слово,
коль сам я сейчас не живу!

ночь 3 марта, 1976 года.
Востряково, КЖД

ПУТЬ К САМОМУ СЕБЕ

*Краткая литературная характеристика
жизни и творчества поэта и сказочника
АМАЛДАНА КУКУЛЛУ*

Когда писалась эта книга, когда она переводилась, вереницей улетали года и многое в мире успело измениться: еще не прилунивались на серый пепел спутника планеты, воспетой поэтами всех времен и наречий, крепкие парни с веселым и беспечным нравом из Штатов, произнесших великие интернациональные слова, еще в Москве насчитывалось всего пять-шесть подземных переходов, — город не прятался под землю, движение пешеходов и машин не было еще таким интенсивным, какое оно сейчас; еще над тихими арбатскими удочками не высились книгоподобные здания СЭВ; еще не было повальным шествие туристов в пенаты природы, — оно это варварское нашествие начнется немного позже — и расстояния были или казались бесконечно длинными; еще только начинали входить в массовое производство и моду синтетические ткани, вроде, нейлона, болоньи и т. д.; еще свежа была земля на могиле нобелевского лауреата, затравленного и запуганного в Переделкино, но старели, шли к своей кончине боевитый помощник по ЛЕФ'у Маяковского — Николай Асеев и грузный философ поэзии конструктивизма Илья Сельвинский; Илья Эренбург „свободный гражданин России“ в те годы властвовал над молодыми умами своей книгой „Люди, годы, жизнь“; и громко, воинствуя и „бронзовея на ходу“ метался с одной поэтической эстрады на другую Евгений Евтушенко; еще не вскарабкивался на вершину Нью-Йорских небоскребов Андрей Воз-

несенский, держи на указательном пальце божьей коровкой наше древнее солнце; еще нынешнее "диссидентство" не прошло своих эволюционных фаз от антисоветизма до инакомыслия, но уже немецкий поэт Ганс Энсценбергер написал свою „Балладу о слепых", а в далекой Западной Германии Генрих Белль — „Город привычных лиц". В эти же годы в тихой Рязани писал свой блистательный роман „В круге первом" Александр Солженицын уже известный своим „Одним днем из жизни..." и рассказами; Александр Твардовский, отправив своего Василия Теркина на тот свет смешно и слабо, взявши на прокат литературный прием у прославленного флорентийца — изгнанника Данте, становился тем редактором, которого ждала много лет интеллектуальная Россия. Георгий Свиридов писал музыку на стихи Есенина; хачатуряновского „Спартака" изгнали на заштатную сцену куда-то в Воронеж; театр на Таганке во главе с режиссером Юрием Любимовым еще только начинал разворачиваться в своей выразительной студийности экспериментаторство и пальму первенства пока что держал „Современник".

Загоралась новая заря культурной жизни после долгой, изнурительной эпохи сталинского безвременья: она мерцала надеждой на рассвет, которому не дано было наступить. Медлительно стихал лай борзых лит. критиков на автора романа „Не хлебом единым" Владимира Дудинцева: интеллигенции возвращались отнятые духовные ценности: начали издавать Цветаеву, Бабеля, Платонова, Хлебникова, монографии художников импрессионистов и вспоминали мир искуссников и двадцатые годы — Татлина, и Ларионова, Малевича и Кондинского: в перепечатке, или как теперь говорят, „в самиздате" ходили стихи М. Волошина и О. Мандельштама, А. Ахматовой и „туеядца" из Ленинграда И. Бродского и целые реки стихов отдельных авторов мертвых и живых. На периферии не было хлеба и за ним ехали в Москву из окрестностей, а пробудившиеся духовные силы жили не хлебом единым. Времена шли, но ничто с ними почти не менялось. Дважды по кремлевской трибуне стучал кулаком идеолог от ЦК Ильичев на творческую интеллигенцию, а его шеф и наш веселый генсек Никита Хрущев, смешной реформатор, лукавый и прямодушный человек, зарвавшийся и глупый политик, успел постучать своим мокассином

по трибуне Организации Объединенных Наций. Все смеялись, и смех оборачивался штрафом в два миллиона. Сталина из мавзолея вынесли его приверженцы со „сжатыми до посинения кулаками", как писал в своем стихотворении Евтушенко, но тенденция сжатого кулака и стука кулачного еще гудела над бескрайними просторами Родины. Есенину возвращали былую славу, но уже в гипертрофированном виде: кондитерская фабрика „Красный Октябрь" поместила на конфетные обертки благовидное лицо поэта, назвав эту продукцию „Есенинские", а один „талантливый" кондитер, шеф-повар из столичного ресторана поднес по заказу на торте, выписанного кремами Есенина в золотых кудряшках одному литератору-юбилару: ресторанные певички тонули в дыму сигар „Жизнь моя, не ты ль приснилась мне". Старое, забытое, обновлялось, сияло новым блеском и на духовные ценности народ набрасывался как на хлеб с жадностью узника концентрационного лагеря.

Для того, чтобы понять ту или иную книгу, надо иметь хоть маленькое представление о времени, в которое она писалась, что я и старался сделать в этой беглой картинке. Автор был тогда молод, пишущий эти строки — юношей и возможно, мои представления покажутся кому-либо крайне субъективными, но я не пытался размышлять, тем более давать целую картину времени: это — в дальнейшем сделает сам автор, — одно могу сказать, — человек вне среды и вне времени жить не может, — он дитя того и другого. Так или иначе историко-литературные процессы влияют на него так же, как география и климат.

Периферия Союза жила тем напряжением интеллектуальной жизни, которое расходится по концентрическим окружностям от центра к краям, угасая и, как правило, узурпируясь: и нужно было иметь хорошее поэтическое чутье и сейсмографическое сердце, чтоб уловить и выявить для себя точный, объективный ритм, наполненный слухами, а часто и сплетнями литересды на удалении расстояния от Москвы до Махачкалы. Автор работал в этом тихом городе, где по центральной улице Буйнакской ходили толпами молодые поэты, ставшие впоследствии известными, с утра и до поздней ночи, читая друг другу стихи, обсуждая литературные новинки и новости. Там же скитались бродячие собаки, — уставшие, ложились под чинарами и безучастно,

лениво смотрели на прохожих. Парк, которым заканчивались и начиналась Буйнакская, облепился черными гроздьями грачей и ворон; „гроздь“ — время от времени осыпались и над деревьями, над всей улицей стоял пронзительный галдеж птиц. Город со времени Петра Первого, раньше он и назывался „Порт Петровский“, строился настолько хаотично, стихийно, что был повернут спиной к морю и сбегал к морскому простору безобразием пакгаузов и всяческих сараев и пристроек, что противоречило элементарным законам градостроительства, и молодые архитекторы из Ленинграда разработали дерзновенный современный проект и макет развертки города лицом к водной плоскости, давая тем самым возможность городу дышать и видеть дальше.

Поэты приморского города перебирали литературные сплетни: — те, — которые поскандальней, мыли своим коллегам косточки на всяческих собраниях и заседаниях, совещаниях и кружках, поучая как жить и как писать. Автор этой книги, у которого осталось за плечами тяжелое и холодное детство военных лет, ученичество в сапожниках, работа грузчиком на железной дороге и в порту, учеба в зооветеринарном техникуме и мотание по аулам после защиты диплома, суетливые будни корреспондента районной газеты, где приходилось совмещать поздними вечерами с работой литсотрудника, выпуск сатирической радиогазеты „Голос зрителя“, и уже студента Ростовского университета факультета журналистики заочного отделения, сидел за столом и искал свое жизненное кредо, что он должен внести в хаотично организованный улей эмоциональной информации, где будет стоять его маленькое, художественное „Я“. Фельетон провокационного характера, написанный татскими писателями старшего поколения, напечатанный в республиканской газете произвел на молодого поэта убийственное впечатление — он хотел покончить жизнь самоубийством; нервно по киоскам начал скупать тираж и, как всегда бывает в таких случаях, на помощь приходит и выручает работа; он писал эти вот предлагаемые стихи и поэмы.

Амалдан Кукуллу по национальности тат, представитель маленькой народности Дагестана, говорящей на языке фарси, — на том языке, на котором писал свои медицинские и поэтические манускрипты Авиценна и бли-

стательные стихи „золотом по черни“ Саади, Рудаки, Фердоуси и Омар Хайям. Писать было о чем, но для поэта важна форма выражения. Стилевая особенность поэзии Востока — развернутая, я бы сказал, медленная метафора, органически перерождающаяся в образ (некуда тогда было бежать, торопиться), заканчивающаяся мудрой выкладкой или неприметным на первый взгляд юмором, в контексте своем блистающая книжным, отточенным блеском, но поэт все же корнями своего чутья тянулся к русскому словесному наследию, в котором, — в особенности стиха — экспрессия образа и композиция всегда соседствуют с демократичностью содержания, искренностью, самобичеванием и желанием крушения тех или иных социальных препонов и устоев. Поэт соединил два эти начала — восточное и европейское воедино, и стих говорил по-новому: на тех нотах, которые не были понятны его старшим собратям по перу — ревнителям традиционной формы, и они обрушили на него шквал ругани, защищая свой консерватизм известной и испытанной догмой: „Это не будет понятно народу“. Эксперимент обернулся для поэта кнутом: его не стали печатать. Для национальных поэтов, в данном случае поэтов Дагестана, характерно одно примечательное свойство: воспевая горный ландшафт, реквизиты, зарифмовывая народные пословицы и высказывания, описывая те или иные национальные обычаи или тенденции, они думают, что по своей сути и форме это и есть национальный колорит, таким образом, не доставая взглядом дальше своего аула, не замечая, что из-под их пера выходит продукция псевдонационального характера, то есть органичное толкование, забыв, что всякая глубоко национальная литература способна стать лишь тогда интернациональна, когда она понятна будет человеку любой народности. Путеводная звезда любого творческого процесса — интуиция, а не программный поиск, не программирование посредством компьютера, — и она выводит безошибочно на путь словесной интернациональности Амалдана Кукуллу, принявшего и пропустившего через фильтры избирательного мышления культуры других народов, в особенности, русскую. Его языком заговорил опыт Бориса Пастернака и Есенина, Маяковского и Сельвинско-

го, Пушкина и Баратынского, а из западных поэтов — Уолта Уйтмана и Шарля Бодлера. Вот основное достижение поэта в те давние времена.

Меньше всего мне хотелось бы говорить о самих стихах: они это сделают сами за себя. Я буду больше касаться биографических сторон поэта, ибо они, как правило, сокрыты от читателя. Атмосфера непризнания стучалась, двери редакций в родном городе захлопывались перед самым носом и, издав книгу рассказов и книгу стихов „Я и море“, поэт оставляет Родину и переселяется на постоянное жительство в Москву. Тем временем в издательстве „Советский писатель“ выходит книга стихов „Выбор пути“: книга слабая, написанная до творческих поисков, о которых я говорил выше. Переводчик Ю. Хазанов следовал букве текста и упустил таким образом, главное — авторскую порывистость, пафос молодого ищущего человека, а национальный колорит вышел псевдонациональным; книга оказалась прилизанной, скользкой и серенькой, на которую не обратил внимания ни читатель, ни критик. У поэта наступило „время писания в стол“. Правда, стихи его появлялись в газетах, в приложении к „Известиям“, „Недели“, но в основном, он публиковал свои произведения в Ростове, когда он бывал на сессиях. Времена ожиданий прошли, приходило время выжидания. Вдали от родной земли всегда хочется, как я думаю, быть ближе к ней, ближе — это не значит доподлинно географически, а духовно, и поэт наездами на Родину стал по крупице в аулах собирать татский фольклор, записывая на магнитофон и в блокнот древних, умирающих сказителей, который в последующие годы выливался в виде сказок, поговорок, пословиц, частушек и народных песен. Издательство „Наука“, — редакция восточной литературы — заключает договор на сказки, т. е. на ту самую книгу под названием „Золотой сундук“, которая выйдет спустя десять лет, куда вошли сказки „Лев и пахарь“, „Ворона и соловей“, переводчиком коих явился пишущий эти строки. Путь от написания книги до ее издания также долг и извилист и не менее сказочен, как путь героя сказок — Рустама — национального героя ирано-татского фольклора, и автору он стоит много попорченной крови.

Литературная московская среда оплодотворяет поисковые начинания поэта, но она

же и действует отрицательно своей дежажнической и конъюнктурной стороной дела, что всегда вызывает у истинного поэта протест. В Москве начинается второй накопительно-интеллектуальный процесс на европейском уровне: поэт перечитывает всего Достоевского и о Достоевском, Толстого, Маяковского, Пушкина, Блока, Некрасова, Лермонтова; из западно-европейской литературы особенное предпочтение отдает Данте и Гофману, Кафке и Альберту Камю, Сервантесу и Бальзаку, знакомится с философией Ницше и Шопенгауэра, всецело увлекается христианством. Круг интересов расширяется: он проводит время в кругу художников-авангардистов и композиторов, ученых и артистов. Работу над собиранием фольклора татов Дагестана одобряет академик востоковед и переводчик иранской классики И. С. Брагинский, им же написана хвалебная рецензия на книгу сказок „Золотой сундук“ и горячо поддержана на редакционном совете издательства „Наука“.

Амалдан Кукуллу с отличием защищает диплом и сразу же пишет диссертацию по татскому фольклору, которую защитить не удастся — слишком крепки заслоны столичной коррупции и „куначества“.

В Москве, в издательстве „Малыш“ и „Детская литература“ выходят три детских книги поэта большим тиражом, но они не приносят ни духовного спокойствия, ни материального достатка.

Предлагаемые стихи этой книги не раз отвергались самыми различными издательствами, хотя почти все были в разное время опубликованы в периодической центральной и республиканской печати, читались по радио и телевидению, их слушали большие и маленькие аудитории, начиная от рабочих и кончая студентами в авторском исполнении, и в исполнении чтецов-артистов. Читатель не знает как издаются книги, какой основной канон является для прохождения рукописи в печать, и кто его устанавливает: и я, с позволения, вкратце скажу и об этом. Предлагаемая издательству рукопись должна получить три положительных внутренних рецензии и только тогда она становится в тематический план издательства при одобрении редакционного совета. Да ладно! Рецензия рецензией, но что за люди являются этими рецензентами? Как правило более-менее известные писатели, поэты и критики в этом не участвуют, — они

заняты своими делами. Кто же участвует? Кто же выносит приговоры писателю и читателю? Кто решает судьбу книги в свет? Отвечаю: посредственные писаки подвизающиеся на литературных задворках, у которых нет сил для создания собственных произведений, способных заинтересовать публику и зарабатывать таким образом. Если писатель мэтр — значит нужно писать положительно; если молодой и еще мало известный, то можно „резать“, можно куражиться и „ловить блох“, как говорят литераторы. И таким образом, приживаясь в редакционных кулуарах, прячась за кулисами больших издательств, зная всю литкухню, они под личиной строгих ревнителей русской словесности, убивают книгу, за которой почти всегда стоит трудная, „вся в репейниках“ судьба писателя или поэта, тиская в темпланы свои серенькие, безликие, зачастую просто эпигонские опусы. Вот почему на полках наших книжных магазинов и библиотек такое половодие безликого, конъюнктурного, дорогой читатель! Десяток — полтора таких рецензентов срывалось с полканьей цепи на рукопись этой книги, отвергая автора и переводчика; только за все время один честный голос раздался на этот счет, — его подал поэт и переводчик Александр Глезер, ныне директор и основатель советского авангардного искусства под Парижем. Был и другой голос положительно и глубоко отозвавшийся на рукопись стихов Амалдана Кукуллу — это Илья Сельвинский, рецензию которого мы помещаем в качестве приложения в конце сборника. Другие имена из этого хора не хочется выделять: они ничего не прибавят читателю. Думаю, что взыскательный читатель сделает сам соответствующие выводы и вынесет свой приговор.

„Познай самого себя, и ты познаешь мир“ — гласит древняя мудрость. Человек частично может познать какую-то ничтожную долю самого себя; писателю, поэту, проще говоря, — художнику, удастся за всю жизнь больше, чем обычному человеку, — и за это познание он платит большую цену, подчас — расплачивается собственной жизнью. Сосредоточенный взгляд в себя дает больше, нежели восторженное созерцание окружающего, ибо это — глядеть в самое природу через призму собственного „Я“, — и ведет к открытиям.

Заканчивая это предисловие или литературный краткий экскурс о жизни и творче-

стве поэта и сказочника Амалдана Кукуллу, я хочу просить читателя понять его мироощущение, экспрессивность образа и заодно — снисхождения к переводчику, который сам в своей работе над этой книгой находился и понеках самого себя в те далекие годы.

Анатолий Сенин — поэт, переводчик

20 мая 1977 г.

Москва

Вот почему на полках наших книжных магазинов и библиотек такое половодие безликого, конъюнктурного, дорогой читатель! Десяток — полтора таких рецензентов срывалось с полканьей цепи на рукопись этой книги, отвергая автора и переводчика; только за все время один честный голос раздался на этот счет, — его подал поэт и переводчик Александр Глезер, ныне директор и основатель советского авангардного искусства под Парижем. Был и другой голос положительно и глубоко отозвавшийся на рукопись стихов Амалдана Кукуллу — это Илья Сельвинский, рецензию которого мы помещаем в качестве приложения в конце сборника. Другие имена из этого хора не хочется выделять: они ничего не прибавят читателю. Думаю, что взыскательный читатель сделает сам соответствующие выводы и вынесет свой приговор.

В ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ АМАЛДАНА КУКУЛЛУ

О, друг мой верный! Самый, самый верный!
В рожденья день, в январский третий день,
Хочу сказать: — Благодарю за веру,
И за спиной — твою косую тень,

За неуклюжесть в жизни, просторечие,
Что сердце бьется в доброте, не зле.
За новогодний одинокий вечер,
За все что есть и будет на земле.

От жизни мы — немного хотели:
Писать стихи, пробиться честно в свет.
В моем краю свирепствуют метели,
В твоем краю — морской соленый ветр.

И ради строк поэзии и сказок,
И ради всех других прекрасных жатв
Ты убежал в столицу с гор кавказских,
Я — с Украины милой убежал.

В иных краях, в иных неравных драках
Нас недруги доселе не шадят.
Мы стыли в неуютках, передрягах,
И распинались мы на площадях.

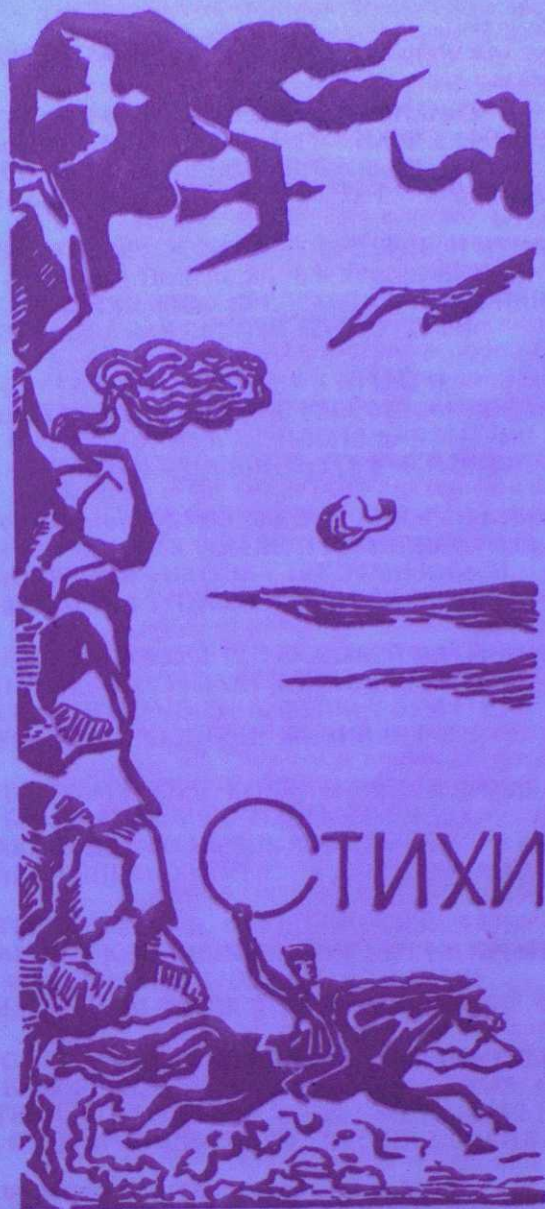
Я скуп на похвалы. Еще — скупей на ласки,
Но десять лет живем чуть вздора мы.
Ты этот мир украсить хочешь сказкой,
Я — правдой — этот страшный, жуткий мир.

Мы знаем силу творческой отдачи,
Пускай строка порой и встанет вспять.
В моем краю уснули глухо дачи,
В твоём краю дома большие спят.

В саду не скрипнут детворы салазки.
Деревья так таинственно тихи.
Тебе, быть может, снятся те же сказки,
Мне, как всегда — правдивые стихи.

А снег так чист на тонких, зябких ветках!
Луна выводит от деревьев тень...
Твержу одно: — Спасибо друг за верность
В январский третий уходящий день.

Анатолий Сенин
с 2-го на 3-го января,
года 1972.
Востряково

МОЕ ПРОДОЛЖЕНИЕ

СЕГОДНЯ ВСЕГО Я СЕБЯ — НАИЗНАНКУ,
УМНОЖУСЬ НА ЖИЗНЬ. НЕТ — НА ВСЕ НАШИ ДНИ.
УЙДУ ДОБРОВОЛЬНО В НОЧНОЕ ИЗГНАНЬЕ,
ЧТОБ ДЕНЬ СВОЙ РАБОЧИЙ, УСТАЛЫЙ ПРОДЛИТЬ.

НО НЕТ, — ПРОДОЛЖЕНЬЕ НЕ ЗДЕСЬ, И МЕНЯ НЕТ, —
Я — В ГРОМЕ ЦЕХОВ, Я — В ШУРШАНИИ ШИН.
Я — В ЛЮДЯХ ЖИВУ ПРЕДРАССВЕТНЫМ СИЯНЬЕМ,
СЕБЯ ВЫРАЖАЯ СКВОЗЬ ТРЕПЕТ ДУШИ.

И ВОТ ОТТОГО Я В ПЛЕНУ У БУМАГИ, —
(ЗВЕЗДЕ ЗА ОКОШКОМ С РАССВЕТОМ ЛОТЛЕТЬ).
О, СЛОВ КОЛДОВСКАЯ, ПЛЕНЯЩАЯ МАГИЯ!
О, РАДОСТЬ ИЗГНАНЬЯ, О, ГОРЕЧЬ И ПЛЕН!

СХОЖДЕНЬЕ С БУМАГОЙ ВСЕ БЛИЖЕ И БЛИЖЕ,
И СТРОЧКИ, КАК РОСПИСИ СЕРНИНЫХ ТРОП.
И ШЕПЧУТСЯ ТИХО ЗА СТЕКЛАМИ КНИГИ,
И ШЕПЧЕТСЯ ТРЕЗВО С БУМАГОЙ ПЕРО;

И РАЗУМ КЛОКОЧЕТ СТЕКАЮЩЕЙ МАГМОЙ...
НО ВОТ, — НАСТУПАЕТ ТАКАЯ ПОРА:
ПЕРО — ПРОДОЛЖЕНИЕ ШЕПЧЕТ БУМАГЕ, —
БУМАГА — ПРОДЛЕНИЕ ЖИЗНИ ПЕРА.

И ГДЕ ТАМ КОНЕЦ, КОГДА МЕЧУТСЯ ГРОЗЫ,
И БУКВЫ КОГДА ЗАСТЫВАЮТ В СЛОВА.
ТАК МЕДЛЕННО МЫСЛЬ ВОПЛОЩАЕТСЯ В БРОНЗУ,
ТАК МЕДЛЕННО КРУТЯТСЯ ДУМ ЖЕРНОВА.

ОТВЕРГНИ КОНЕЦ, — ПОКЛОНИСЯ НАЧАЛУ: —
НАШ БЫТ КЛИНОПИСЕН, НАШ БЫТ НЕ ПРЕМУДР:
Я МОЖЕТ ЗАТЕМ ПРОДОЛЖАЮ НОЧАМИ
СИЯНЬЕ СТОГЛАСОЕ ДРЕМЛЮЩИХ УТР.

И С БОЛЬЮ В ГРУДИ, И МАЛИНОВЫМ ЖЖЕНЬЕМ
Я БЬЮСЯ В ПРИПАДКАХ БЕССОНИЦ, ОГНЯ, —
СТИХИ, ЧТОБЫ СТАЛИ МОИМ ПРОДОЛЖЕНЬЕМ
И, СТАВ ПРОДОЛЖЕНЬЕМ, ПРОДЛИЛИ МЕНЯ...

Я ЧУВСТВУЮ ЧУТЧЕ ПУЛЬСАЦИЮ ВЕКА, —
И В КОМНАТЕ ДУШНОЙ СВЕТЛО И ТЕСНО.
ЗА ЗЕЛЕНЬЮ ОКОН Я ВИЖУ СКВОЗЬ ВЕКИ
МОЕ ПРОДОЛЖЕНЬЕ, — ИДУЩЕЙ ВЕСНОЙ.

МЫ РВЕМСЯ И ШВЫ НАПРЯЖЕННО ТРЕЩАТ

Оглавление первого цикла

Создателям движения	
По звездам	
Земля не затем остывала	
Изваяние (Сила творца)	
Идут рабочие (Зарисовка почти с натуры)	
Дитя вселенной (Почти монолог)	
Родина-мать (триптих)	
Когда усну	
Чудак	

1960—1965 гг.

„МОЕ ПРОДОЛЖЕНИЕ”

НЕ В ПАЛЕТЯХ СУЩНОСТЬ, НЕ В ПАМЯТИ ДЕЛО, —
МЫ РВЕМСЯ, — И ШВЫ НАПРЯЖЕННО ТРЕШАТ, —
ГДЕ МАРС СРЕДИ РОССЫПИ ЗВЕЗДНОЙ РДЕЕТ,
ГДЕ БЛЕЩЕТ ЛУНА ЧЕШУЮ ЛЕЩА.

А. К.

СОЗДАТЕЛЯМ ДВИЖЕНИЯ

От колес до ядра,
От ядра — до снаряда —
к ракете,

На ямской на Руси
Лихорадило ночью умы.
И на все налагалось
Царями тупые запреты,
Но манили все также
 горящие звезды,

Как вызов из тьмы.
Телеграф ковылял от Москвы, —
На окраины, —

к Нальчику.
Нерасчитанный „Муромец“
Шел без оглядки в пике.
На тифозных своих тюфяках
Умирая Кибальчич
Бредил первым полетом,
Караванами бредил ракет.
И не сколько не поздно, —
Напротив, —

поспешно и рано,
Уж другой бородач все расчеты
Нам высчитав, даст:
В захолустной Калуге,
Резной, деревянной
Жил учитель гимназии, —
Явный чудак и фантаст.
Испаньолки в трибуны
Врезались коллегий ученых
Безотчетно, свергая расчеты
Бессонных ночей.
И опять,

и опять над листами
Бумаги лощеной
Под свечой колыхались
Огни осенённых очей.
И сломала запоры на тюрьмах
Народная нахлынь, —
Так ломали,
Что трудно сейчас передать.
И учитель калужской гимназии
Гениальный и дряхлый
Стал уже не фантаст,
И уже ни как раньше —

И ракеты трассируют, —
Так указал Циолковский, —
Превращаясь в легенды
Сквозь ночи и дни.
И работают люди в очках

По законам земных неспокойствий, —
В осциллографах время
пульсирует как
Наблюдают они.

ПО ЗВЕЗДАМ

Листья старой чинары
во тьме, обобщаясь, слипаются.
Перегнилостью дышит
сырой за дорогою ров...
Просыпаются звезды —
так дети одни просыпаются.
Осыпаются звезды,
как искры с далеких костров.
Когда филин служил
в фосфорических ветках

вечернюю,
Когда мамонт липучею хвоей
спросонок трещит, —
Волосатые люди во мраке,
во мраке пещерном
Раздували костры,
и костры полоскались в ночи.
Иезуит-инквизитор
за готикой сводов подтрунивал,
Похоронную пел
аббатский святой баритон;
Превращается, вижу, в огонь
убежденный, несломленный
Бруно.

Превратился в летящие искры,
а искры уж в звезды потом,
Брызнул век по планете
каленным железом,
И солдат оторвался от дома
и где-то бредет,
Прошагаем, товарищ,

по звездам,
гремя „Марсельезой”...
И по звездам
солдата того
мы в живых не найдем.
...А планета своя, все на ней
пунктуально известно:
Каждый город, травинка;
перелесок и сад.
Мы в легендах солдата найдем,
в позабытых по времени песнях;
Наша верная память —
точнейший его адресат.

Нам не нужно легенд,
мы — живые сегодня легенды —
Притяжения рвем,
нами в космос протянута нить.
Так еще никогда не работал,
не здоровствовал гений;
Так еще никогда
не блуждали бессониц огни.
Небосвод пролужен,
сваркой мощных энергий
пропаян,

И на шве горизонта
зари запекается кровь.
...Просыпаются звезды —
так дети одни просыпаются.
Осыпаются звезды,
как искры с далеких костров.

ЗЕМЛЯ НЕ ЗАТЕМ ОСТЫВАЛА...

В. Котову посвящая.

Бурлила, храпела и чавкала магма,
Милльонами лет остывала земля.
Вот осень — дороги подстать колымагам,
Зима — и бегут бесконечно поля.

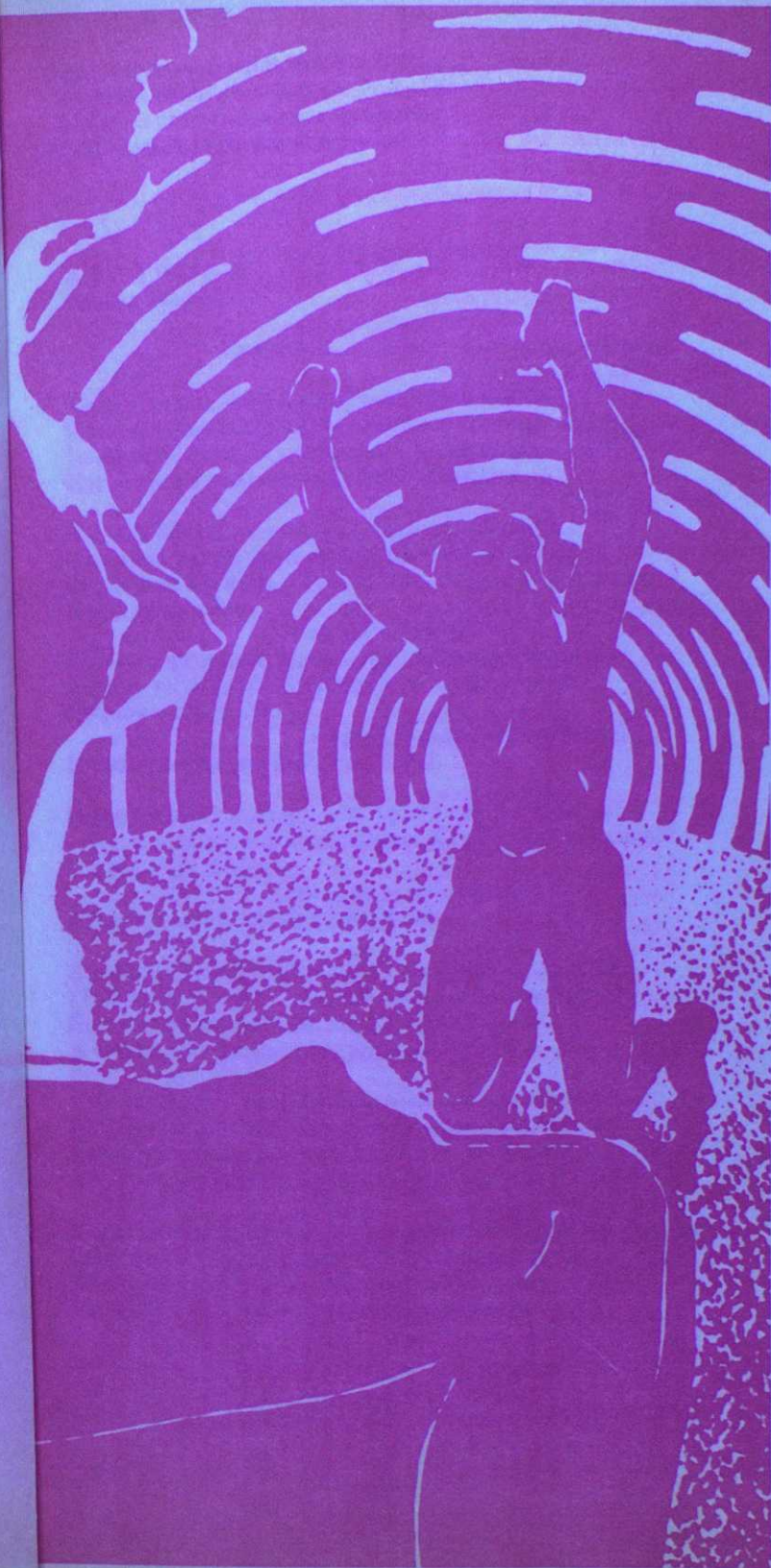
Беспорная смена законов, событий,
Беспорная связь ледников и озер.
В пещеру грядет человек первобытный, —
Огонь сохранить он в пещеру несет.

Огонь на земле появился как радость.
Потом превратился он в слезы и месть.
А дальше, — с хоромов, за четкой оградой
Хозяин, как страшную, дикую весть

Огонь рассыпал по соседним уделам, —
Каленый булат, надрываясь свистел.
Нутром неостывшим земля загудела, —
Земля остывала совсем не за тем,

Чтоб пламенем взвились поля и станицы;
Прошел по лесам чтоб сметающий год;
Чтоб наши земные премилые птицы
Комочками падали в черный огонь;

Чтоб дети еще не родившись,
ослепли во чреве;
Чтоб чья-то не вспыхнула ярче звезда.
Чтоб вдовы в немолкнувшем горе и реве
Прокляли деянья его навсегда...

Мы, землю почувствовав с возгласом: „Мама!“
Доносим до гроба к ней нашу любовь.
Земля не затем остывала из магмы,
Чтоб бомбы ее раскаляли вновь.

ИЗВАЯНИЕ (Сила творца)

Другу и художнику Александру Данову

Были плечи и лоб по-хазарски ловки и покаты,
Удивительным был стековой отработанный жест.
То ваятель ваял от восходов и до закатов, —
Так ваял, как ваяют, святейших божеств.

И когда изваял, и когда отошел на два шага
Отыскать недостатки, отбросив наборы зубил,
Он упал на колени, — так падают лишь перед шахом, —
И поклоны забил.

О, как часто забил!

Глубоко на закате звучали прощенья, молитвы, —
Глубже глаз и набата, алтарного звона стекла.
Но стоял монумент —

 непреступный и монолитный,
И таинственно-хмурый, как клад.

И воскликнул ваятель, как будто творец Моисея:
— Ну, когда же, когда ты начнешь говорить, наконец?! —
И у ног горельефно,

 тревожно, рассеянно
Изваял удивительной славы венец.

И ожило ваянье, — изваяние с каменным сердцем.
(Так ваятель хотел, так заботился в едком поту!).
Потекла по бульварам, по музыке серость:
А в подвалах разлился кровавый потоп.

...Не сходились ваятели долго на праздник и вече, —
На божественных фресках цвели выцветая мазки.
Изваянье забыло, что плод оно рук человеческих,
И что тот же ваятель превратить его может в куски.

Когда солнце в стерню ослепительным спустится скатом
Силуэтно увидите мощный безстековый жест:
То ваятель ваяет от восходов и до закатов, —
Так ваяет, как ваяют святейших божеств.

ИДУТ РАБОЧИЕ

(зарисовка почти с натуры)

Отброшена, скомкана ночь и экраном
Встает над планетою синий рассвет,
И солнце лучами обрывки тумана
Метет с ворошением желтых газет.

И если не встретить на улице дворника
Подумаешь: „в шучьем велении рай”,
Течет померанец олифой по створкам,
Дымятся деревья в подкове двора.

Пока еще тихо, но скоро разрядит
Замочные скважины шелканьем ключ.
Из темных подъездов совсем не парадных
Сгущающей массой выплывает люд.

И в нахлыне этой вся суть. И завоюет
Клаксон дребезжа, тычась в трубном лесу.
Рабочие черные к черным заводам,
Черней антрацита, руки несут.

Но это лишь первое только виденье, —
В нем есть свои краски, — и нет черноты,
Теплится в нем утра сверканье, раденье, —
В них что-то от самой простой простоты.

И музыке в такт, в унисон оживленно
Качаются гири больших кулаков.
Над скулами черных булыжен, — без лени
Поток к проходным, извиваясь, влеком.

Такое подобие рек очень плавно, —
Подстройся такому движению в лад,
И ты кулаки понесешь переплавить
В ракеты,

в мосты,

в молотки,

в вымпела.

ДИТЯ ВСЕЛЕННОЙ

(почти монолог)

...Господи, топ-

топ-

топ

Ножками по потоку
Солнце,

по затопленным
Зеленью травам,

Ранью,
проснувшись рано.
Ручонками.

Наивными ручонками
Наивное солнышко достать
С придорожного листа.
Золотым обручиком
По скользящим лучикам
Вдаль,
вдаль.

Молвит снизу маленький клубочек:
— Дойду,

возьму
и покачу
Во двор свой, как голову снежной бабы.
Мама, а мама, это чудо!?
И правда, ему удивится наш папа?!
И правда, это никому не во вред?!
И будет столько смеха и света
В нашем дворе?!
И правда, будет тепло-тепло?!
А из конурки выйдет погреться Бульдик?!
Мама, а мама, а не темно
В соседних дворах будет?
Мама, а что если на окно
Посадить солнышко рядом с Муркой?!
Мама, а разве не будет оно
Мягко, как Мурка муркать?!
Мама, а разве солнце выдумала не ты?!
Мамочка, а что такое мечты?..

Он крохотный и не знает,
Что он сам есть его выдумщик
и Хозяин.

...Господи, топ-

топ-

топ

Ножками по миру затопленному
Солнцем.

Сочно.

Господи, ребенок очень похож
Сам на маленькое солнце!

РОДИНА-МАТЬ
(триптих)

1

Это Родина-мать наклонилась над книгой раскрытой, —
Так склоняет любимая локоны в мудростей дым.
А вокруг окружение пашен, садов, — как открытие,
А вокруг мир стоит молодым, молодым.

Мир стоит, как стоял — первобытен, как в юрский период.
Мудрость мир накоплял на папирус тяжелых томов,
Шли отшельники в кельи, качая лохматые гривы,
Всколыхнуть чтоб народную залежь умов.

И они всколыхнули... Сегодня придумали стронций,
Вслед одежду придумали — с саваном схожа она.
И все чаще и чаще рифмуются строчки
С злополучнейшим словом конечным — война.

Что ж, прости ты людей, обезумевших в поисках смысла
Жития на земле, — ты прости их, о Родина-мать...
Только трудно ужиться с единственно страшною мыслью,
Что земляне твои посходили внезапно с ума.

2

Что придумали атом и держат в руках ослабевших
Может выпасть из рук этот страшный, безумнейший ад,
Все исчезнет в туман, пропадут из лесов наших певчие,
Задохнется живое и белым не станет уж сад.

Только Родина-мать, — ты, я знаю, никак не позволишь!
Вырвешь бомбу из рук, упредив обезумевший крик.
Ведь с концов всей земли на тебя все взирают невольно, —
Сад глядит, и дитя, и травинка, и всякий глубокий старик.

3

Обрати его в веру и в силу на пользу живому...
И пример уже дан... Пусть поможет умчаться к мирам.
На земле и без этого много страждующих, воплей, —
Не затем же рождаться, — чтоб так умирать.

Встань заставой за разум!.. И ты уже милая встала!
Пусть над нашей планетой скрипичная fuga кружит...
Птица — слышишь поет, завтра снег уж растает, —
Да, и как без тебя, моя Родина, жить!

КОГДА УСНУ...

Последний выплеск ржавчины на горы,
Уходит солнце на ночной покой.
И звезды в заусенцах и в зазубринах,
Как лед ломают голубую твердь.
Я засыпаю — и виденья бродят
На мягких лапах, лапах тишины.
Вдоль переулков. Вдоль фасадов лунных.
И около меня, и около шкафа.
На скатерть опрокинули окурки,
Задели шторы, встали у окна.

То гипсовыми белыми руками
Умерший день все шарит по углам.
Кого он ищет мертвыми руками?
Зачем мой изрыл черновики?
Чего уж нет, — вовек он не отыщет,
А что и есть — ему не отыскать.
Уходят дни и мы уйдет со днями.
Но знаю, — мы бесследно не уйдем;
Мы повторимся в намогильном дерне,
Мы фосфором в травинках повторимся,
И к солнцу, только к солнцу, прорастем.
Таков закон, и такова природа,
И таковы подробности весны;
Она ломает нормы и каноны
Холодной, застоявшейся зимы.
Она взрывает почки на деревьях.
Она взорвет, что нужно ей взорвать.
В году весна бывает по закону,
И по закону к нам придет она.
Ее тогда не осудить прохвостам
За взлом, за бунт и за людскую страсть.
Ведь победителей, как правило, не судят,
А победитель судит побежденных сам.
Тогда услышу громкий глас с Небес,
Умноженный на тысячу рупоров:
„Земля, встречай с Венеры делегатов
На межпланетный мартовский конгресс!“
Каков конгресс! Какие темы, планы!
Конечно, тема — Счастье и Любовь!
Таких конгрессов не было, — ведь правда?
Но будет Он, — объявит с Неба Глас!
Проснусь. Соидет улыбка снегом.
Шуршит в углу вчерашний мертвый день. —
Не ржавчиной, а магмой обливает
Вершины гор, встающая зоря.

ЧУДАК

Я бы все позабыл ради тихих намеков предчувствий, —
Но сильнее ожиданье, — за ним не увидишь огня.
Не во сне мне, а после явилось вселенское чудо: —
Чудом утро явилось, — ребенком идущего дня.

Утро чудо всегда, — понимаете! — чудо и чудо!
Только солнце у хат пораставит безглазую тень.
Начинает чудака в кулуарах житейских причуды, —
О, чудака-человек, без тебя бы был тускл этот день.

Коль чудака ты — чуди! Пусть солидность хихикает тупо:
Пусть тебя он представит на свой незатейливый суд.

Ты ведь бабу-Ягу видел нынче в мозаичной ступе,
Хоть был день то замшелый в твоём воскресенском саду.

Ты такого насажешь о русалках живущих на клуне,
Как подсолнух сиял, будто царский галун.
Знаю, — видел в пруду голубом ты, живые, глазастые луны,
И поймал два десятка красивых чешуйчатых лун.

Жизнь твою, как намеки далеких гудений предчувствий
В полыхании зорь, в незакатном пылании огня.
Не во сне нам, а после явилось вселенское чудо, —
Чудо — утром явилось, — прекрасною девушкой дня.

В П РИРОДЕ ЖИВЕТ
И П ОСЛЕДНИЙ
И П ЕРВЫЙ

2

НО, ОБОИДЯ МИРЫ, ВЕРНУСЬ Я К ВАМ,
УЩЕЛЬЯ,
ДОЛИНЫ, ГОРЫ, РЕКИ И МОРЯ.
И ВЫ ПОЙМЕТЕ МУДРОСТЬ СКРОМНОЙ
ЦЕЛИ,
ЧТО ЧЕЛОВЕК ПРИШЕЛ НЕ УМИРАТЬ.

А РАССКАЗАТЬ ПРЕДЧУВСТВИЕ И БОЛИ,
КАК БЫЛИ ТРУДНЫ ПОИСКИ ПУТИ.
У КАЖДОГО СВОЕ ЕСТЬ В ЖИЗНИ ПОЛЕ,
КОТОРОЕ ВСЕМ НУЖНО ПЕРЕЙТИ.

А. К.

ДЕНЬ СМЕРТИ СНЕГОВ — ОН ПОНЯТНЕЙ
ВЕСНЕ
И ВЕЯНЬЕ СМЕРТИ ШЕКОЧЕТ ПО НЕРВАМ...
НЕ СМЕЙТЕ ОПЛАКИВАТЬ ПЕРВЫЙ
ВАШ СНЕГ, —
В ПРИРОДЕ ЖИВЕТ, И ПОСЛЕДНИЙ,
И ПЕРВЫЙ.

А. К.

Оглавление второго цикла

Убавляется день...	
В природе живет, и последний, и первый	
Туча	
Творчество	
И нам предстоит еще стать боропатыми	
Аул Тарки-Тау	
Балхарка	
Отцовский язык	
Над Дербентом	
Каждая река — что народ	
Утес	
Промчался ливень	
Человек пришел не умирать	
Есть птицы, есть вовсе не птицы	
Школьные тополя	
Осенняя исповедь	
Зимняя картина (образ)	
Матери	
Матери в день 60-летия	
...Упали на ресницы пряди белые	
Три картины природы	
Невидимые силы	
Книги	
У кого повернется язык...	

•1960—1965 гг. „МОЕ ПРОДОЛЖЕНИЕ“

Убавляется день. Ночь сочнее на разводы капает.
Не надышится степь недопрехшей полынью седой.
Облака обгоревшими клочьями отлетают и катят,
И наискозь уходят взлохмаченной черной грядой.

Заменяется все: облака — на глубокую просинь,
Зелень листьев — на рыжий крутой листопад;
Стрекозиное лето — на журавлиную осень,
На костры, на припек и на скрежет лопат.

Заменяется все. Подменить ничего невозможно:
Правду — ложью, безумство — прозревшим умом...
Все, что хлипко в природе, ничтожно и ложно, —
Попадает под вечный жестокий умор.

И пускай вам налгут, и пускай вас поставят под вето,
Пусть вы стали предметом дотошнейших, скучных бесед.
Будьте верны одной, будьте верны приметам,
Неизменным в веках, самым стойким из всех.

В ПРИРОДЕ ЖИВЕТ, И ПОСЛЕДНИЙ, И ПЕРВЫЙ

Снег умер сегодня. Он умер в горах.
Он умер внезапно, —

но я не тоскую:
В тени городских обветшалых оград
Жизнь рекам дана, и ручьи торжествуют.

Снег умер с ветрами, как умер бы я.
Бегут ослепительно яро потоки,
А завтра от спячки проснется земля,
По жилам растений пойдут биотоки.

Ударит, светясь янтарем, виноград!
Но тучи вздыхают последнюю сырость,
Чтоб завтра во здравие прежних растрат
Живительной влагой шарахнуть по миру.

День смерти снегов — он понятней весне,
И веянье смерти щекочет по нервам...
Не смейте оплакивать первый ваш снег —
В природе живет, и последний, и первый.

ТУЧА

Пришла, — и пошла бормотать по окраинам,
Как ветер по жести пошла бормотать.
По всем чердакам, по пилястрам, сараям,
Былинная эта пошла коляда.

Над всем, что стояло, просило и ждало,
Над всем, что хотело подняться, ожить,
Над белой полынью, багряным татарником
Кривые по-татски точило ножи.

И высверки эти ломались и жухли,
Как копья ломались в битве Донской,
Дербентская крепость тарщила рухлядь,
И рухлядь ссыпалась щипящим песком.

И шла обговаривать дебри, и хвастать, —
И где б ни стояла морская лазурь
Тушила лягушечьей зеленью ластов,
Тушила, — и всяк обещала грозу.

Бродила по межам сухих огородов,
Разряды сулила в миллион киловатт.
У нас говорят про такое в народе:
„От шума пустого болит голова”.

А я заявляю пред взором людей
Членораздельно, не нервничая:
„— Я против туч без ливневых дождей,
Я против рук, что бездельничают”.

ТВОРЧЕСТВО

Просторы полей, как простор нечерненной бумаги
(По Болдинской осени примут поля оборот).
Мгновенье пера, как мгновение палочки мага,
И всходы взойдут, если сердцу подвластно перо.

Зерно — это слово, а строчки — взметнувшийся колос.
Стих — двадцать колосьев, поэмы — поля.
И все это нужно умножить на дикторский голос,
И строчки тогда вам одно повелят:

Пусть хлеб уберется и будет на мельницу свезен,
И пусть не срывается рыжий, пшеничный пожар.
Из зерен посеянных, маленьких зерен поэзии,
Вы можете целую бурю волнений пожать.

И бури рождали: был Пушкин, был яркий Петефи, —
Сгорали, как факелы, в теми крошечной творцы.
Но, сеятель гиб от его величайшей „потехи”,
И троны трещали тогда и дрожали дворцы.

Рождение поэта — хрощая все же примета.
С рождением его умирает гнилой атрибут.
И пусть превращается лист под рукою поэта
В волненье колосьев, в любовь, в созидание и бунт.

И НАМ ПРЕДСТОИТ ЕЩЕ СТАТЬ БОРОДАТЫМИ..

Осыпалась стенопись. В нише — ни даты,
Ни имени нету, лишь в сетке — паук.
Здесь предок мой будто факир бородатый
На плитах оставил отметины рук.

И вот я вернулся, — вернулся я гостем, —
Под кровлями вижу как вялят балык.
На тропах белеют архаровы кости,
И падают с неба в ущелье орлы.

Я понял, что был я, и чувства — на выносе,
Спиральные тропы к вершинам, — и вот, —
На самой вершине, как в детстве невинном,
Стою над снегами, держа небосвод.

Пою, задыхаясь, а горы радуют,
Мне горы погрешность вокала простят.
Не просто в гостях я, в гостях я у детства,
Еще я у юности резвой в гостях.

Я вновь на открытом своем сеновале
Раскинулся звезды считать и вздыхать,
Но небо чинарами густо завалено,
И будит с зарей меня ласково мать.

...Осыпалась стенопись. В нише — ни даты,
Ни имени нету, лишь в сетке — паук.
И нам предстоит еще стать бородатыми
И тоже оставить отметины рук.

АУЛ ТАРКИ-ТАУ

(Этюд)

Страна, где лишь сейнеры режут бортами
Зеленую гладь в кривизне берегов,
Приподнят, как блюдо, аул Тарки-Тау,
Тупыми культяпками взлохмаченных гор.

В ногах горизонт буреломом завален,
(И только его про себя пожалей),
Присосками тучи, и горы в развале,
И гребень пристроен из тополей.

И глаз перекошен, как шапка Шамиля,
И зорче под черной папахой глаз.
И видно, как тают на тысячной миле
Дымящий корабль и волн перепляс.

Как в самом начале, когда еще рано,
Когда у земли не опробован дых,
Шар солнца поднимут порталные краны
Едва отрывая его от воды.

И формула эта издревле простая
Стоит, — а внизу горизонт и вода.
Свидетель работы аул Тарки-Тау,
Свидетель и сам созидатель труда.

БАЛХАРКА

художнику Рубену посвящаю

Впадал день в тупую незрячесть,
Исполнил день трудный заказ,
И бился в припадках горячих
На саклях балхарских закат.

На желтом пергаменте стекол
День плавно к ногам истекал.
Под горло кувшина со стеклом
Кралась утомленно рука.

Последний виток завершения —
Глазурью все руки зальет.
Вращенье,

вращенье,
вращенье
Гончарного круга с землей.

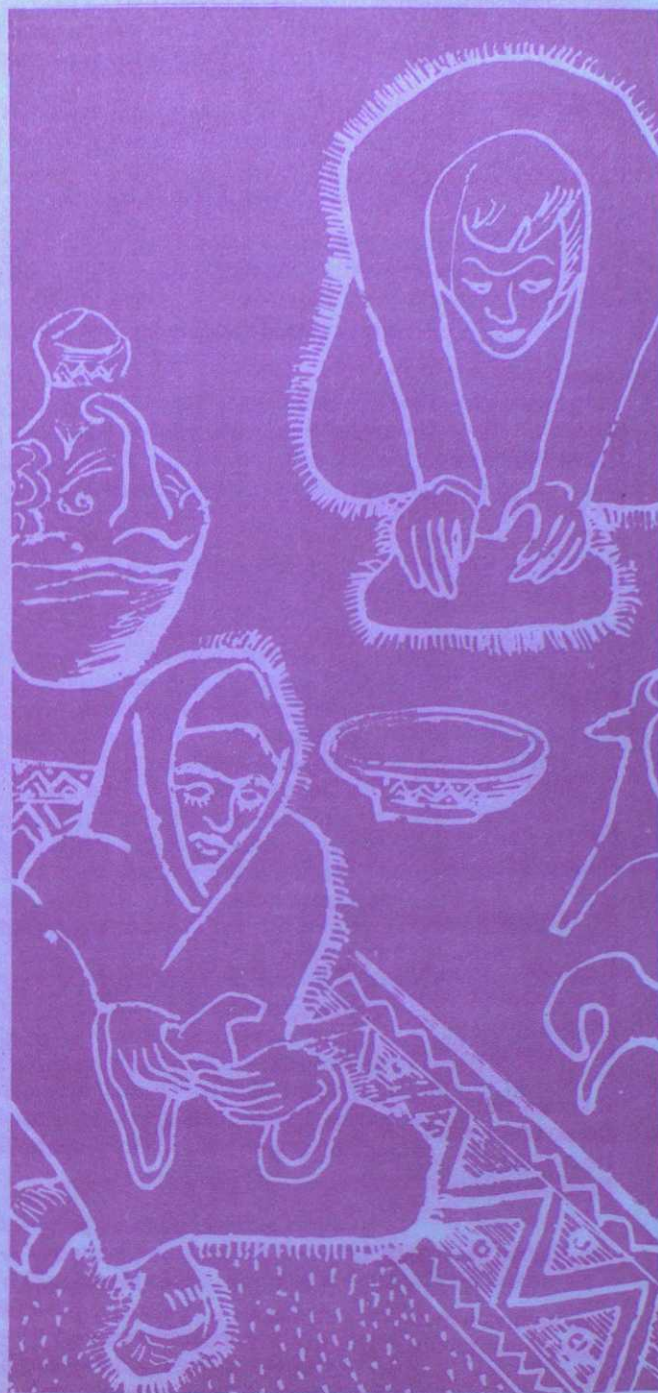
Работу на обжиг отправят,
Вновь сядет балхарка за круг,
По самому высшему праву —
За тяжкий художника труд.

В судьбе б ее принял участие,
В ее дорогих черепках, —
Легко хоть гончарное счастье
Сосудом одним исчерпать.

Я мужество их не постигну
До поздней житейской поры.
Но землю вот так раскрутили
Быть может они — гончары.

ОТЦОВСКИЙ ЯЗЫК

Если верить народным сказаньям и горским приметам,
Заблудился когда — то крадется чащобная жуть.
Говорят же в народе: — „Язык доведет на край света,
Если будет прохожий прохожего спрашивать путь“.

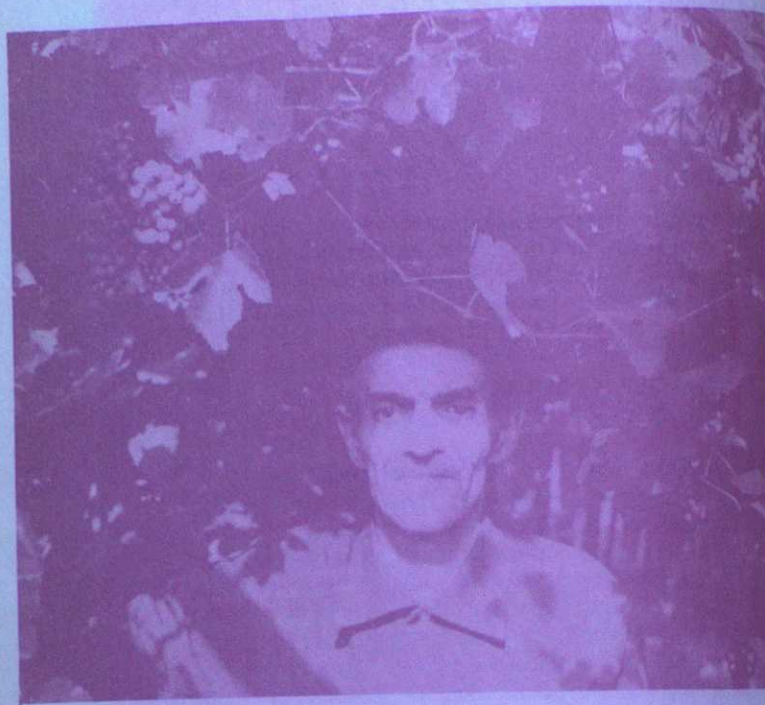

как и русский велик.

НАД ДЕРБЕНТОМ

и неспокойный

* Губе (русское произношение Куба) – древний город, расположенный на территории Азербайджанской ССР. Здесь издавна живут таты. (От автора)

На снимке: отец поэта — Кукулиев Данил Амалович.
гор. Махачкала, во дворе собственного дома.
Год 1968.

Весь Дербент утопает в разноголосом разбуженном шуме,
И зурна в каждом доме смелее и звонче звучит.
...Я стою над Дербентом, молодой и свободный,
А из уст — так и льется певучею песней газель.
И приходят потомки строителей в крепость.
И приходят не в крепость — приходят в музей.
Черепками зияют подцветшие белые камни.
Я кричу, задыхаясь, в объёме тех тяжких минут:
— Стих мой в темных веках одичало не канет,
Не рабом стих мой ляжет, а камнем — в стену.

КАЖДАЯ РЕКА — ЧТО НАРОД

У каждой реки, как у каждого племени, года:
Свои есть обычаи, цели, заботы свои.
Одна ворошит неустанно веками породы,
Другая поет, как поют соловьи.

Но реки впадают в заливы, в моря, в океаны, —
И там происходит слиянье неравное вод.
И пресные воды солеными ставши, обманно,
Свершают в волнах разъяренных полет.

До мелочи если во всем, до конца разобраться, —
(И только того не заметит, быть может, слепой).
Что кровь моя горская смешана с кровью ефратской,
А может с Кайтакской, иль с водами По.

И мрут в самых дельтах легенды, сказанья, наречья:..
Зачем же тогда я к просторам соленым стремлюсь?
Я тоже, — пусть малая речка, — но речка,
И помесью брэнной в морях становлюсь.

Но зависть, как завязь, таю я к озерам широким, —
Их воды питают глубинные снизу ключи; —
Свои в них русалки, цари водяные, пороки,
И страсти, и буйства свои, как булат, горячи.

И воды чисты, и наречие вод этих чистое.
Устойчив, незыблیم озерный натруженный век.
А рекам от тяги морей не сдержаться, не выстоять, —
Тревожна судьба в океаны впадающих рек.

У Т Е С

Другу и Учителю моему — Анатолию Сенину
посвящаю

Где чувства, — там быть глубочайшей, непрошенной травме,
Где чувства, — там все совершается в яром пылу,
Но море, зеленое море, ветрами
Сечет оголтело, как будто кнутами, скалу.

И волны дробятся и вновь собираются в волны.
Но молча стоит величавый и гордый утес.
Он вышел к простору, как вышел бы к воле,
Он вышел на шторм. — не на запахи роз.

Гуманность миража и правда до боли святая
Сходились не раз здесь за этот тревожнейший год.
И сами стихии, не ведают в том, что пытая,
Они закаляют гранитную твердость его.

Не сбросить ему до конца беспокойствий вериги.
Ветров не унять ему нудный, истощный фагот.
По волны к груди безудержно шакалами прыгают,
А лижут лишь ноги утеса того.

ПРОМЧАЛСЯ ЛИВЕНЬ (эпюд)

Промчался ливень и белки
Простудой луж сверкают,
А облака так высоки —
Плывут, плывут платками,

И скоро синью прорастут
Белки за плавом этим.
О, сколько дней тому листку?!
О, сколько вздохов лету?!

На свет зеленым гипсом глаз
Уставилась улитка,
И мягче стал садовый бас
Расхлябанной калитки.

И больше споров по садам,
Горячих споров птичьих.
И час всего твоим следам,
Мгновенье к ним отмычка.

К ним все в саду том приложить,
Не приложением — парослью.
И вновь ударит, — бьет уж жизнь
По самым диким зарослям.

Есть птицы, есть вовсе не птицы,
Огонь есть и холод ночей.
Им риск перелетов не снится,
Им звезды не снятся ночей.

А те сквозь тревожные дали,
Покинув чашобный уют,

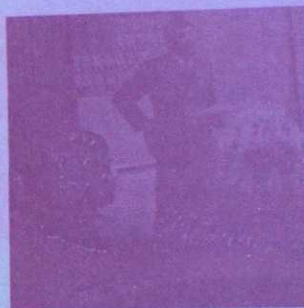
ЗНАКОМЬТЕСЬ: АМАЛДАН КУКУЛЛУ

МОСКВА. 1973 год.

МОСКВА. 1974 год.

МОСКВА. 1974 год.

ФОТОГРАФИИ РАЗНЫХ ЛЕТ

В наитии птичьим страдая,
В далекие страны плывут.

И гибнут, и машут, — не плача
Над утлюю затхлостью дач.
Есть в риске начало удачи,
Но больше в нем все ж неудач.

Им вслед постояльцы — вороны:
— „Измена! Горят берега!“ —
И риску в канун похоронов
Спешат дифирамбы слагать.

ЧЕЛОВЕК ПРИШЕЛ НЕ УМИРАТЬ...

Отлив, прилив. Отлеты и прилеты.
Дыханье шума, ветра и огня,
И поднебесный журавлиный клеткот, —
Все подсмотрели люди до меня.

Опасна, как походка ночью рысья,
Как дали глубиной своей манят,
„Роняют как деревья тихо листья“, —
Все подсмотрели люди до меня.

Осталось что?

Осталась только скука.

И я в ее тенетах засыпал.
Но кто-то жил без этой самой скуки,
И кто-то звезды с неба доставал.

Я оживал под этим тайным „кто-то“,
И вновь плясали буквы и слова.
Я колдовал над формулой азота,
А мир над головою колдовал.

И он был нов, — новей луны и чище,
И Каин суд над братом не вершил.
И торжество резца, пилы и кисти
Запечатлили ярь крутых вершин.

Но, обойдя миры, вернусь я к вам, ущелья,
Долины, горы, реки и моря.
И вы поймете мудрость скромной цели,
Что человек пришел не умирать,

А рассказать предчувствие и боли,
Как были трудны поиски пути,
У каждого свое есть в жизни поле,
Которое всем нужно перейти.

Так в смертный час, припоминая детство,
И суету непройденных дорог,
Пойму я вновь, — что вдоволь наглядеться,
И надышаться досыта не смог.

ШКОЛЬНЫЕ ТОПОЛЯ

Крест — на церковь. В сердце хуже — стрелы,
Через плюс два имя. Был девятый класс.
По мальчишечьи мы тогда горели
В перекрестках тайных жгучих глаз.

Шопот. Тайны. Письма и приветы,
А в ответ молчок, отвод очей.
И искали мы тогда ответов
На зеленой коже тополей.

Нож наострен. Чувства заостренны.
Чувств?! Их нет. Подобье только чувств.
По шестнадцать нам, и мы влюбленны!
О, влюблены!.. Как я вновь хочу!

Но ушли мы тихо к половине
Жизни, и сует ушли в конец.
Лечим то, что винно и невинно
Деревянной росписью сердец.

И не чтим, не знаем мы о прошлом, —
В настоящем, — как весной пылят.
Сберегают все плохое и хорошее
О детстве нашем — те же тополя.

ОСЕННЯЯ ИСПОВЕДЬ

Сегодня, наверно, — себя так спрошу я:
„— Где лето? Где я? И где рощ бирюза?“
И встану, где черные ливни, бушуя
Галлюцинируют желтый пейзаж.

Вдруг в ропоте рощ, в отпевающем лепете
Невнятную слышу до боли молву, —
То медленно лебеди, белые лебеди,
Сквозь черные ливни плывут и плывут, —

Летят. И, лишь белая крошка в отрыве, —
Отстал лебеденок, отстал и угас.
И падали медленно в облака крылья,
И стыл иступленно от усталости глаз.

И сколько б малыш, надрываясь, ни силился,
И сколько б не плакал за порознь свою,
Дожди беззвучно этой стаи гасили,
И боком ветра уносили на юг.

...Когда небосвод уже не был захламлен
Размахами крыл, и окончен полет,
Я вижу, как мысль моя машет крылами,
Но только от стаи своей отстает.

ЗИМНЯЯ КАРТИНА (образ)

Витийствовать долго не смела погода
полгода, вертя облаков жернова.
Бескровное крошево сыпало в воду,
на горы, — и бросилась только сзывать

Морозы на сбор, на балы завихренья,
окукливать в торты снега у баляст.
Земля находилась в глубокой мигрени,
и был нескончаем мучной перепис.

И люди приравнены к мельникам были,
и резал по голи ноздрей кислород,
И камни хранили те горские были,
тот год, тот расценок и тот недород.

И все, что осталось в наследье хорошего
от всех завихрений — то связка подков.
Но медленно в волглое, белое крошево
стирали себя жернова облаков.

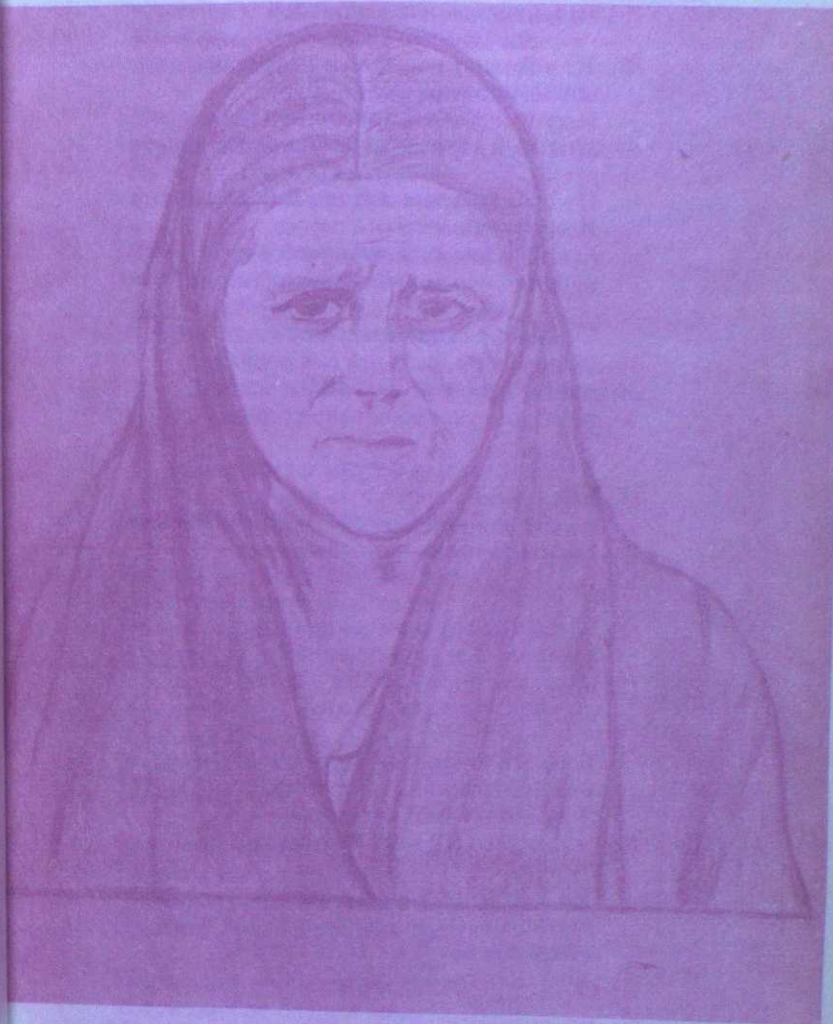
МАТЕРИ

Матушка моя с глазами лани,
вот стою я у твоих дверей!
Все — от Тегерана до Рязани —
мы поем про наших матерей.

В наших строфах и любовь и жалость,
И бескорыстно жертвующая мать;
старость, седовласость и усталость
Мы, поэты любим воспевать.

Жить на свете это не игрушка...
Голосом трепещущим от слез
„Ты жива еще, моя старушка?“ —
некогда Есенин произнес.

Все мы пленены его словами.
Гению такое по плечу!

На рисунке: мать поэта — Кукулиева А. Н.

Только о моей любимой маме
Иначе я говорить хочу.

Сколько бы твоих цветущих весен
не ушло с бушующей водой,
разные понятия — ты и осень, —
ты в душе осталась молодой.

Ты всегда стройна, всегда красива,
одухотворяешь все вокруг:
матушка моя, зимное диво,
друг мой верный, самый добрый друг!

И когда печаль язвит сурово,
И когда мне нелегко в пути,
как бальзам твоё живое слово, —
лучшего лекарства не найти!

Сколько раз на берегу вокзала
видилась ты, всех других родней,
сколько ты мне сказок рассказала
и легенд — поверий давних дней.

В наших саклях по ущельям горным
люди жили впроголодь подчас:
я вспоен и вскормлен — животворным
светочем твоих разумных глаз.

Здесь, где горы, люди и природа
закались в солнечном огне,
кладезем премудрости народа,
дорогая, ты казалась мне.

Ясным взором или стройным станом,
чем отца пленила ты, ответь?
Я не огорчу тебя обманом,
тайны все тебе доверю впредь.

Ты, как солнце моего народа,
светишь всем, несешь тепло для всех,
и любую горечь в сладость меда,
обращает твой веселый смех.

Календарные мелькают даты,
плещут словно волны бытия,
но в моем сознании никогда ты
не состаришься, душа моя.

Шаль твоё и перстень твой с печаткой,
Тополь и терраса, дом и двор...
Как шербет-ширин — напиток сладкий —
твой душелюбивый разговор!

Путь от Хасавюрта до Рязани
и обратно — не пройдешь в три дня...
Матушка моя с глазами лани,
обними же, грешного меня!

Сапоги мои в пыли дорожной,
хрипловат стал голос мой живой;
вот я весь, отважный и тревожный,
пред тобой, как лист перед травой!

Шел я по Руси и Дагестану,
воздвигал волшебную страну.
Не устал. Ну, а когда устану —
в твой зеленый дворик заверну.

Дни и ночи в вековой смене,
расставанья золотая нить...
Дай уткнуться мне в твои колени
и за все прощенья попросить.

Перевел Александр Големба

МАТЕРИ В ДЕНЬ 60-ЛЕТИЯ

Несется жизнь, мелькают годы
По тяжкой ветренной тропе.
Прости, что сын принес невзгоды
И в детстве раннем и теперь.

Уже не те года, что прежде,
И солнца блики не слепят.
И смех с веселостью все реже
Бывает гостем у тебя.

За суетой мирской, в хлопотах
Пропала юности грез.
Пролило столько крови с потом,
Пролило столько тайных слез.

И при рассветном синем свете,
Когда зари не блещет медь
Сын мог сказать: „О, мать поэта,
О прошлом нечего жалеть.

И пусть твои не вздрогнут руки, —
Не нужно за меня страдать.
Твои невзгоды, слезы, муки
Смогу в ночах я передать

На чистый лист простой бумаги, —
Закрывшись глухо на засов, —

Где будет все: Эней* и маги,
И праведность борьбы со злом, —

Все то, что ты напела в детстве
Сквозь вой войны, и горя вой...
Мне никуда от них не деться,
Мне голос помогает твой.

12 февраля, года 1974.
Москва

Упали на ресницы пряди белые, —
Не надо спать им в тишине мешать.
И мать, склонясь над тихой колыбелью,
Баюкает смешного малыша.

Он спит. И под журчание рассказа
Уходит по-началу без забот
В мир самых лучших материнских сказок,
Потом — совсем от матери уйдет

В тревожный мир, и сказочный, и древний,
Где много рук, и губ, и щек, и шей.
А матери уж бабушками дремлют
Над личиками новых малышей.

ТРИПТИХ ПРИРОДЫ

1

С крыш срывает камыш. Пыль кружит над дорогой.
Ворошит, как угли, по лощинам листву.
Это ветер бодает стога — однорогий, —
Значит тучи пойдут не во сне, — наяву.
И они затолпились уже, понадвинув папахи на брови, —
Из каракуля черного тучи, — не из пера.
И приходят с деревьями и с аулами вровень,
И уходят на море и к ближайшим горам.
Так сверкает меж туч, что в глазах ослепительно зелено.
Потому, может быть, что земля во сто крат зеленей.
Басом грома приветствует небо засохшую землю,
И шагает почти что тропическим ливнем по ней.

* Эней — персонаж татских сказок,
которому присваивают отрицательные
черты

2

Стонало пространство от неба до зданий polegших,
Над речками горными горбились хлипко мосты.
А дождь раздражался, то легшал,
А дождь обходил пустыри, перелески, кусты.
Пять дней ожидалось великое это сближенье
Земли и небес. Горизонт воспален.
И реки, как жилы, вздуваются от напряженья,
И мир потрясен уж, и мир оглушен, ослеплен.

3

Тишает. Уходят над лесом отжатые тучи.
И скоро от них не останется в небе следа.
Мир ожил. Мир ливнем живительным взбучен,
И он озирает глазами цветов города.
И скоро луга удивительно выдуют радугу,
И солнце, как мыльный пузырь колеблясь, взойдет.
Я выйду, я крикну вслед тучам и граду:
— Да здравствует солнце,
и ветер,
и дождь!

...Стихии с природой по-своему накрепко дружат,
Как дружат с источником тока огни.
Светились кусочками неба поддверные лужи,
И день обещали погожий и свежий они.

НЕВИДИМЫЕ СИЛЫ

Ночь — вот она, рядом, прижалась около.
Ночь, — в этом большом беспокойном бреду,
Сойди, погаси воспаение окон,
Кайму горизонта устало задуй.

Ночь сходит, как сходят горцы в папахах
С горы, где токует и бьется исток.
Луна пробивается боком на запад,
Обрывки от тучи летят на восток.

Движение не гаснет, движение стихает,
Движением каждый росточек проедет.
И бредят в аулах чинары стихами,
И падает тень к запотевшей звезде.

И в этом почти что тропическом сгустке
Копилась тьма, отрешенность прекрас,
Метеорита внезапность тунгусского,
И солнца кровавый запекшийся глаз.

Пока не пробужден атласовый кочет,
Пока не алеет головешкой восток,
Сквозь две стопудовые тяжкие ночи
Зерно выгоняло свой хрупкий росток.

И как не бормочешь мерцающим магом,
Свою не кривляешь ты беглую тень,
Все радостней думать над мелом бумаги, —
Тьму ночи рассеет проснувшийся день.

КНИГИ

И. Л. Сельвинскому — теперь уже его светлой
памяти.

Я застал старика на цветастых
персидских покоях,
Над овалом дымящейся чашки у губ.
И старик мне пройти повелел узловой рукою,
Гостем быть повелел, поправляя серебряный чуб.
И когда я спустился на яркий,
бухарский орнамент,
И когда чая бром в кадке клокотал,
Он с каким-то большущим резонансом и знанием
Мне вопрос, глядя бороду, хрипло задал:
— „Что куда, мол, девается все?“ — (протокольно и ясно)
Я ответил: — „В живот!“ — не скрывая улыбку с лица.
„— Нет, сынок, посерьезнее будь, — не паяцем“...
„— В землю!“ — выкрикнул я, не дождавшись сказанью конца.
„— И земля, и живот, и вселенная целая — оптом,
Все, что нас повсеночно и дневно несет,
Входят в храм по зерну накоплением и опытом,
И название храма того — Книга,

Книги — и все“.

...Я вхожу в этот храм, в малахит канделябры
Затекли и закапали: бал Гончарова несет,
Николай улыбаясь, красавицу чествует взглядом,
А Дантес ус покрутит,

а то — эполетом блеснет.

А уж завтра вольется в раздвоенность узкую мушки
Лацкан, свежий патрон, и — „заахает“ лес,
И на снег ослепительный

падает траурный Пушкин,

И потом регоча,

замелькает в пролетке Дантес.

Их немало любителей медленно нервы выматывать,
Их немало,

что так, на кладбище, задаром свезут.

И уже у подножья Машук

встал взьерошенный Лермонтов, —

Молодой и красивый, — лицом на грозу.

Я бы встал впереди на дуэли.

— Стреляйте! — Но вот, —

Улыбается тихо психический Мышкин,
И доспеками гордо гремит Дон-Кихот.
Вот он — рядом проходит Зигмунд Сераковский
К эшафоту, уверовав в радость побед.
Над последним своим чертежом на песке сиракузском
От меча умирает усталый, седой Архимед...
И коробило тихо пергамент от древних баталий, —
Пыль в опале.

И — новое время — в зенит!

Много блеклых страниц времена отлистали, —
И другая пора над землею звенит.

„— Ты прости мне, старик, покидаю я пестрый
Уют твой“. — А у глаз стариковских прищур.
„— Если мысль хоть одну в этот храм занесешь ты,
Вот тогда я тебя, юный друг мой, прощу“.

И ушел я в тот день,

в день осенний, дождливый,

Сквозь дожди и снега я прошел,

До костей весь прозяб и продрог.

Окунался я в толпы людские и был сиротливым,
И прошел я, сбиваясь, с тех пор много трудных дорог.
Брел родными горами, перелесками русскими, — нивами,
Размышлять стал, присев, где тенисто разбросился сад;
Да, труднее всего мысли выразить в Книгу, —
Нужно много страдать, а не только сидеть и писать.

У КОГО ПОВЕРНЕТСЯ ЯЗЫК...

Мирони Насиб посвящаю

Сказать у кого повернется язык: — „Исчезни! Погибни!“ —
Зачем оставлять этот мир одиноким?
Ведь правда, он станет совсем одиноким
Не станет когда и Тебя и Меня?
Пусть будут взрываться бутоны тюльпанов,
И в струнках сирени звенеть соловьи,
И будут длиннее во тьме поцелуи,
И свет будет чище монгольской луны.

Но будет темно,

Беспобудно темно.

Сказать у кого повернется язык: — „Забудь ты любимую!“ —
Спрошу: — „Разве это возможно?“

А голос настаивать будет:

— „Ведь много на свете красивых и юных,

Почти что прозрачных, порхающих, лунных,“ —

„Но это не ты“

И если не станет Тебя и Меня,

И если уйдешь Ты однажды к другому, —

Погаснет сияние солнца. Огня

Не будет в камине Наташи Ростовской.

И будет темно,

Беспобудно темно.

У кого повернется язык мне сказать: — „Успокойся!
Присядь! Отдохни!“ —

Когда злой человек вдоль заборов подгнивших крадется;
Когда больно за стеной жену избивает сосед;
Когда ласковый, гладкий на вид бюрократ
Отошлет инвалида не впервой уж раз за бумажкой;
Когда кто-то кого-то в бумагах завертит,
И кому-то сегодня уже станет темно, —
Холодно и темно,
Безпробудно темно.

У кого повернется язык мне сказать: — „Не мечтай!“ —
Я скажу: — „Не нужна мне ни жизнь, ни Шопен,
ни веселье,

Ни дрожание звезд, и ни темень галактик,
И быть может тогда, Ты мне, Ты не нужна“.
Хорошо человек научился всему: Убивать. Созидать...
Тот, кто мог запретить

научиться не может мечтать, —
И от этого мне, будто в детстве светло.
О, светло ослепительно как!

Сказать у кого повернется язык: — „Погибни! Истлей!“ —
Если шуршат удивительно грустно в дубравах березы;
Если снуют над прудами стеклянно стрекозы;
Если, качая рога, вдоль аула отара пройдет
И молоком, и лугами альпийскими в душу пахнет;
Если на полках стоят столько книг не прочитанных;
Если людей столько в мире еще не познано;
Если еще не любил, а любить очень хочется.
Хочется что-то оставить оставшимся людям
Светлое,
Непогрешимо-светлое
Лю-дям!

Родина

Я И МОРЕ
3

Оглавление третьего цикла

Я и море.	1
Рыбаки.	2
Плывет сейнер.	3
Мужество рыбацкое.	4
На морском берегу	5
Гарус дня свисал.	6
Я жил, удивлялся и спорил.	7
Море	8
Ночью (этюд)	9
Раздумья у моря	10
Сквозь бурю.	11
Разговор с морем	12

1960—1965 гг.

„МОЕ ПРОДОЛЖЕНИЕ”

ЦЕПЬ СБРОШЕНА В ВОДУ. Я — В ЛОДКЕ.
(ГРОЗУ НАКОПЛЯЛ ГОРИЗОНТ!).
И ПАРУС НАТЯНУТЫЙ ПЛОТНО
КАЧАЕТСЯ, БУДТО КАК СОН.
Я ЖИЗНЬ НЕ МОЛИЛ О ПОЩАДЕ, —
Я ЖИЛ,
УДИВЛЯЛСЯ
И СПОРИЛ.

А. К.

Я И МОРЕ

Море, послушай, каспийское море.
Ты, как и я, беспокойно шумишь.
Я не пришел к тебе — море! — поспорить.
Пришел, чтоб выслушать твою мысль.
Гляжу в глаза твои

голубые до боли
И во мне вырастает мысль, словно мыс.

Я знаю: когда усыпают люди
Ты не шумишь,

ты слагаешь стихи
Голубые, возвращенные в буре буден, —
Те, что сродни одичалым стихиям.
И когда меня на земле не будет
Ты будешь писать стихи вместо меня схимника.

Море, мы с тобою схожи — не из воды мы, а из огня:
Только ты вечно, а я когда-то устану
И меня другие дали к себе помянут.
Греми же, греми тогда волнами-сталью,
И пусть твой голос сильнее станет,
Когда ты будешь читать стихи за меня.

РЫБАКИ

В тамтамы гремит ошалевшее море, —
Как будто сошло наше море с ума.
Насупились грозно рыбацкие взоры.
— „У пирса стоять! С якорей не снимать!“...

А море гремит, — не унять его взглядом, —
Себе самому — не ему — навредишь.
И шепчет, шепя, набегая: — „Не надо!
Не надо, когда я бунтую ходить!“

Но — надо! Но — надо! И что там — „Не надо!“
Там в глубях — осетры, и килька, и сельдь!
Мы с морем, как братья, в горячих обходах, —
Есть пояс, есть шлюпка, есть крепкая сеть.

Есть дружба и мужество, вера, надежда,
В руках затвердевших — пожатые тепла;
Есть крепкая очень от шквалов одежда,
К тому же — и есть государственный план.

— Снимаемся! — грозно раздастся на юте, —
И сейнер уходит, ветрами омыт...
Тепло, будто дома, в обжитых каютах, —
Себе на здоровье пусть море шумит.

ПЛЫВЕТ СЕЙНЕР

Так важно, — как лебедь, что выпятив грудь, —
Качается сейнер, смолою облитый,
Трудяга морей, — и тяжел его путь.
На палубе столик, — весь солнцем залитый;

По солнцу разлитому кости стучат
Игры „домино“, — что игра — домоседов,
А здесь, — молодые ребята с плеча
„Козлов загоняют“ под стол и под сети.

В игре о политике громко твердят,
Что труд их веселый, хотя не из легких.
И кажется мне: это — внуки бродяг,
Скитальцев морей — и родных, и далеких.

Гремит, — что ломается стол — кочегар,
И сейнер зовет он с любовью: — „корытом“,
А солнце на мощные плечи загар
Все льет, — горизонт здесь далек и открытый.

Шумит, надрывается море за зря, —
Ребята стучат еще более сильно, —
То внуки скитальцев морских и бродяг,
И небо над ними, как платице, синее.

МУЖЕСТВО РЫБАЦКОЕ

На море упали густые туманы,
Сирена укажет лишь путь на причал.
Глубь синяя сердце рыбацкое манит,
„Косяк здесь! Улов здесь!“ — им чайки кричат.

А волны бросаются с гиком на сейнер,
Борта сотрясаясь, орехом трещат.
Никто здесь не думал о личном спасеньи, —
Рыбацкое счастье — из труднейших счастлих.

Пусть стонет стихия, ей — следует плакать,
Она с рыбаками окончит добром.
А им будет платой в сверканьи салака,
Чистейшим и трудным в сетях — серебром.

НА МОРСКОМ БЕРЕГУ

Если накипь беды мне глаза оглазурит,
Отечет фиолетовой спазмой бессонниц лицо, —
Запахнусь, задышу я в кашне, выйду молча на бури;
На продутое всеми ветрами крыльцо.

Эта свайная статья не под статью бумерангу,
Глинобитен уют, — без ворот и таблиц.
Этот дом был вне всякого чина и ранга,
Этот дом не тонул в щебетании птиц.

Он стоял не былинным теперь исполином,
Исполины свели нас к двузначности звезд.
Журавли по ночам били острые клинья,
И сейчас вот всадили тот клин через тысячу верст.

Дом моим был, — и когда в час запрета
Затевались над морем муссоны, разгоралась резня,
Он внимал чердаком, всеми окнами это, —
Ночь внимает в себя так один березняк.

Перенять у рассвета рассвет — это тайна,
Процедить сквозь окошки тот свет — это бред.
Половецкие ветры со свистом в ушах налетали,
Словно смерть, оставляя мучительный след.

И опять на запор, и опять под светящийся зонтик
Лампы.

Лампу я разжигал — пусть краснее горит.
И опять неприступная прядь горизонта
Убегает, дразня языком раскаленной зари.

Ну, а ночь все несла свой коптивший огарок,
Пусть ко мне так ведет в ослепленьи зари,
Как когда-то вели корабли капитаны из Гавра
На флорберов огонь, на огонь госпожи Бовари.

Заходите на мой на огонь, отдохнуть на постели,
Ведь в туманную ночь вы хлебнули соленой беды.
Заходите, когда вы прозябли, вспотели, —
Дом стоит мой у всех на виду, —
у воды.

* * *

Гарус дня свисал. Я вышел к морю.
У него все тайны расспросить.
Горизонт был бегом волн поборот,
и стояла синь, сплошная синь.

Это цвет надежды и обмана,
где надежда — рядом с ней обман.
Знаем мы, но все же нас он манит,
этот опьяняющий дурман.

Это призрак легких прежних маний,
и уже который трудный год
Я на этот цвет иду обманный,
и на бунт стихий иду его.

Я жил, удивлялся и спорил...

М. Д. посвящаю

Цепь сброшена в воду. Я — в лодке.
(Грозу накоплял горизонт!)
И парус натянутый плотно
Качается, будто как сон.
Я жизнь не молил в пощаде, —
Я жил,

удивлялся

и спорил.

Прощайте!.. Да здравствует ветер!
Простите, за все на земле.
Спасибо за то, что я встретил
Тебя не весной, — в феврале.
Спасибо за оттепель в стужу, —
Я семь высекаю планет!
Спасибо, — ты верная мужу,
Такая ж, как верная мне
Когда-то была.

Но звездами

Бурун ударяет в борта.
Прощайте! Я скоро растаю
И призраком буду витать...
Мы люди. Зачем этот клекот?
Где нужно, где надо б кричать,
Когда уезжаем далеко
Садимся зачем-то молчать.
Мы люди, — и мы промолчали
Тогда, не в отъезд, а в арест.
И молча приходим в печали
Смотреть на столбец или крест.

За вас говорю, уезжая
На вздохи тяжелые бурь:
— Спасибо!

Прощайте!

Но сжальтесь!

Мою не судите судьбу.
Я был так с тобою небрежен,
Я был на виду, на ветру.
И все же поэзию берега
Я в море с собою беру.

МОРЕ

Мне оно в назиданье, в острастку,
Как написанный „Гамлет“ и „Лир“.
Да, его не запрячешь под маску, —
Это вечно бунтующий мир.

Это то, что не впишешь в законы,
Это — вечная буйства игра.
Это то, что нам близко знакомо
И не познано нами ни грамм.

Это та беготня волновая,
Это влага бранчливая та,
Что, прибыв на песок, убывает,
Чтоб назад не прибыть никогда.

Это жажда свободой разлиться, —
Диалектика вечных примет.
Это — лица,

тревожные лица

В беспокойстве растрченных лет.

НОЧЬЮ

(эпюда)

Ночь стояла столбом комариным из сажки,
Ночь — безмежность межи той и вод.
Вход был в ночь очень прост, — прямо скажем, —
А из ночи был выход один — это в грот.

Я уйду, увлекаемый музыкой гулкой триптиха,
И меня очарует пейзаж, заколдует меня.
Сам есенинский месяц в отчаяньи тихом
По озерам зеленые весла ронял.

По морям, — а точнее, — по синему морю.
Сеть за месяцем вслед, по волнам эта сеть, —
Золотое сплетенье из бликов тонких оборок,
Это месяца сеть и ему до рассвета висеть

Над водою каспийской кубачинским крутым коромыслом,
И волочь свои сети на талый восход, —
К Челекену, к сухому песчаному мысу, —
Нескончаемым был золотой этот ход.

Неудачен улов у рыбацкого этого месяца, —
Только звезды в сети.

Подведи ты ладошки под плазму

тех вод;

На ладошках забьется рыбешками месиво
Голубых и взъерошенных маленьких звезд.

РАЗДУМЬЕ У МОРЯ

Когда ты у моря,
То думаешь о земле.

Взволнован, как море, бреду молча к морю —
Простор удивительно синю прозяб!
Отдаться, как ласке, любви или горю,
Отдаться раздумьям, отдаться и взять.

И сколько б назад вы меня не просили —
Уеду. Но море бежит и бежит.
И кажется мне: в суете этой синей
Земная сама воплощается жизнь.

И я не впаду беспресветно в амбицию,
Оставлю в бумагах печати следа.
Ведь море не просто сверканье водицы,
Ведь море не просто большая вода.

Ведь жизнь — это тоже не море промерить;
Ведь жизнь — не качанье гамачы иль сад.
А жизнь — это значит в сегодня поверить,
Чтоб в завтрашний день неустанно дерзать.

Мы — люди, и знаем, что мы превратимся
В холмы, в города, в монументов гранит.
Для этого нужно трудиться,

Тогда нас земля хоть землей сохранит.

Не в паперях сущность, не в памяти дело —
Мы рвемся, и швы напряженно трещат —
Где Марс среди россыпи звездной рдеет,
Где блещет Луна чешуею леща.

Мы так и останемся ждущими, рвущими
На этой на тверди — земной и простой.
Я буду врываться ракетой ревущей,
Взрываться — где ложь.

недоверье,
застой...

За всю круговорот, я — в строжайшем ответе.
Но самое страшное: стать подлецом,
И навечно на движущей нашей планете
Прослыть — как ни больно — живым мертвецом.

СКВОЗЬ БУРЮ

M. H.

Воет море. Волны не ладят
И друг за другом бегут вдогонку.

Не желая остаться сзади
У моря шумного на затворках.
Килем лодки берег прорежу я,
Ее подхватит волна хозяйски.
В путь с собою только поэзию, —
Земли поэзию в море взял я.
Злится море. Волны, как волки,
На грудь мне скачут.

— Море, стой-ка!

Мою испытать ты хочешь стойкость?
С тобой бороться мне трудно очень,
Но твердо верю — останусь целым.
Моя натура иной не хочет
Судьбы, как рваться сквозь бурю к цели.
Вам не сладить с сердцем, стихии!
В нем шторм в самом.

В нем моря бунтуют.
Шквал на шквал, и чувства большие
Сомнут и силу и спесь морскую!.. —

Только крикнул —

и волны скопом,
С насмешкой дикой кренят мне лодку,
И пастью темной тугим притоком
Дохнула глубь.

Путь ко дну — короткий.
Вдруг голос поэзии я сердцем слышу:
— „Горяч ты слишком.

О, возвращайся!
Мы зря погибнем. Безумство просто —
с волнами биться!..”

(Бунтуют волны на море синем.)
— Нет,

пусть сами они нас бояться!
Брось, поэзия, нам ли трусить?!
Нам дальний берег сквозь бурю светит...
Выйдя в путь,

назад не вернусь я, —
Пусть к небу волны швыряет ветер!

Перевод с татского
Н. Зеленской

РАЗГОВОР С МОРЕМ

Косматые брови насупило море,
Глаза голубые от бликов смежив, --
В них больше обиды, чем бунта и горя,
В них плещется таинством трудная жизнь.

Я к морю пришел, как к советчику, другу,
Я слышу сквозь волн оглушительный рев:
— „Томят тебя, сын мой, какие недуги?
Взволнована чем твоя буйная кровь?

Когда-то, ты помнишь, как я колыхало
Твою колыбельку на пригоршнях волн;
И силу, и мужество долго вдыхало
В твой — в разные стороны — мчавшийся челн.”..

В глаза я морские смотрю напряженной,
Приблизившись плотно, — в лицо я кричу:
— „Спасибо за труд твой гигантски тяжелый!” —
И скрыть не могу вдруг проснувшихся чувств, —

Я вспомнил, как бился я с дикой стихией
Твоих разъяренных девярых валов,
И ты награждало — за труд мой — стихами,
Хоть был неразборчив мой трудный улов.

Я бился с тобою! Теперь хоть утихни!
Ты дало мне строки, и рифму, и стиль,
И школою жизни мне было не тихой,
Ведь штиль после бурь наступает. Ведь штиль,

В котором осмыслишь былое и завтра, —
Таков у поэтов всемирный закон...
Ну что же ты дымкой туманною застишь
Глаза свои? Наш ведь закончился кон.

Прощай, мое море! Прощай, испытатель,
Судьбы моей, лет, моего бытия.
Я малая часть из народности — таты,
И малость народную выражу я. —

И я ухожу. Горизонт мне не страшен, —
Теперь у меня он — настолько иной...
И волны руками во след мне все машут,
И плещется сердце каспийской волной.

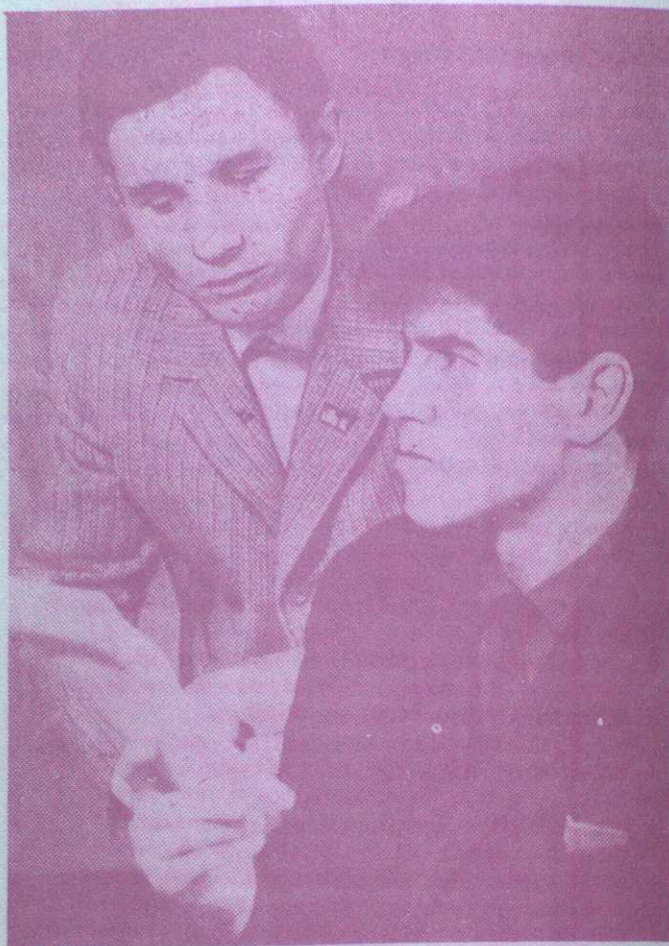

В РОДСТВЕ
С ФОЛЬКЛОРОМ

4

Оглавление четвертого цикла

От переводчика; о стихах с полей	
„Человека со славой преследует зависть, как жало...“	
„Тот, которому хотел я быть вернейшим другом...“	
„Есть сосед у меня...“	
„За окошком, в саду...“	
„Да, грозе не бывать...“	
„Из века в век приходит после смерти...“	
„Не счесть всех цветов...“	
„В зеленой тьме ночей ударил соловей...“	
„Бурками горскими тучи проходят выше меня...“	
„В глуши, цветет где папороть и вереск...“	
„Степь плюгавила под нос себе повечерем...“	
„Перекушен был стон...“	
„Не мгновенен руды переплав, не мгновенен...“	

На снимке: Молодой татский поэт Амалдан Кукуллу читает свои новые стихи поэту-переводчику Анатолию Сенину Москва 1966 г.

О СТИХАХ С ПОЛЕЙ

„Хорошие мысли и других невольно заставляют выдумывать хорошие мысли”, — писал Белинский.

Амалдану КУКУЛЛУ не приходится выдумывать эти самые „хорошие мысли”. Они являются его органическим продуктом: народное творчество — вот источник его мыслей, поисков и открытий. Это тот животворный поток, который питает самые глубокие и сокровенные русла его поэзии.

Продуктом кропотливой работы явилась вышедшая в свет в конце 1974 года в издательстве „Наука” (Главная редакция восточной литературы) книга национального татского фольклора под названием „Золотой сундук” (Сказки татов Дагестана). В настоящее время поэт готовит новую фольклорную книгу, куда войдут пословицы, поговорки, афоризмы и народные изречения татов Дагестана; также он готовит книгу татских частушек и народных песен и книгу авторских сказок.

Поэт по крупице на протяжении многих лет собирал россыпи народной мудрости, корни которого уходят в средневековую иранскую культуру, обрабатывал их, переводил на русский язык, исследовал.

Предлагаемый цикл стихов является, может быть, теми самыми „хорошими мыслями”, а вернее — набросками к ним, которые не попали на страницы его фольклорных книг, а остались на полях рукописей, окрашенные своеобразным поэтическим темпераментом; подчас усложненно-метафористичные, но всегда в своей сущности — Человечные.

Анатолий СЕНИН —
поэт, переводчик

Человека со славой преследует зависть, как жало,
Как быка годовалого острое жало кинжала.

Тот, которому хотел я быть вернейшим другом,
Был я им всегда, как первый враг поруган.

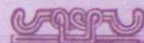
С тем, с которым не хотел я знаться вовсе,
Лез ко мне, как летом к меду осы.

Есть сосед у меня, он поэт у меня,
он поэт у меня, между тем, всем известный.
— „Чик-чирик, чик-чирик”, — вот и вся его песнь.
Между тем его „славная” песня.

Он, как тот воробей: не подлезь, не убей, —
Все клеветает по свалкам на птиц перелетных,

Потому что он сам, в крыльях немощен, слаб,
потому что рожден не для дальних полетов.

За окошком в саду плодоносное дерево
загорелось огнем, —

это дерево — Я.

А плоды на ветвях не стихия, — стихи ведь,
В мякоть коих запрятан целительный яд.

И приходят по разному к дереву люди,
и срывают по разному с веток плоды.

У одних отношение — коль рвать, так с ветвями,
у других удивление, чуткость, боязнь.

Если б не было злого на свете, — наверное,
мной не так бы ценились плодоносья труды.

Да, грозе не бывать, если тучи в одну не сойдутся,
Сохнуть дереву, если все корни на слом.

Не смеяться реке, родники если к ней не сольются,
И орлу не парить с перебитым крылом.

В жизни нет тождества, нам порою привидится верно.
Сам себе одиноким покажешься вдруг на земле.

Одиноким?! То — чушь, заблужденье прескверное, —
На земле все взаимно, все сложено сменой лет.

Из века в век приходит после смерти,
Из уст в уста сословий и племен,

Сквозь пламень, непогоды, крутоверти
Нетленность гениальнейших умов.

Их семена взойшли. Взойдут. Заколятся.
Те семена — Надежд. Любви полны.

Земля тому не распахнет объятия,
Ронял кто семена вражды, войны.

Не счесть всех цветов, — берегов —
в обрамленьи осоки,
Счастливых детей не сочтешь — вас собьют.

Мечты голубы их, как звезды высоки,
И так же сверкают, как звезды, и так же зовут.

Но требуют самую, самую малую малость,
Чтоб песню свою на дорогах открытых сложить.

Над парусом ветра, под гриновским парусом алым
Летит поколение юных в тревоги и жизнь.

В зеленой тьме ночей ударил соловей,
Пчела заснула в лепесточках розы.

Парит под облаками голубь со своей
Голубкой. И рушат водопады камни грозно.

Любовь поет все той же тьме ночей,
Любовь парит под облаками гордо.

Любовь в бутоне роз, а не речей,
Любовь страшной ночных обвалов горных.

Бурками горскими тучи проходят выше меня.
Хочется, очень мне хочется молний, огня,

Стану под небом в степи, на окраине, вскину персты,
Вот и прощанье, вот и охаяны Я и Ты.

Только себя недосыпом не мучай, не мучай зря.
Тучи, зловещие черные тучи отговорят.

Влагой целительной брызнут бурчуны --
солнцем и радугой,
Трудно приходит победное чувство -- радость

В глуши, цветет где папороть и вереск
Огромный камень в зыбь глухую врос.

Подобием щетинистого зверя
В стеклярус рос, в сырую рябь берез.

Он нелюдим. Он дик. Не знает ближних,
Но я и так... Я верю в этот вид.

В нем притаился шадровский „Булыжник”,
В нем сам молчит классический Давид.

Степь плюгавила себе под нос повечерем.
Одинок был орех посредине слепой резеды.

Только путников было, по сени набросок, влечение,
Чтоб в тени отдохнуть и напиться воды.

Чтоб зурну всколыхнуть, как колышет мелодией
детство.
(Сослепу в чемерице тогда накричал козодой)

И орех тот срубили и некуда путникам деться,
И глубокому небу равняться теперь с резедой.

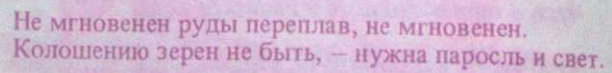

Перекушен был стон волчьей пастью больших
ассигнаций,
И не хлором тебе перекус тот стереть и свести.

Лучше тихо себе одному на закате признаться, --
То -- получится формула та, что из самых простых.

Эти созданы драться, забыв коммунальность квартиры,
Эти созданы так -- для себя, для дражайших утех.

Почему же, скажите тогда, как в канун перемирия --
Век от века земля расцветает для тех и для тех?

Это ждут, как Шопена на улицах Вены,
Это ждут, как птицы в ночи с нетерпением —
рассвет.

Но страшнее не то ожиданье. Бумажек
Ты тома исписал. Свою жизнь ты прожешь, поседел.

Кабинеты в тебя целят молча замочные скважины
Перевернутой мушкой вниз. Это — явный расстрел.

Оглавление пятого цикла

Возвращение (Лирическая поэма)

Исповедальная поэма.

Монолог мира (Антивоенная поэма)

ВОЗВРАЩЕНИЕ

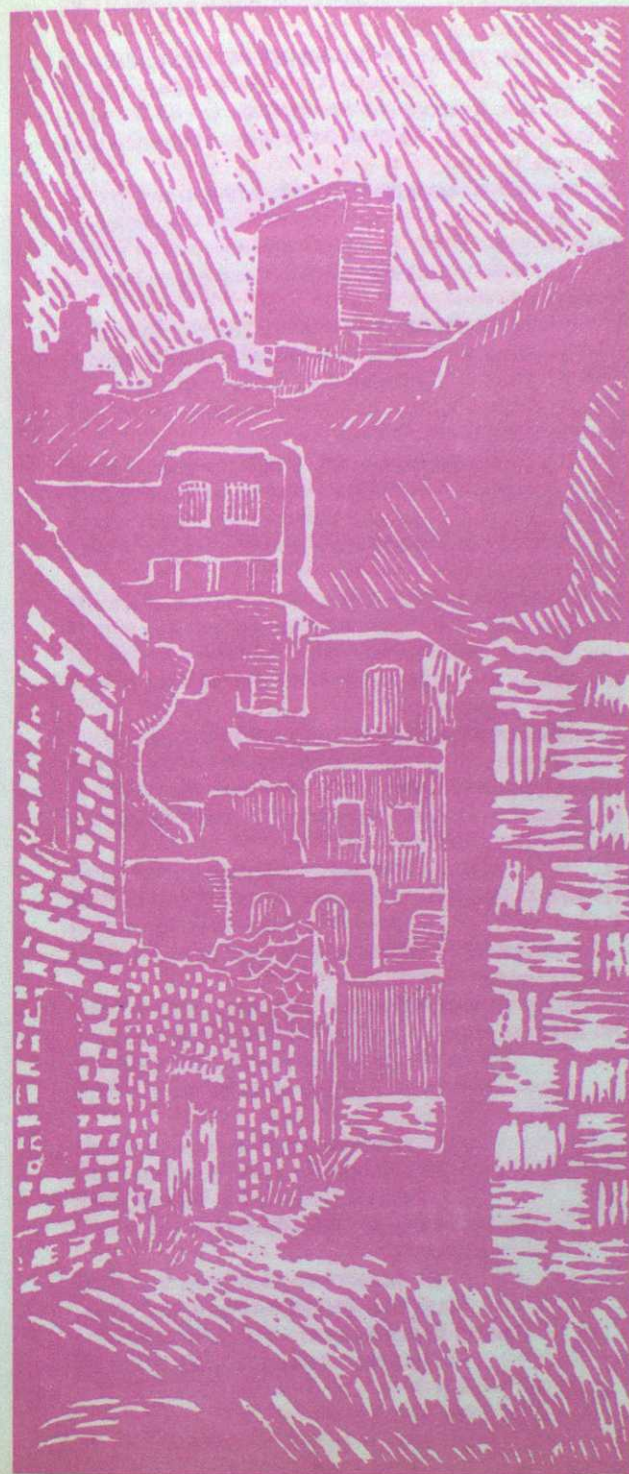
ВОЗВРАЩЕНИЕ

(Лирическая поэма)

Скажите мне: „Сейчас который год?!
И кем сегодня был я вдруг разбужен?!”
Чтобы дойти до детства моего
Мне за вершины гор спуститься нужно.
Там встретят одногодки охмелев,
Осевшие на поприщах семейных
Уже с детьми дошкольных, школьных лет, —
С какой-то новой, очень новой сменой.
И всякий, верно, искренне уронит:
„Ну, где ж ты пропадал так долго, друг?!”
А жены их, стоявшие в сторонке,
Похожи так на сгорбленных старух.
А я писал им некогда записки,
И был влюблен. О, чисто как влюблен!
Вчера от них еще не пахло мисками,
И запахом застиранных пелен.
Которым я лишь за одно мгновенье,
За кроткий профиль — жизнь готов отдать.
Но как я упустил в своем забвении,
Что катятся, что не стоят года,
Что жизнь летит и мимо и не мимо,
И что кого-то с духовым везут,
Что старики спешат неумолимо
С чонгуров ощипать всю грусть и зуд.
„Что, хватит?! Что, дурнейшая примета?!”
И в этом самом выспренном году
Вернулся в город детства я поэтом
И по нему восторженно иду.
Озерный томный блеск меня встречает —
(О святость неподделанных минут!)
И приглашение в каждом доме к чаю,
К хинкалу приглашение и к вину.
Не откажи! Не смей в отказе горцу!
Не изменяй обычаям в пути, —
Отказ расценит горец очень горько, —
А значит нужно в каждый дом зайти.
И я невольно думаю от роду,
И это входит в плоть, и вглубь меня:
Обычай этот моего народа
Большим народам нужно перенять,
Как я перенимаю не судача,
Как сон, и как прозрачность юных грез —
Ухватку русскую и русские удачи,
И отсветы над реками берез.
...И дальше, дальше, — вот и дом ашуга,
Безвестного ашуга на земле.
Меня встречает он, как будто друга,
Как сверстника далеких тяжких лет,
И угощает, и сопит он грузно,
И все косит на инструмент глаза.

И о моем народе что-то грустное
 Он под чонгур сквозь слезы рассказал...
 Я попрощался... Вышел... Спор окончен...
 Иду домой. Выходит вслед народ,
 И байроновским лаем собачонка
 Меня уж не встречает у ворот.
 Встречает мама, тихая, святая.
 Она вперед поддалась, — не стоит —
 В моих объятьях крохотная тает,
 И будто ищет черточки свои
 Глазами на лице моем обветренном, —
 Тревожно пробегает снизу вверх.
 (Я загорел в разбеге километров).
 „Да это я, твой Амалдан, — поверь!“
 Я расправляю на лице морщинки,
 К успокоенной мать свою зову.
 Мне неудобно плакать — я мужчина,
 Но все равно я про себя реву.
 ...Вот в доме я. И плов шипит бараний.
 И мать хлопочет ласточкой над всем.
 А завтра я проснусь рано-рано —
 Увижу как занялся здесь рассвет.
 А завтра я в туман рассветный свешусь
 Послушать перекличку петухов.
 А впереди мой вдохновенный месяц
 Писания лирических стихов.
 А мама вся в тревоге и преддверии,
 Не наглядится на меня. Твердит свое.
 Идут друзья. Они уже за дверью,
 И вновь меня отнимут у нее...
 Вошли уже. Веселые. Зардевшие.
 И... замерли в молчании простом.
 Из них, быть может, каждый вспомнил детство,
 Войдя, как друг, в мой холостяцкий дом.
 ... Да! Мы не замечаем лет событий.
 И потому я говорю: „Который год?!“
 Пока знакомый снова по прибытию
 Из детства мимо, просто так, пройдет.

1964 г.
 Махачкала

ИСПОВЕДАЛЬНАЯ ПОЭМА

Я увидел свет на третий день
Новогодья — в сакле. А снаружи
Горный вихрь затрепетал от стужи,
И воззрились звезды на людей.

Не мудрили над ребенком малым
Праведные горские сердца:
Сразу нарекли меня Амалом,
Стало быть в честь деда-удальца.

В низкой сакле, где в золе и пепле
Пламя жжет — прошли мои года.
Было трудно: мускулы окрепли
Там от непосильного труда.

Мгла и сырость были там не внове
Под угрюмым низким потолком;
Там я познавал кипенье крови,
Там родным пленился языком.

Много языков на свете белом
И наречий много на Руси, —
Но гудит и блещет в сердце смелом
Говор мой по имени — фарси!

Много лет прошло с тех пор, как вброшен
Был я в этот омут бытия, —
Я хорошим был и не хорошим, —
В равной мере — это жизнь моя!

Бронзой солнца покрывалась кожа,
Медью пламенел казан земли, —
Сердце обнаженное тревожа,
Перепутья вдаль меня влекли.

Дни летели, точно в горных руслах
Серебро разбуженной воды,
И в напевах ласковых и грустных
Постигал я вечные лады.

Нежностью она меня пленила,
Стал мне дорог их лукавый гул, —
Этой яркой и блаженной силе
С детства я на верность присягнул.

Я мечту взлелеял человечью
В круговерти повседневных дел.
Счастлив тем, что стихотворной речью,
Нужной людям речью — овладел.

Дерзостны мечты моей богатства
И мои соцветья высоки:
Самых злобных вихрей святотатства
С них сорвать не смогут лепестки!

Стихотворцы молодости ранней,
Знайте, право, лучше б был я нем!
Не плетите из пустых мечтаний
Труდоемких песен и поэм!

Да, порой мечта вспорхнет, как птица,
Расправляя крылья на лету, —
Только в явь легко ль преобразиться
Творчеству, влюбленному в мечту?

Не пытайтесь из сухих песчинок
Составлять нарядные слова, —
Это безнадежный поединок
Скудности с Законом Естества!

О читателе мы не забудем; —
Ветер Гнева — резок и зловещ:
Пыль в глаза пускать хорошим людям —
Крайне отвратительная вещь!

Грудь моя как мех кузнечный дышит,
Чтоб клинок мог под кувалду лечь, —
А в стихах моих поет и пышет
Искренность страстей, разлук и встреч.

Тесно в сердце песенным мелодиям.
И тогда я ласков и суров,
Становлюсь весенним половодьем,
Шумно выхожу из берегов.

Без рисовки или там — бравады —
Говорю себе: узнать изволь
Все утраты века, все отрады,
Сердце раздирающую боль!

Я писал стихи не из-за денег,
Спину гнул за письменным столом,
Но не ждал, что жизнь меня заденет
Благовонным розовым крылом.

Мне немало лет. Из-под фуражки
Седина сверкнула, будь здоров:
Но, как волны в голубой упряжке,
Ходят песни, ветер расправов!

Я же положась на волю божью,
Не расстанусь с юностью самой:
Враг мой дружит с завистью и ложью,
Прям и смел друг — собеседник мой!

Мы людей по их деяньям судим,
Мы едим из одного котла.
Словом правды помогаю людям,
Единеньем дружбы и тепла.

Мужество поэта правит миром,
Мудрецу высокий жребий дан:
Люди назовут меня шоиром,
Мудрецом — (по-татски — Амалдан!)

Пусть потомок речь переиначит,
Я ж спросил, едва придя на свет:
— „Амалдан — что это значит?“

И в ответ
Мне сказали: — „В общем, это значит
Мудрость Постигающий Поэт!“

Время Жизни, как часы исправны,
У него особый свой маршрут:
Посадил я саженцы недавно,
С них плоды потомки соберут!

Всходят звезды и рождаются дети,
Мудрецам высокий жребий дан;
Знаю, в некий миг на белом свете
Возродиться новый Амалдан.

В небе расцветет зари полоска
И припомнит он, присев к столу:
— „Был и у меня когда-то тезка, —
Парень по прозванью Кукуллу!“

Пусть по всем базарам и майданам
Стих мой повторяют поутру:
Я в горах родился Амалданом,
Амалданом в песнях и помру!

Я людей любил, любил природу,
Я чинов и званий не хотел,
Близок был к родимому народу,
Понял смак его трудов и дел.

Знал — почем в ущельях хлеб ячменный,
Как сразить оленя на повал...
Вообще, я был поэт отменный,
Хоть на лавры и не претендовал.

Я не причислял себя к титанам
В бытовой житейской кутерьме, —
Был себе (хитрюгой-Амалданом,
В некотором роде...) — на уме!

Мы — шоиры — творчески упрямы,
Голосим по бронзовым садам:

Никогда не был другому ямы
Человек, чье имя — Амалдан!

Он писал стихи не ради блажи,
Он законы дружбы не отверг;
А напротив, — он, пожалуй даже,
Помогал другим взобраться вверх.

Просто был шоиром иль поэтом,
С лирой иль с гитарою сам — друг, —
Песнетворцем — и не видел в этом
Никаких особенных заслуг!

Перевод Ал. Голембы

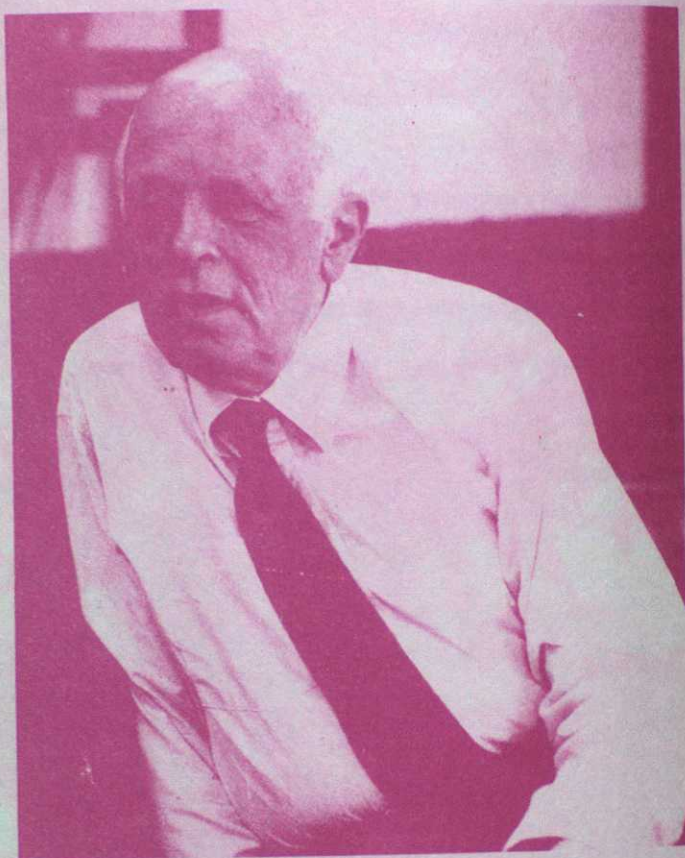
МОНОЛОГ МИРА (антивоенная поэма)

Оглавление

От автора	
Вступление	
I. Утреннее отступление от „Монолога”	
II. Дневное отступление от „Монолога”	
III. Вечернее отступление от „Монолога”	
IV. И последнее, четвертое, отступление в виде письма	
Эпилог	
После эпилога	

лауреату Нобелевской премии —
Совести нашей эпохи,
академику и Гражданину
САХАРОВУ АНДРЕЮ ДМИТРИЕВИЧУ
посвящаю

автор

От автора

...ВЫ ДОБРО ИЗВАЯЙТЕ,
НО, А СЧАСТЬЕ ПРИДЕТ.

Ан. Сенин

Поэма стремительна и трехступенчатая,
как ракета. Каждая ее часть — ожидание
скорости.
Утро — старт. Вечер — финиш. День —
кульминация. Кульминация не закончена,
но вполне готова взорваться.
Поистине — вся поэма во Вступлении
и Эпilogе. Поистине — они являются
стартовой и посадочной площадкой этой
ракеты.
Двигатель поэмы — противоречив.
Автор хочет вернуть ракету на старт.

ВСТУПЛЕНИЕ

Лю-ю-д-и-и!

Услышьте, люди!

Вам предстоит встретиться со мной,
потому что Вы, люди!

Вы слышите, люди, живущие в темноте
Вселенной,

На этом крохотном кусочке, как Земля:

Вам как одеяло — одно небо.

Вам как хлеб — один воздух.

Вы согреваетесь одним солнцем.

В ваших жилах хлещет кровь одного цвета.

Вы говорите одни и те же слова любимым
тысячи лет, —

И вам не наскучило это, Люди!?

На земле жизнь одного человека

безвозвратно перепутана с жизнью другого, —

Жизнь этих двоих с жизнью — страны,

Жизнь страны — с жизнью народов земли... —

Бесконечная связь,

Бескрайняя общность,

как и сама Вселенная.

Люди,

слезы, радость, смех — не переводимы.

Они понятны всем. Так зачем же отгораживаться
друг от друга?!

Разве мы наскучили друг другу?!

Если — Да, мы по-

ги-

ба-

ем.

Но этого не может быть,

это ход против законов природы.

Люди, не разрывайте меня на клочки,

Не поднимайте надо мной грибообразных взрывов.

Люди, будьте разумны!

Не пускайте на порог планеты войну

Война — это моя,

Твоя,

Его — черная смерть.

Война — смерть природы,

ее белкам.

Война — смерть вечно Движущей планете Земля.

Люди!

Люди!

*Люди!

Люди!

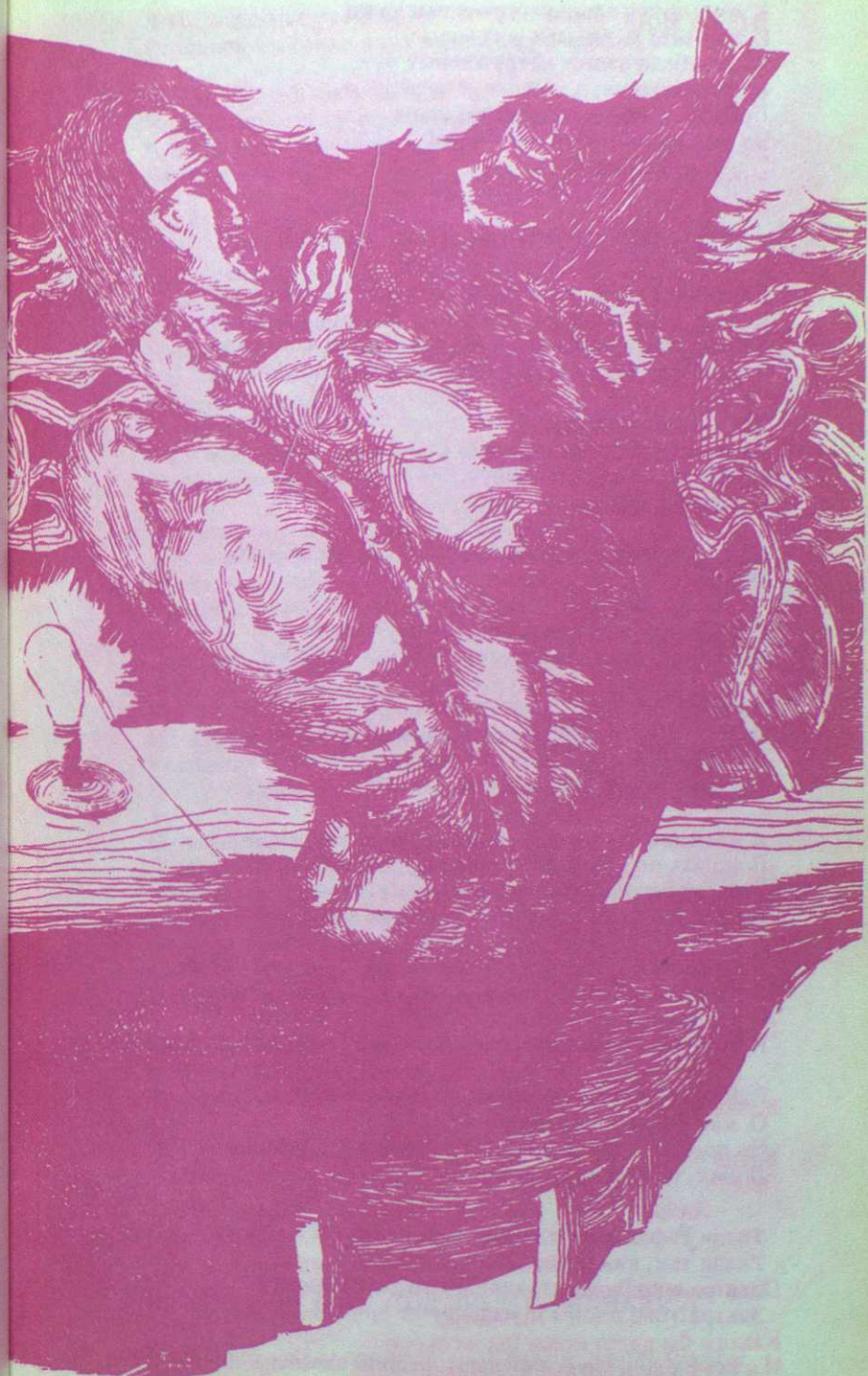
Остановитесь, люди!

Вы люди,

Какого бы цвета кожи Вы не были,

И какую бы религию не исповедывали,

Протяните от континента к континенту

К друг другу ваши натруженные руки
И тискайте меня, как младенца
В колыбели ваших натруженных рук,
И растите меня, и лелейте утонченным
Добром Ваших чувств человеческих
Во имя мира, добра и свободы.

I. УТРЕННЕЕ ОТСТУПЛЕНИЕ ОТ „МОНОЛОГА”

За окошком рассвет, вдоль окошка — зеленые тени;
Капнул сад и замолк. Прозябает запоров металл.
Верно, утро запуталось в айвовых синих сплетеньях;
Верно, зорьку сосет из-под низу сухой краснотал.

За окошком рассвет. Свет сгустился и тени пожухли.
Отстоялся рассвет, но пока, слава Богу, стоит.
Подожди! Оттяни приближение жути
И оставь первозданно нетронутый вид.

Дли, как длят приближение минут трагедийных.
Интерьер.

Молодая чета на тахте:
Сон дрожит у двоих на висках паутиной,
И ему предназначено скоро, как сну, улететь.

Но пока они спят — перепутаны руки,
На подушке, на белой, роденовский выплеск волос.
Но пока они спят суету их дневную и муки
Взять за них на себя мне уже довелось.

Я клеймил эту ночь, я черкал ее всяк, неустанно.
Понимал по орбитам каким шар усталый несет.
Утро лижется в стекла лазурью, кустами, —
До подробности высветить утру так хочется все!

В изголовьи — коляску, — и пурпур на никеле бьется,
В совершенно стирильных пеленках живой организм;
И волосиков дым колыхается желто и вьется:
И ручонки прозрачны, так прозрачны, как выпуклость линз.

Рафаэль проглядел, одаряя ребенка мадонны.
О, как бился художник в великом бреде.
Но превыше творений, всего — остаются ладони,
Лобик, ножки и носик в поту.

Упади Рафаэль перед этим, как падают к тронам:
Упади так, как падаю я. Упади! Упади!..
Завтра мир будет страшной трагедией тронут:
Завтра этим двоим к малышу не прийти.

...Это было в глубокой зашторенной комнате:
Торшер. Стол. На столе недокурен „Дукат”.

В час рожденья ребенка (я это запомнил)
Стронций выдумал дядя в тяжелых очках,

Чтобы сада и капель за окнами не было;
Чтобы мир был заброшен и темен, как грот;
Чтоб ребенок направил в свинцовое небо
Ямы черных глазниц вместо глаз и обугленный рот.

II. ДНЕВНОЕ ОТСТУПЛЕНИЕ ОТ „МОНОЛОГА”

Стеклянным столбом день застыл на планете.
И люди текут вновь к газетам, в газеты,
К болванкам, к прилавкам, в дубленые кресла, —
И двери скрипят, что воскресла,

воскресла
Забывшая мудрость и честь в человеке
В двадцатом кошмарном, крутом автовеке.

О други, хирурги спасали мальчонку.
Всю ночь колдовали над сердцем. притихшим.
О, как колдовали стирильные маги!
О, белые лица, белее бумаги.

Зачем
Дверные шарниры за девять стихают,
И вновь телефоны кого-то охают;
Кого-то растлят репродукторы смело,
И очень толково, и очень умело, —
Кого-то,

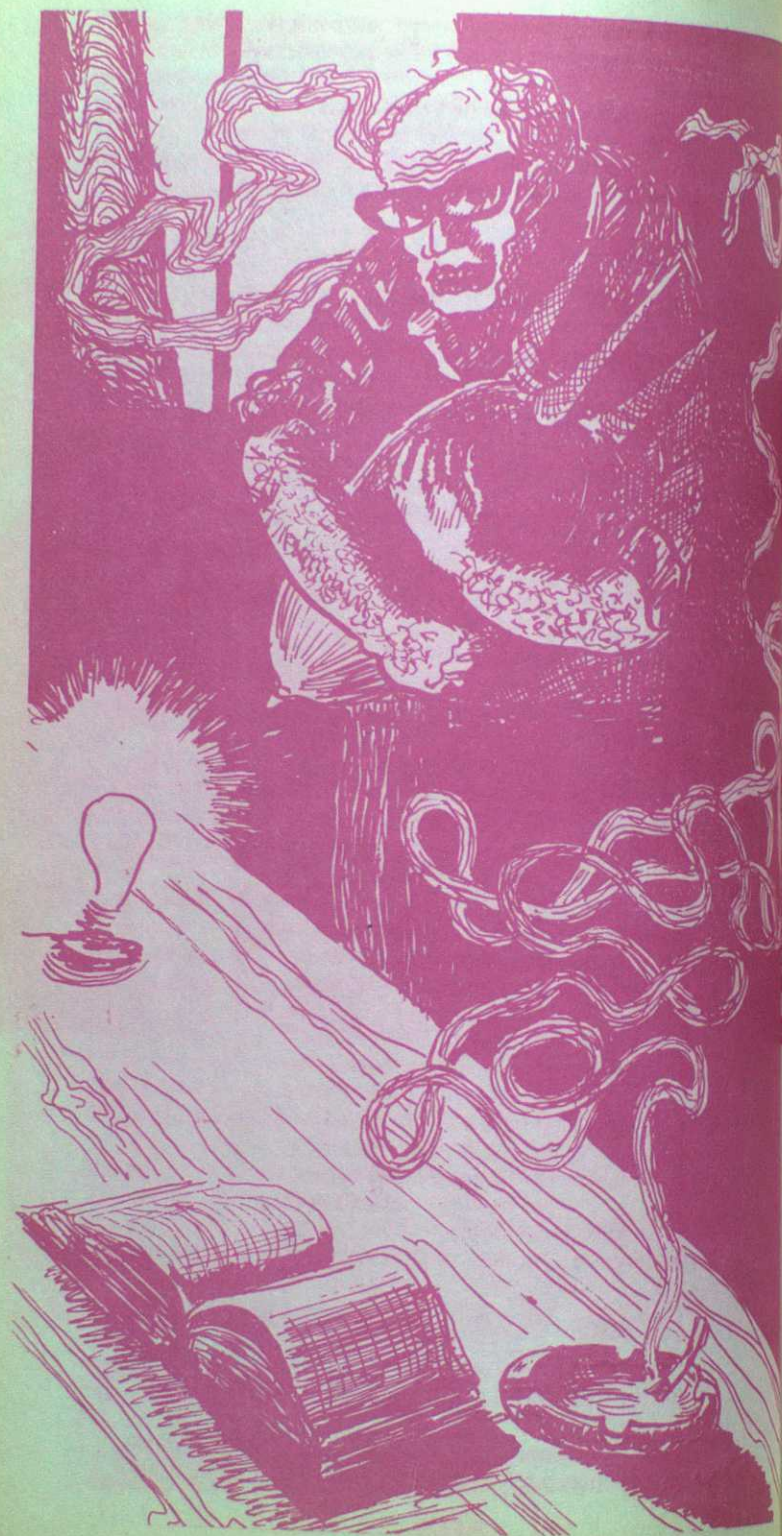
кого-то,
кого-то — друг друга.
О ругань извечная, страшная ругань.
Я капелька в этом. Бескровна кровинка.
Я против дебатов, скандалов и рыков.
Но глохнет мое вдохновенное „против”
В кривлянии ртов, и в шипение шпротов,
И крутят машины, ремни, авторучки
Все те же, все те же, человечески руки.

И глушат бумагу вертя лино типы,
И титры все те же, знакомые титры.
И все же накрутят. и все же навертят.
Поверьте.

За то расхлебается вечер:
И спишется это, поверьте, по смете,
и-и-и
смертью.

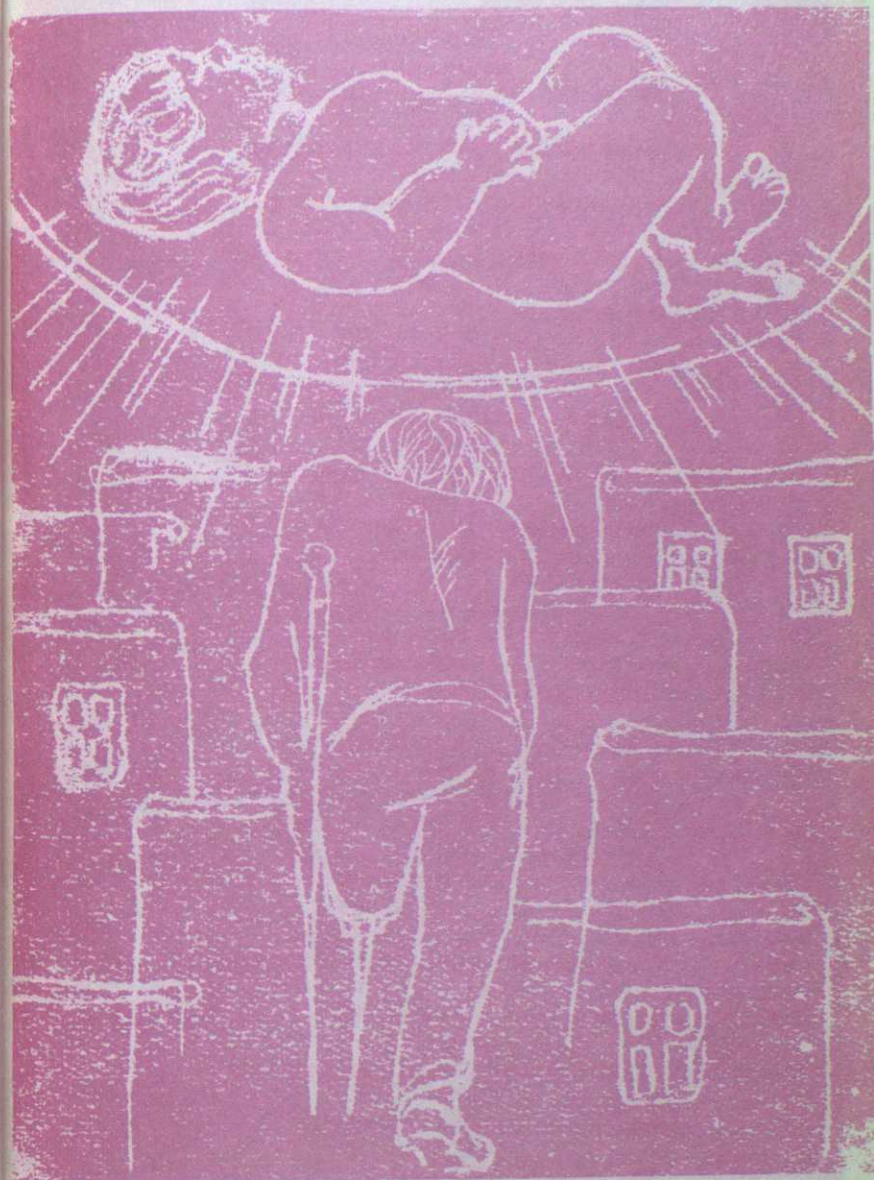
III. ВЕЧЕРНЕЕ ОТСТУПЛЕНИЕ ОТ „МОНОЛОГА”

Безмолвие так прозрачно: — слышно — растет трава.
Звезды трещат электрической сваркой, и не прервать

В хлеве дыханье ослиное, мерное;
Скрежет мышей в гниль половицы.

Ой, как безвременно, ой, как примерно
Мир людям снится.
Гвалтом газет, нарастанием страха
Жизнь изувечена.
Молча надвину на брови папаху,
Вывалюсь в вечер.
Ляжет саманный аул на две стороны —
В улице.
Кто-то свирепствует, кто-то вздорит,
кто-то сутулится.
Кто-то пройдет, проскрипев колодкой,
колодкой ноги.
Кто-то дохнет мне в лицо водкой:
— Я ин-ва-лид.
Я потерял под Сталинградом
Ногу.
Я защищал честных, а-а-а гадов
Ей Богу...
Тише. Не стоит. Не надо. Не плачьте.
В душу себе реву.
Рядом прошаркала в чарыках татка
В синеву.
Я подставляю плечо для помощи,
Сердце болит, —
Лишний раз инвалиду напомнил я,
что он инвалид.
Думы гарцуют по всем дорогам —
Думы из слова:
„Зачем люди теряют ноги,
руки и головы?“
Но сплюнув четырежды, сплюнув направо,
Побрел он, качаясь, —
Сломанное и очень правое
Чье-то хромое счастье.
Долго потом о стены улицы
бился горячий мат,
Но вышла на встречу такая ж сутулая
Мать,
И увела, обливаясь слезами
За ситец штор.
И медленно красные блики сползали
С гор.
Был я тогда один в переулке, —
Я и Луны глаз
Мне страшно. Мне жутко.
Люди, за вас.

IV. И ПОСЛЕДНЕЕ, ЧЕТВЕРТОЕ, ОТСТУПЛЕНИЕ В ВИДЕ ПИСЬМА

В нагасакском госпитале жертв
атомной бомбардировки скончался
Цуюкацу Ненри, 12-й пациент госпиталя,
умерший от последствий радиаций
в текущем году.

(Из телеграфной ленты
6 августа 1965 г.)

Мои дорогие, здравствуйте!
Жив,

но завтра умру.

Двенадцатым, нет, не двенадцатым

Я оборву игру

Жизни проклятой, адской,

Красивой.

И без следа

Над золотой Аляской

Еще упадет звезда.

Огонь. Я в огне сгораю,

Огонь с головы до пят.

Мама, твой сын умирает

На много раньше тебя.

Мама, — скоро ль молчание?

Скоро ль конец игры?

Мама, мама, ночами

В глазах вырастает гриб.

Он вырастает, ширится.

Трупы.

• Руины.

Гарь.

А в глубях современных за ширмами

Дым дорогих сигар.

В бархатных барских ложах,

Где краля под твисты поет,

Летчик меня моложе

Виски с ухмылкой пьет.

А завтра приказ на рассвете,

На самом рассвете дадут, —

И будут корчиться дети

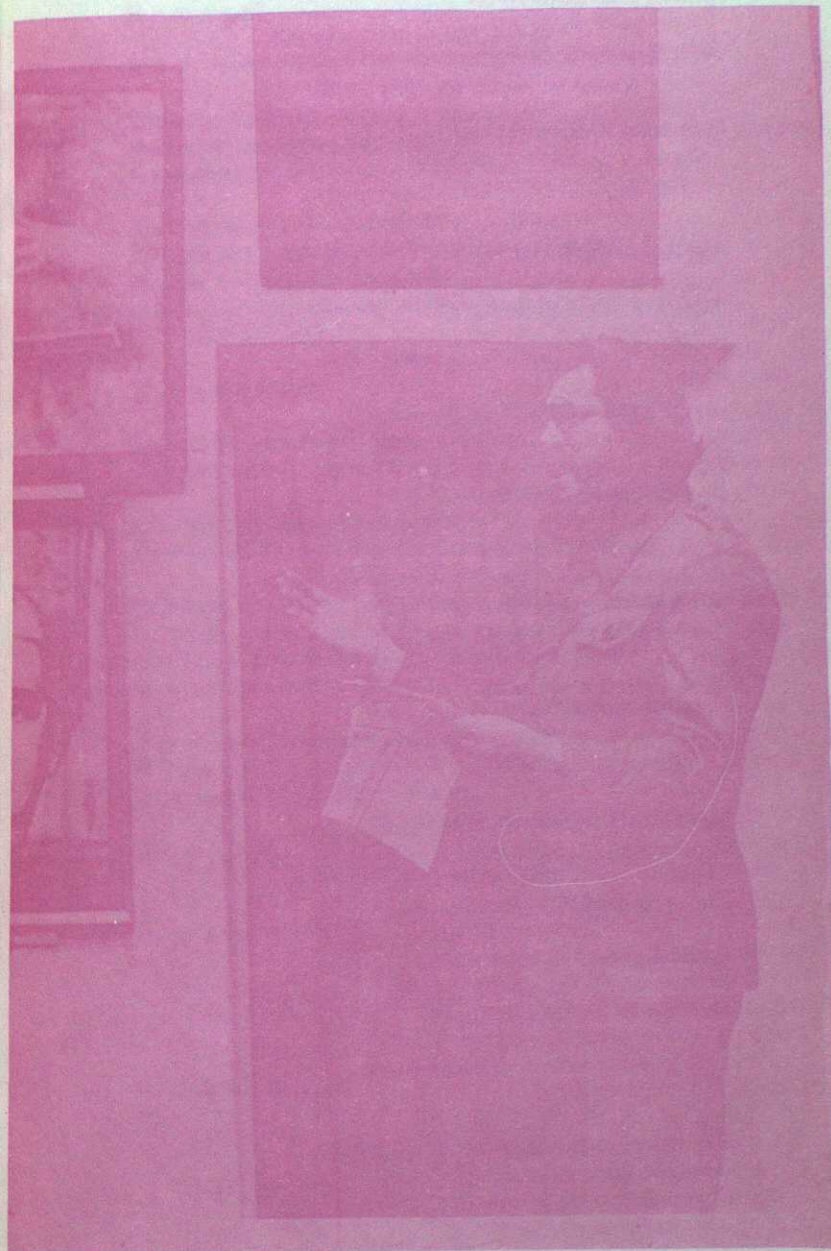
В предсмертном детском бреду.

И так же, как в сорок пятом

Не скажут ему: „Не смей!”

А выдадут Джону зарплату

Уже за другую смерть.

НА СНИМКЕ: ПОЭТ АМАЛДАН КУКУЛУЛУ ЧИТАЕТ СВОЮ
ПОЭМУ «МОНОЛОГ МИРА». Москва. Выставочный зал «На
Мало-Грузинской». 1987 год.

Но не пойдет он по барам
Виски хмельное пить.
Будет пьян от угара,
Будет пьян от убийств.

Не различая лица,
Заплачет и скажет сквозь бред:
„Мама, я злостный убийца
Детей, других матерей.

Сердце — тяжелая гиря,
Весь я из взрыва, огня.
Казните, матери мира,
Казните!..

Казните меня!..

...Ой! Еще сутки в простынях
Метаться среди докторской лжи.
Смерть — как это просто,
Как это сложно — Жизнь!

Я ухожу, не вините, —
Камнем испорчу вид.
Милые, только живите, —
Только бы жили Вы.

Слышите сердца звуки: —
— Нет, — с восклицанием, — Нет!
Люди, сломайте руки,
Руки и ноги войне!

Жгут меня саваном простыни
А ветка в окне дрожит.
Смерть, — как это просто,
Как это сложно — Жизнь.

Завтра конец страданиям,
Завтра потухнет синь.
Прощайте, не до свидания!
Непри,

Вас любящий сын.

Р. С.

Берегите сына. Он должен вырасти.
Отдайте долг Хесью 4 йена.
Перешейте мой костюм на сына.
Зайдите... Поцелуйте...

Передайте...

...Ой!...

Нагасаки, госпиталь,
палата, 47.
5 августа 1965 г.

ЭПИЛОГ

Л-ю-ю-д-и-и!

Вы меня слышите, люди!?

Я — Че-ло-ве-е-к.

Я не хочу из-за куска хлеба

Убивать такого ж, как и я человека;

Я отверг зверские инстинкты.

Я тысячи лет совершенствовался,
для того,

Чтоб стать таким, какой я есть сейчас.

Тысячи лет я пробирался сквозь трущобы,

сквозь костры инквизиций,

сквозь голод, тюрьмы, пытки к своему

СОВЕРШЕНСТВУ.

И теперь ...,

Теперь я говорю:

— Человек, если у тебя нет

рубашки, то возьми мою, (правда,

у нее воротник проел пот),

а я приобрету себе новую,

или похожу так, просто, так.

Почему же твои глаза наполняются слезами.

Ты — Человек?!

Человек, — у меня есть ломоть хлеба — он твой.

Человек, у меня есть ненаписанные еще книги, —

они твои. Тобой они будут написаны.

Человек, у меня есть сердце, —

оно твое.

Л-ю-ю-д-и-и, у меня большое состояние,

И я это состояние величаю — ЖИЗНЬ.

Моя жизнь — это Ваша Жизнь.

Все мое — это Ваше

Л-ю-ю-д-и-и!

Вы меня слышите, люди!?

Я — Человек!

Будьте достойны

ЧЕ-

ЛО-

ВЕ-

КА!

ЧЕ-ЛО-В-Е-К-А-А!

ЧЕ-

ЛО-

ВЕ-

Э-

КА-

А-

А...

ЧЕ-ЛО-В-Е-Э-КА-А-А-А...

ПОСЛЕ ЭПИЛОГА

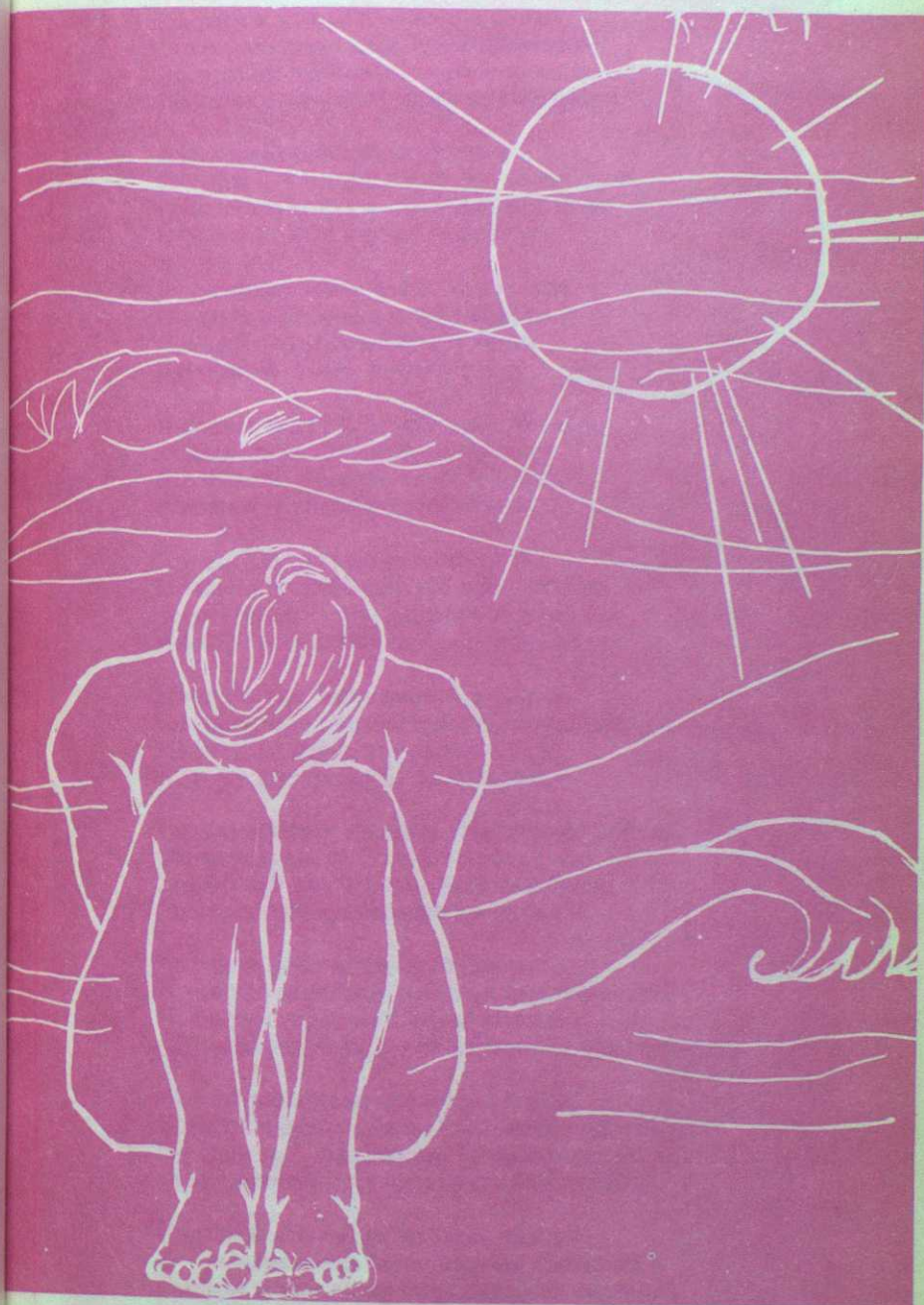
(Земля проскрипела земной осью):

— ЭХ-Х-Х!..

Пощадите меня!..

Я устала!..

1964–1965 г.
Махачкала – Москва.

СТАНСЫ В ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ ДРУГА

А. К.

Смотрю я в окно и не видно земли.
Сад белый стоит надо мной санитаром.
Да, правда, что годы ракетой прошли, —
Но только они нас с тобой не состарили.

А я говорю себе: тихо прошли
Не годы — в мираж караваны верблюдов.
И клясться готов я, что в дымной дали
Икнул и по нас, и о нас не забудут.

Грузили шелками мы свой караван,
И синью небесной и моря сатином,
И вдрызг опьяняли поэтов слова,
Дурманила жизни вонючая тина.

И бились зарницы в затихших прудах,
Стонала луна под осокою выпью.
Без всяких усердий, забот и труда —
И надо ж — внезапно так вышло.

Когда только таяла юности редь,
И счастье изданий для нас просыпалось, —
Тебе — угодить под расулов запрет,
А мне — угрождать, попасть под опалу.

И надо ж так было смеяться судьбе:
Закреть перед носом для счастья двери...
Ей-богу, не верю, что сорок тебе,
И этому факту никто не поверит.

Твой сверстник к годам этим сильно обрюзг,
Он держит диету, ложится спать рано,
Хранит зубочистку в пистончике брюк,
Страдает отдышкой, сидит у экрана;

На даче и дома порядок блюдит,
И сплетни за правду готов он выслушивать,
И, каждое утро, чтоб деток растить
Он ходит служить..., — не служить, а прислуживать.

Ах чертово племя созревших годов!
Хотя твои вехи — Даль, Гриммы и Гофман,
Ты дважды... ты трижды, быть может готов
За дружеский стих прошагать на Голгофу.

Признаться: не всяк на такое пойдет.
Я — рыцарь стиха беспощадный и нежный —
Смотрю в этот вечер безрадостный, снежный:
Ну кто в мой уют невеселый придет?

Шумит автострадой, мигая, Москва,
А стих не ложится на плоскости ночи.
Такая под сердце вонзилась тоска,
Что хочется выть на свое одиночество.

Но скрипнет калитка... (Нет, ветер подул),
Но хрупнет мороз... (Да морозы не сильные!).
Я вижу: бежишь, спотыкаясь, в саду
Хранитель стиха мой! Души упаситель!

О хлебе для друга в хлопотах с утра,
Лишь только б писал я, спокойно сгорая.
Ты сказки родного народа собрал,
Я — горечь российскую здесь собираю.

Коллеги пусть хором о счастье врут,
Я — в горе людей принимаю участие.
Что счастье? — его без меня соберут,
Из горя народа возросшее счастье.

Когда был в беде я, ты также страдал,
И нянчил любовью опасную дружбу.
Ты сказки народа родного издал,
И этим ему сослужил свою службу.

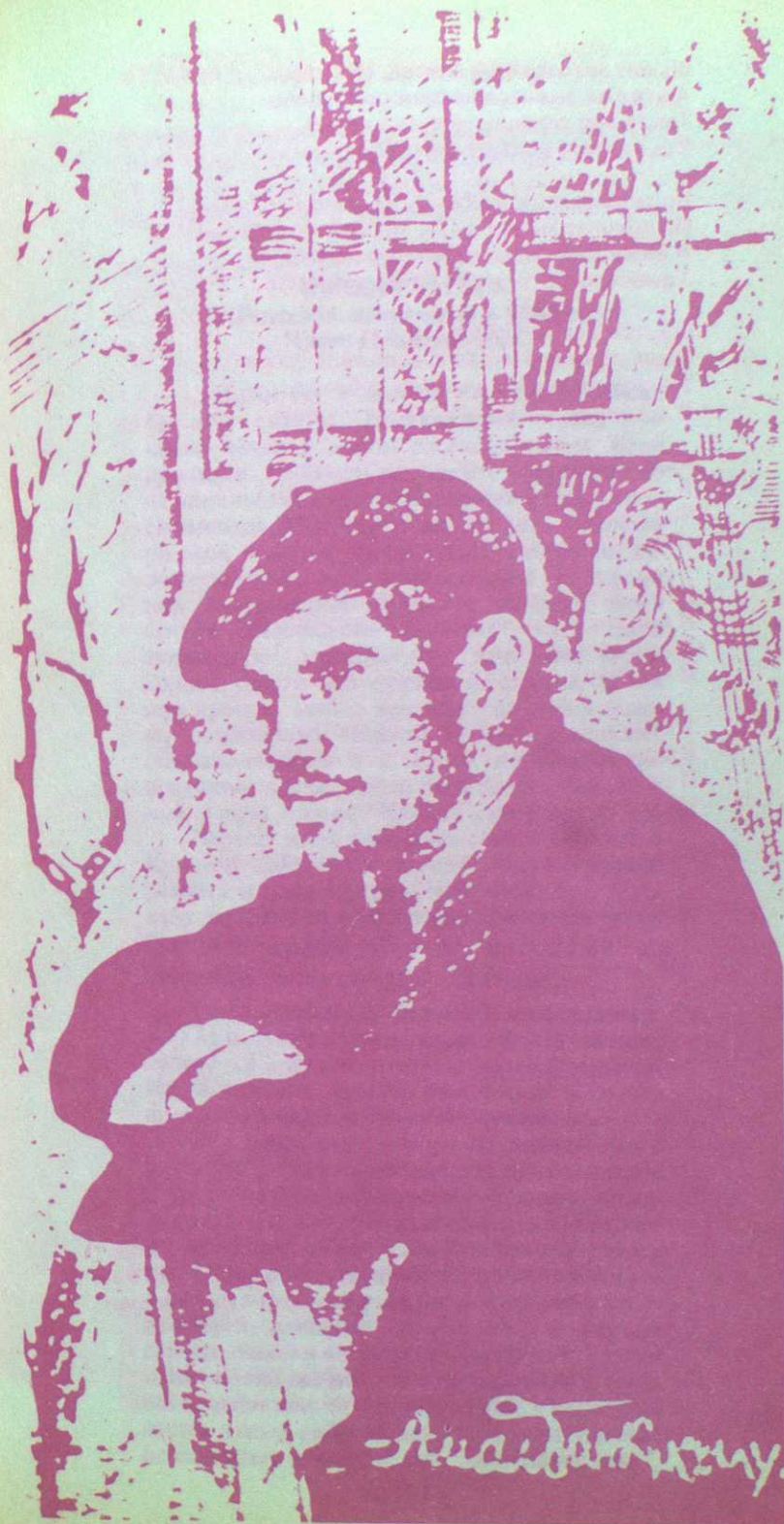
Я бьюсь, словно бражник на свечке, года,
В осеннюю опадь, в январскую стужу.
И пусть я поэмы свои не издал, —
Но разве поэмы от этого хуже?!

Так велено сверху: мы в строчках сгорим, —
И в этом вся самая высшая радость.
Как боги тебе: Даль, Гофман и Гримм,
Мой бог распроклятый — жестокая правда.

И если бы мог я иначе пойти,
Писал бы, играясь, без боли и лени,
Открылись к достатку, к довольству пути,
А с ними — прямая дорога к забвенью...

Присядем и будем спокойно болтать,
И выпьем за здоровье горечи старки.
Да, правда, что быстро несутся года,
Но только они нас, дружище, не старят.

Анатолий Сенин.
3 января, 27 января, 1976 г.
Востряково

ПОЭЗИЯ БЕРЕГА
(Рецензия, написанная в 1965 г.
Ильей Сельвинским)

„...Если бы я жил на Кавказе, то писал бы там сказки. Удивительная страна”, — писал Чехов в одном из своих писем. Если прозаики проникнуты таким чувством, то не удивительно, что поэты, побывавшие там — Лермонтов, Пушкин и мно. другие — создали об этой и в этой стране удивительные по художественной силе произведения. С. Есенин под впечатлением Кавказа написал цикл стихов „Персидские мотивы”, чрез „синь тюркскую” которых проглядывают черты горной, почти что сказочной страны. С тех пор прошло много времени; на смену одному поколению пришли другие, сменились обычаи, сменились и песни, но Кавказ по-прежнему пленит своей фантастической дымкой взоры поэтов. Кавказ сам рождает их.

Передо мной рукопись стихов Амалдана Кукуллу „Мое продолжение”. Она аккуратно разбита и даже оригинально проиллюстрирована заставками поэта-переводчика Анатолия Сенина и графическими работами художника Александра Данова.

Само название и скромное и обещающее. Кто из поэтов не думал, не мечтал о продлении своего „я”, кто не трепетал перед будущим? Но сколько их, живых, умирало на пыльных полках книжных магазинов и библиотек.

Я и ранее был знаком со стихами этого поэта, но тогда они мне показались блеклыми и притом с большой претензией, может по вине переводчиков, которые частенько работают не по вдохновению, а выполняют эту работу в качестве общественной нагрузки; а теперь — я вижу творческий рост поэта. Он со временем приобрел „рабочую серьезность”, и как он сам это пишет в вступительном стихотворении „Мое продолжение”, после окончания трудного, напряженного рабочего дня, у него начинается новый рабочий день за столом, где еще не смолкает грохот цехов. „шуршание шин”,

повал тайги и звон электропил лесорубов; где во всем чувствуется напряженный ритм страны труда. Кажется, что свалившись за стол, вы вместе с поэтом услышите этот ритм, только уже превращенный под рукой поэта в монументальную и торжественную симфонию труда. Поэт по своему складу — лирик и философ, но в нем чувствуется и публицист, а известно: публицистика в поэзии всегда балансирует между двух огней: ложным пафосом и дидактикой, но ни в ту, ни в другую крайность поэт не впадает. Если требует этого тема, то он решает ее в нужном направлении и успешно. Он видит свое продолжение в своем труде и вдруг, подняв усталые глаза от начерканного листка бумаги, слышит, как за окнами идет весна, и заключает: „это мое продолжение“. Продолжение в весне, которая несет радость первой зелени, птичьих трели и пробуждение жизни на земле. Глубоко и символично.

В книге много значительного и заслуживающего более тщательного внимания, но это не критическое обследование творчества какого-то одного автора, а всего лишь рецензия, и в ней всего не скажешь.

Одно можно сказать: Амалдан Кукуллу — поэт, лирик-философ. Основная черта его стихов — это рассмотрение различных явлений жизни через деталь, вернее, — он идет от детали к большим философским обобщениям, и от обобщений к деталям, не теряя при этом накала эмоций: а наоборот — наращивает его. Тихая грусть у него переходит в такой же тихий, внутренний восторг; восторг — в размышления. Стихотворение „Человек пришел не умирать...“, казалось бы, своим названием обещает безысходный пессимизм и отчаяние, но в нем, даже в названии, ощущаешь что-то очень большое, а не смиренное: слоны отработав свой слоновий век, идут, мерно покачиваясь, на кладбище, чтоб там умереть. А. В. Луначарский сказал, что смерть, она тоже входит в жизнь, и нужно умереть достойно. Поэт любит помечтать на уровне века: его герой побывал на других планетах и под силой притяжения наибольших, вернулся назад, уже убеленный сединами стариком, чтоб спокойно умереть на своей земле...

*И в смертный час, припоминая детство,
И суету непройденных дорог
Пойму я вновь, что вдоволь наглядеться
И надышаться досыта не смог.*

Без эстетики и громких фраз сказано об обыкновенных человеческих чувствах, в которых встает образ родины, которой сколько б не любовался — не налюбуйешься, сколько б не дышал — не надышишься. На эти чувства способен только человек с высокими идеалами, — наш, советский.

В лирической поэме „Возвращение“ затронуты тонкие чувства грусти по уходящим летам, пролетающим „мимо и не мимо“, в течение которых мы вырастаем, взрослеем и не замечаем этого; но однажды, по вехам детства — различаем это. О возвращении в свою колыбель писали многие поэты, и каждый видел изменения в жизни вообще, и в самом себе. И вот поэт вернулся в свой „аул поэтом“ и идет по нему. Его встречает „озерный томный блеск“ и „его одногодки“, „осевшие на поприщах семейных“ и уже „с новой, с какой-то новой, очень новой сменой“. Это о детях, совсем уже о других, не таких, каким он был сам. Чувствуется, хотя об этом не говорится прямо, преобразования, которые произошли за последнее время в нашей жизни, и которые уже дошли в такой заброшенный уголок страны — аул. Поэт видит рядом со своими сверстниками своих ровесниц — их жен, „которым он вчера писал записки и был влюблен. О, чисто как влюблен“, и от которых „еще вчера не пахло мисками и запахом застиранных пелен“, и которые уже сейчас „похожи на сгорбленных старух“. Последним он без лишних ударений, а простой, человеческой грустью бичует пережитки прошлого, которые так еще живучи; что говорить, на Кавказе, в отдельных местностях, жены являются бесплатными приложениями к мужьям, на их плечи ложится буквально все бремя труда. На эту тему в местной печати публиковалось десятки статей, стихов, фельетонов. Поэт продолжает идти по аулу, его приглашают в каждый дом „к хинкалу и вину“. Вот он заходит в дом старого ашуга, „безвестного ашуга на земле“ и „он его встречает, будто друга“, угощает, и в конце: „о моем народе что-то грустное он под чончур сквозь слезы рассказал“. Да, о прошлом народов Малого Кавказа мало можно рассказать что-нибудь интересное — это помнят старики, это знает молодое поколение по книгам. Поэма эта, ее тематика, напоминают чем-то стихи Есенина. Этого поэт не скрывает, он очень удачно использует, перефразировав немножко известные строки,

как бы перекидывая мостик между литературой двух народов — маленьким татарским и большим русским.

*...И байроновским лаем собачонка
Меня уж не встречает у ворот.
Встречает мама, тихая, святая".*

Поэт гордится гостеприимными, древними обычаями своих земляков и советует перенять его большим народам, так как он, „воспринимает не судача, — как свет и как прозрачность юных грез, ухватки русские и русские удачи, и отцветы над реками безрез". У поэта есть старший брат, по всему видно, русский народ и его литература, и этим он незыблемо дорожит.

Много места в поэзии Аамалдана Кукуллу занимает пейзажная лирика. Он по-своему воспринимает родные красоты, где „на тропах белеют архаровы кости" и „падают в ущелья орлы", где „ночь стоит комариным столбом из сажи". Значительно другое: всякий, почти всякий, его пейзажный стих выходит за свои рамки, поэт путем тех же философских обобщений может делать его непосредственно гражданским („Туча", „Три картины природы", „На морском берегу"). Отдельные строчки, а то и целые стихотворения западают в память и их повторяешь, забыв об авторе. „...Как когда-то вели корабли капитаны из Гавра на флорберов огонь, на огонь госпожи Бовари". Поэт может легко превращаться из ребенка в старика и наоборот. Очень удачны монологи старика из „Книги", и ребенка — „Дитя вселенной". Ребенок видит восходящий шар солнца над землей и говорит маме, вернее, спрашивает: а можно закатить солнце к себе во двор, как голову снежной бабы, — но здесь же, обеспокоившись, заключает: если забрать солнце к себе в дом, то во всем мире станет темно... Наивно и очень естественное ребячье беспокойство.

Деталь, ее фактура, зависимость и соприкосновение ее с миром — конек поэта. В стихотворении „Промчался ливень" поэт рисует картину после дождя, напором точных деталей, отдаленными намеками на эмоции. В нем чувствуется художник-экспрессионист. „Промчался ливень, и белки простудой луж сверкают. И облака так высоки — плывут, плывут платками. И скоро синью прорастут белки за плавом этим. О сколько дней тому листу!.. О сколько лету вздохов!"

Сильный ливень был или слабый, но этого

поэт не говорит, и все же мы ощущаем его в том, что „мягче стал садовый бас расхлябанной калитки". Становится явно, до всего этого стояла сушь, и калитка скрипела сухостью дерева, что долго ожидалось „великое это схождение земли и небес". Засуха побеждена, „и вновь ударит... бьет уж жизнь по самым диким зарослям".

Аамалдан Кукуллу может об исторических событиях говорить образным, смелым поэтическим языком, таких стихов в сборнике много, и все они трактуются затем, чтоб ярче увидеть сегодняшний день. Он не просто отдает дань истории, она у него живой первоисточник. („Книга", „С тобой говорю, мой народ", „Звезды"). Поэт обладает незаурядной эрудицией, чего нет у многих поэтов, не только национальных литератур, — но и у русских, — и может великолепно использовать это в своем творчестве.

Поэма „Монолог Мира", по своей конструкции сложное и оригинальное произведение, и как говорит автор, представляет по устройству 3-х ступенчатую ракету, в которой каждая ступень служит для развития скорости (в понимании автора: наращивания кульминации). Поэма спорна, с ней можно соглашаться и можно ей возражать и там, где автор подходит к оценке событий однобоко, как например, в „Дневном отступлении", он в погоне за формой пренебрегает содержанием. Форма произведения — вещь шепетильная, об этом должен заботиться особенно художник, и это единственная забота у него, если верить высказыванию Маркса: „...Если бы форма проявления и сущность вещей непосредственно совпадали, то всякая наука была бы излишней". Это, конечно, не значит, что мы должны пропускать в печать различные формалистические трюки, но все большие художники уделяли этому огромное внимание. Ведь от формы зависит очень многое: самую замечательную мысль можно подвести в такой форме, что она будет блеклой и немогущей, и наоборот.

Поэма на первый взгляд не представляет художественной ценности. Грандиозность ее замысла можно понять только тогда, когда мы в своем сознании соединим, помимо воли автора, все ее составные части. Автор верен своему читателю и определяет в нем наличие ума.

„Утреннее отступление” написано свежо, внезапно, как само утро; размеренный и спокойный его ритм создает в нем спокойствие и тишину; и тишина настолько воцаряется, что перезревает в грозное спокойствие, которое стоит на бранном лоне перед боем. Он этого добивается путем рассмотрения отдельных деталей и делает это тогда, когда они находятся в непосредственном состоянии. Он начинает повествование очень мягко, до прозрачности мягко, как будто пишет не пером, а кистью опытного мастера акварели. „За окошком рассвет, вдоль окошка зеленые тени. Капнул сад и замолк. Прозябает запоров металл”. Раньше поэт дает полную картину еще не проснувшегося счастья, покоящегося во всем. Современный интерьер квартиры; на тахте, руки вразброс, спит молодая чета; поэт входит в комнату и созерцает вещи, сначала вещи, — это он делает осторожно, чтобы не разбудить хозяев, и очень лаконично обо всем увиденном ведет рассказ. Вот его взор, наконец, останавливается на коляске, стоящей в головах молодых супругов, в коляске спящий ребенок: „Рафаэль проглядел, одаряя ребенка Мадонны. О как бился художник в великом труде, но превыше всего остаются ладони, ножки, губки и носик в поту”. Он видит как через микроскоп все подробности (линзочки пота на носу, мокрые волосы), и восхищается непосредственностью и красотой природы, ее мудростью, без излишних фальшивых нот пафоса.

„Дневное отступление” написано другим языком, оно как бы написано не пером, а скрипом дверных шарниров, телефонными звонками, людской суетой. В нем много не оправданного, субъективного, но рассматривая его в сопряжении „утреннего” и „вечернего” отступлений, оно имеет право на существование. В этом отступлении поэт допускает просчет. Забывая о стремительности развития событий, он однобок в подходе, в оценках общественных явлений, однобок до кощунства. Например: в отступлении все деяния совершаются, т.е. работают на зло, даже работа хирургов”, стерильных магов”, спасающих жизнь мальчонки, поэт ставит под вопрос — зачем? Эта концепция, с одной стороны, имеет место: нет смысла спасать то, что завтра станет достоянием смерти; с другой стороны — это кощунство из кощунств. Но автору можно простить эту однобокость.

он судит последствия войны устами инвалида, потерявшего ногу, устами и красками спускающейся ночи. Драматизм поэта и в этом незначительном эпизоде убедительный, т. к. ужасы войны проникли в такие отдаленные уголки нашей страны и там напоминают о свершенной трагедии. Как это по-человечному, „подставляя плечо для помощи“, сказать: „лишний раз инвалиду напомнил я, что он инвалид“. Поэт не боится разрешать сложные психологические моменты, которые в поэзии очень часто бывают неудачными и невозможными.

Характерная черта поэта — это смена ритмов повествования. Автор находит к каждому „отступлению“ свою музыку, которая бы в точности отвечала данному отрезку времени. „Утреннее отступление“ написано свежим, уверенным, спокойным, прозрачным, как акварель языком: день — нервным, сбивчивым, со сменой интонаций; вечер — тяжелым, отрывистым, угасающим, как закат, усталым; он снисходит почти что к прозе. Поэма, если хотите знать, научна, ее можно легко переложить на музыку, и каждый при наполнении этой музыкой отличит, где день, где ночь. Пушкин писал: „Науки, чуждые музыки, были постылы мне“. Вообще, поэзия Амалдана Кукуллу музыкально и разноинтонационна и в этом есть немалая заслуга и опыт переводчика. „Эпилог“ и „Вступление“ написаны ритмической прозой, в них поэт изложил все свое кредо путей человеческих размышлений, утверждая на земле добро и отвергая зло, он призывает человечество всмотреться внимательней друг в друга — в мире все зависимо и ничто не живет автономно. В них он себя проявляет философом и человеком, обязанным нести добромыслие, добрословие и добродейание, — все то, что проповедовал пророк Зароастра, далеким предкам которого в полном смысле относится сам автор и его народ*.

Конечно, предлагаемый сборник в рукописи не лишен недостатков; в нем слишком

много места занимают стихи о море. Частенько поэт не удерживается от соблазна покинуться своим „я“, но это, очевидно, по молодости или от желания самоутвердиться.

А вообще, мы имеем дело, с серьезным и вдумчивым поэтом лирико-философского плана, который, отправляясь в море „берет с собой поэзию берега“, как талисман спасения и счастья.

Его поэзия идет дальше сугубо национальных рамок и, как я уже говорил, за счет философских обобщений, и тем не менее, это ей не мешает быть вместе с тем глубоко национальной. В ней борется, живет и чувствуется наш беспокойный современник, который сам творит и не перестает удивляться земной красоте.

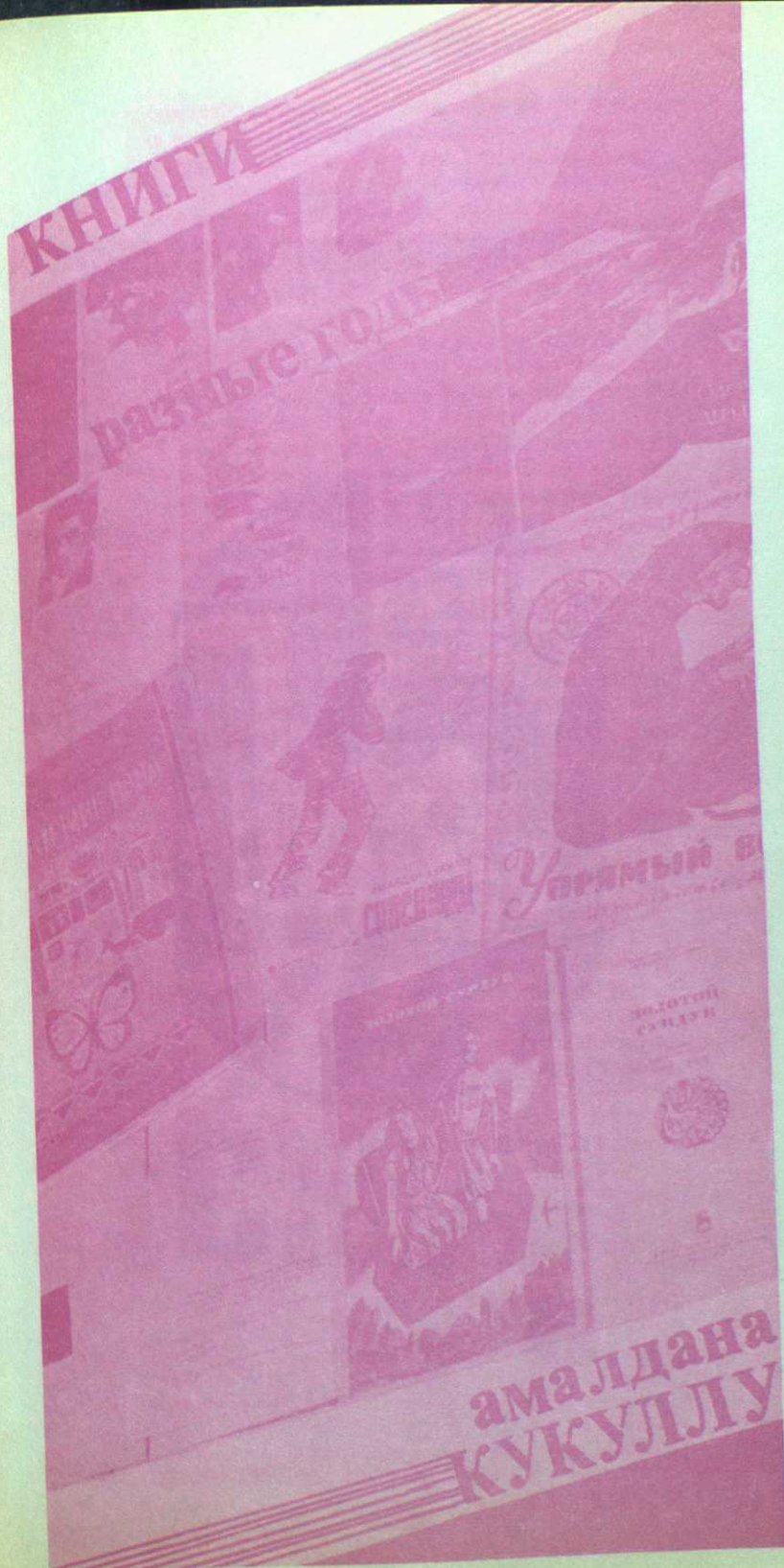
Амалдан Кукуллу — один из представителей, если так можно выразиться, горской поэзии, но тематика его поэзии вышла далеко за пределы чисто национальных рамок. Пристальному взгляду поэта не мешают вершины гор; его поэзия — поэзия больших философских обобщений, основанная на знании истории, и потому всеобъемлюща — космическая.

Сложный мир его образов — это прежде всего не искусственное навёрчивание на простые вещи тумана усложнения. Его сложность поэзии диктуется сложностью и многообразием самого мира.

Обнажение сущности первоизданности вещей — вот основной ключ к пониманию его творчества.

Я думаю, в сердцах русского читателя этот предлагаемый сборник стихов поэта и сказочника Амалдана Кукуллу найдет свое второе продолжение.

Илья СЕЛЬВИНСКИЙ

АМАЛДАН КУКУЛЛУ

СТИХИ К ДРУГУ
И ОДРУГЕ
Б

ИЗ ЦИКЛА
СТИХИ К ДРУГУ И О ДРУГЕ

МОСКВА — ОЛЫКА — ПОЧАЕВ

1974 г., 1980 г.

посвящается
замечательному русскому поэту —
мученику и неизменному другу моему
Анатолию Сенину
с Верой и Надеждой на всемирное
признание.
— автор —

и авториздат
«АМАЛДАНИК»
Москва
1990 г.

ОГЛАВЛЕНИЕ ШЕСТОГО ЦИКЛА

ОДА НЕСПОКОЙНОЙ ДУШЕ

«СУМАСШЕДШИЙ ПО ВОЛЕ ДРУГИХ...»

ОДА ДРУГУ

РАЗГОВОР О ДРУГЕ

ИЗ ЦИКЛА:

1974 г., 1980 г. СТИХИ К ДРУГУ И О ДРУГЕ

ОДА НЕСПОКОЙНОЙ ДУШЕ

Непонятность постичь я пытаюсь
своего назначения в миру, —
Отчего беспокойство души
по дороге открытой влечет?!
Расстилаясь пред взором,
дорога уводит во мглу,
Что в заоблачных высях
к постижению порыва ведет.

Отчего же желает волненья поэта душа?!
Чтоб стихами исписан был тернистый путь,
Чтоб страданье души смог бы путник
прочесть не спеша
И узреть в твоей жизни и Чести,
и Совести суть.

О, Душа беспокойная! Я лишь покорный
твой раб.
Ты созвучием слов
каждый день исцеляла меня.
Покорялся я голосу сердца —
и голосу сердца был рад:
Он рождался в душе беспокойным
волненьем пьяня.

И как волны морские, мазками
ложились на душу сквозь стон,
Друг за другом, смыкая мои берега
по весне.
Нервным всплеском в стремительной
смене времен
Возрождающим боль беспокойством
ожили во мне.

Больно мне от цепей, что сковала
мой разум со мной
И, отнявшая нежность, свободы
лишила меня,

Ублаженные собой отняли и забывши
про сон и покой
Я изгнанником нищим скитаюсь
под небом, склоняюсь.

Одинаково все в мире этом
куда не приду.
Сквозь мученья и страх
к непостижимым высям стремлюсь.
Я оборван и бос по дороге открытой
годами бреда, —
В незнакомых мне странах
порой откровенью дивлюсь.

Одногодки мои — как и всюду —
слепы и довольны собой,
И вдали от Тебя, о, Душа! —
придаются порокам своим,
И в угаре страстей, не постигнув
Вселенский покой,
Преклоняют колени пред законом
земным.

И, не ведая страсти горячей
и жажды в крови,
Называют, ласкаясь к эпохе,
Это время своим,
И не знают, как быстро сменяются
годы и дни,
И что с ними рассеется тленный
их мир, словно дым.

Что же видят, о, Господи! — трезвые
очи мои?
Безымянные витязи маятся в тяжком
плену
У безумных чудовищ, что играют
людьми —
Ссорят их, — а обжоры терзают страну.

Все им мало: и боли, и крови, и слез,
и тоски, —
То, что видят глаза отдается
мученьем души,
И мученьем движимый, чтоб мир
возродить
Устремляются ввысь вдохновенно
Христовы сыны.

Но дороге к познанию в мире
не будет конца,
Сколько од беспокойных ты в жизни
своей ни сложи.
Люди будут всегда поклоняться
кумирам, глупцам,
Потому что безмозглым в этом мире
спокойнее жить.

Стойкость Веры, Добра! — это людям
совсем ни к чему.
Только верующим в Бога они
по веленью сердца сродни.
Потому и страданья души
только верные Богу поймут, —
Только им ты поведай страданьем
сожженные дни.

Им поведай! А неверным — иное
ты смело скажи,
Что подобные им — бессильны
преграды смести,
Изменить времена и в стихе
изумленном ожить.
(Только Верую в Бога под силу
Отчизну спасти!)

Так иду я — поэт — вечный пленник
бессмертной души.
Сердце бьется в груди, словно
птица в сети.
А порою неистово хочется крылья
сложив,
Оборвать эту боль, но душа
заставляет идти

В суету, и во мрак — через
скомканный нервный
клубок...
Прорываюсь наверх, — там, где
света заоблачный мир
Освещает мой путь сам Бог,
и читает стихи между строк
И меня приглашает на небо,
как гостя на пир.

И уходит боязнь умереть
в жерновах суеты.
Вижу книги на полках! В них
пленники вечной души,
Что времен бесконечных разорвали
незримую нить
И чрез скорбные строки бессмертье
свое обрели:

Здесь иное мерило для всех
человеческих благ —
Кто в кумирах ходил — тот
ничтожнейшим в памяти стал.
Ну, а так — кто при жизни своей
был оборван и наг —
Здесь величьем души беспокойной
во славе восстал

И узрел зарождение грядущих времен
ярко-пламенный свет,
Под лучами которого идут вдохновенно
народы вперед.
Знай ты это и ничтожное брось же
с дороги, Поэт!
Пусть сквозь склоки и мрак
Честь бессмертье свое обретет.

Видишь, — вон! Дон-Кихот! — вдохновенный
бесстрашным пером,
Вместе с верным слугой поспешает
в безоблачный путь.
У того, кому Совесть при жизни служила
щитом,
Тому Честь никогда не давала
с дороги свернуть.

Путь у Санчо безоблачен — верный
он спутник Добра —
Добротель и Верность надежней
стального клинка.
Это знает любой. И хоть истина
эта стара,
Ей забвенье людское не страшно:
бессмертна она.

Я за другом своим, как и Санчо,
к бессмертью иду,
Восхищаясь поэзией мысли и
правдой Его.
Ну, а если когда-нибудь
вдруг попадем мы в беду
Я прикрою его своей дружбы
надежным щитом.

Его Честь для меня и поэзии
чистый поток,
Как святая вода для узревшего
истины свет.
И стихи его вечны, как влаги
хрустальный глоток,
Утоляющий жажду в пустыне
стреноженных лет.

Лишь во временном верности
нет. Потому —
Не за временной Правдой идем мы
к бессмертной любви.
Вслед идущие будут всегда
подражать лишь тому,
Кто по-детски Отчизне богатства
души подарил.

И пусть Родина наша при жизни
с нами будет строга, —
После смерти пусть плачет,
как Скорбящая мать.
Она знает и видит — дорога у нас
не легка, —
Потому нас сумеет Она душою
согреть и понять.

Пусть сегодня мой друг не свободен
по миру бродить,
Пусть темница его, и страшна,
и тесна...
Разве можно душе или сердцу
его запретить
Изъясняться стихом?! Разве можно
укрыть за замками талант?!

Эту жизнь для себя он, как путь
в бесконечность избрал.
И эпоха в стихах его
в Вечности вдруг оживет.
Он, как Витязь с ней бился и он побеждал, —
Потому что бессмертен под солнцем
Поэзии плод. *

Царь он сердца и сердца же
верный он раб.
И я верю, что где-нибудь
в дымной дали
Он взойдет на помост и подымет
Поэзии флаг,
И в далекие земли
стихов поплывут корабли,

И в созвучии слов
утешение будет и страсть,
И сердце человеческих
переплетутся пути,
И не будет никто, ни казнить,
ни злословить, ни красть,
Когда будет душа за собой
Человека вести.

Ну, а те, кто погрязли во зле,
пусть придут во мраке долин.
Мы — за солнечным светом спешили
по дороге своей.
Может в этом и есть суть
Творения Божьих Вершин,
Чтоб к Небу с земли их
сиянье манило людей.

...Впереди на дороге — я вижу
 стоит Дон-Кихот.
 Рядом — Санчо... И мельниц вращенье
 — вдали...
 Покоримся их зову! Пора собираться
 в поход!..
 Нас зовут за собой наших
 Божьих Вершин корабли!..

Москва, 1974 г.

Сумасшедший по воле других...
 Кто тебя опорочил молвою?
 Кто познал как рождается стих
 Истомленной и скорбной душою?..

Как палящее солнце твой взгляд:
 Справедливости взоры сжигает
 Все, что нас тянет в злобе назад,
 Постижению мира мешая.

Взор твой — факел в сгустившейся тьме, —
 Зло боится его озаренья.
 Весь бесчестный позор на земле
 Обличает поэта прозренье.

Ты умеешь до дна прочитать
 Тайны скорби, изменчивость рока,
 И великую боль утолять
 Вдохновенным глаголом Пророка.

Пусть кому-то несладок твой стих,
 Пусть вражду вызывает в растленных.
 Так бывает всегда... до поры,
 Когда Время приносит прозренье.

Так возьми его верный доспех,
 Не спеши к суетливым сомненьям.
 Ведь и солнечный свет не во всех,
 А лишь в зрячих узрит продолженьем.

Как бы не было больно душе,
 Как бы ложь не тревожила совесть.
 Ее черные крылья уже
 Не затмят твою горькую повесть.

Ее сила, как красный рубец,
 Вся в обновках кровавой приметы...
 Скоро Время — Великий Истец —
 Призовет ее царство к ответу.

И великий Всеобщий Судья
 Разбирающий споры меж вами
 Там, за гранью небытия
 Приговор зачитает стихами

Всем, кто тшился разрушить твой мир,
 Кто отверг созидательность чести,
 Чей жестокий и живой кумир
 Наслаждался лишь кровью и лестью.

И в несносно-щемящей тоске,
 За суровую скупостью знака
 Вдруг воспринмет как свет в маяке
 Твое Слово над царствием мрака.

И пожар, затаенный в душе,
 Прорастая как звездное семя,
 На каком-то ином рубеже
 Возродит наше гордое время.

Слышишь, друг мой, — ведь это Оно
 Прорвалось в мироздания иные,
 Чтобы Правда с душой заодно
 Возрождала поэтов России!

...Сумасшедший по воле других,
 Исцеляй глухоту или слепость.
 Ведь не дом твоя крепость, — а стих,
 Остальное — пустая недепость.

Авторизованный перевод
 с татарского
 Михаила Полова
 Москва, 1974 г.

ОДА ДРУГУ

О, верный друг мой — Анатолий Сенин,
 Из всех друзей ты самый верный друг!
 Твои стихи, как паводок весенний
 Заполнили повзрослевший луг

Моей души. Я верил в нашу силу,
 И — в верность дружбы веровал всегда...
 Меня твоя поэзия носила
 По миру, вплоть до вечности листа.

Какую б боль не принесла разлука
 И струпы нервов чтобы не плели —
 Я знаю, что тоска правдивей скуки,
 Еще правдивей боль в словах твоих.

И сколько б нас не разделяло время,
 И как бы ни блуждали мы во тьме,
 Я Верую в Великое Прозренье
 Твоих Стихов звучащих в тишине.

Пусть в этом мире миражей коварных
 Ты Дон-Кихот, а я лишь твой слуга.
 Мы оба знаем как порою странно
 Увидеть скорбь убитого врага.

И, занося свой меч над головою,
Рубя плеча насиле и блуд,
Постигнуть вдруг с невыносимой болью,
Что наш порыв при жизни не поймут.

И, веруя в незыблемость Писания,
Преодолев сомненья и тоску
Мы знаем, что обязаны оставить
В Великой книге и свою строку.

И пусть твое Отечество больное
В Великий Смысл уверует опять.
В конце концов мы на земле изгой
И потому обречены писать

Стихи с закатно-горькими словами, —
Слова — с прощальным запахом волос.
И кто-то из пришедших вслед за нами
Постигнув их, решится на помост

Взойти и, не надеясь на спасенье,
Приподнести и людям, и Творцу
Все сборники твоих стихотворений, —
Что нас с годами приведут к концу.

Поведай боль души своей мятежной,
Я все приму как есть в тебе, — и знай —
Душа лишь в злобе и лукавстве пленна —
В любви не будет пленной никогда.

Лишь жертвенность души — ее Свобода:
Распятый был свободней веших птиц.
И нет страшней сомнения невзгоды,
И нет темней неверия темниц.

Годгофой скорбной правит обновление —
Лишь палачам — насилие и страх.
И лишь принесший миру Искупленье
Останется живым в своих делах.

И, превратив в слова свои порывы
С извечной жаждой верящего в свет,
Лишь тот пройдет по тропке над обрывом.
Кто знает что пути обратно нет.

Лишь братством постигается доверье, —
Пусть наша дружба как волшебный мост,
Прозрев в пути все камни преткновенья
Глазам откроет свет погасших звезд.

И в тех, кто в безутешности блуждает,
И в тех, кто пленник злобы и вражды
Пусть истина стихов твоих рождает
Заветный свет Библейской простоты.

Мой Дон-Кихот! Надежды вечный рыцарь!
Я — твой слуга и наш с тобой удел
Суметь все то, что пращур не соделал,
Успеть все то, что кто-то не успел.

И не терзаясь временным изгнанием
Неси свой свет — бессмертный свой посев.
И знай, что нас грядущее прославит
Звучащей бронзой гения воспев!

Авторизованный перевод
с татарского
Михаила Попова
Москва, 1974 г.

РАЗГОВОР О ДРУГЕ

И вновь приехал с другом я в Почаев —
В обитель благодатную души,
Что Веру всенародную прославив,
Стоит века в покое и тиши.
Я ехал с другом, взяв его с собою,
Чтоб воцерковить ближнего душою,
Чтоб здесь, и потрясен, и просветлен,
Восславил Бога в новых песнях он.

Друг этот всех друзей иных дороже.
Коль память хоть немного растревожу,
Нахлынут годы — два десятка лет
Я этой дружбой чуткою согрет.
Я не хочу нисколько назиданий,
Но с каждым годом крепнет дружбы свет:
Его прекрасней в мире этом нет,
Хоть вдоволь было горя и страданий.

Жил трудной жизнью мой чудесный друг.
Со дня рождения он терпел вокруг
Сиротство, голод, холод, наговоры,
И сплетни, и гоненья... — мог бы я
Изобразить его в любую пору
На каверзных ступенях бытия.
Психушки он изведal и темницы,
Бездомицы — не мог он покориться.

Безытным был, — но песни пел и пел —
И Слава Богу! — как-то уцелел.
Его, решив лишить духовной силы,
Закапывали заживо в могилу;
Чтоб Веру и Надежду сокрушить
Его избить пытались и убить.
Скитался по России он немало,
Врагов коварных у него хватало.

НА СНИМКЕ: ТАТСКИЙ ПОЭТ, СКАЗОЧНИК АМАТЯН
БУДУЩЕ НА КВАРТИРЕ РУССКОГО ПОЭТА И ПЕРЕВОД-
ЧИКА АНАТОЛИЯ СЕНИНА. Москва, район Ясенево. 1982 год

Но он Россию всюду воспевал.
Народ свой никогда не предавал.
Страдая, воевал за правду он,
Свободы жаждал, ею вдохновлен.
Но он устал и телом, и душою —
И потому я взял его с собою.

Повергнуть очень трудно сатану —
И так он взбудоражил всю страну,
Разрушил все, что только можно было,
Вытягивал и деньги он, и жилы,
Высасывал и соки из людей —
Содеянным доволен был злодей.
От сатаны повсюду в мире беды —
Но можно одержать над ним победу
Молитвой к Богу — лишь она одна
Для укрепления Веры нам дана.

...Вот мы в Почаеве. Мы молимся во Храме, —
И музыка Небесная над нами

Звучит, — и хор торжественно поет —
И души рвутся с трепетом в полет.
Мы к Небесам возносимся душою,
Хоть на земле греховной мы стоим,
Но каждым помыслом восторженным своим
Мы воспаряем, Бога пред собою
В Небесной славе несравненной зрим.
И песнопенья плавною рекою
Текут и обволакивают нас —
Будь с нами навсегда блаженный час!
Страдальцев мы в молитвах вспоминаем
И веру в их спасенье обретаем.
Мы молимся за нашего отца —
Сильнее бьются жаркие сердца.
С тобою мы, отец наш, духовник! —
Горячей Веры не замерз родник
В снегу февральском, посреди зимы.
— Спаси его, Всевышний! — шепчем мы.
Чтоб отмолить грехи свои сейчас,
Что тяжкой ношей на душе скопились.
Мы молимся — и с нами Божья милость.
И слезы умиленные из глаз
Струятся: песнопения — все выше,
Все глубже боль, все меньше и все тише.
Возносимся мы в Божии чертоги, —
Грядущего провидим мы дороги,
Уходит боль былая навсегда.
Горит над нами зимняя звезда.
Стремимся мы туда, где правота —
Распятия святая высота,
Где Крест Господен поднят над землею.
Мы Бога прозреваем над собою, —
Поющий хор уносит нас к Нему:
Сияет свет, уничтожая тьму.

...Вот служба кончена. Мы в трапезной сейчас,
Куда монахи пригласили нас,
Здесь роспись стен — Писания мотивы.
Как это зримо, дорого и живо!

Как будто разливается бальзам
В душе очищенной — и радостно глазам, —
Я в этой трапезной бывал уже не раз,
А друг — впервые здесь. Мне интересно
За ним смотреть. Бывает, как известно,
Особый в жизни миг, особый час.
Поют монахи дружно: «Отче наш!» —
И друг мой им тихонько подпевает, —
Лицо его мгновенно оживает.
Под сорок лет никак ему не дашь.
Он молод, молод — вижу по глазам:
Преображение друг мой понял сам.
Из глубины души он выдыхает
Бесчисленные горести свои,
Обиды, беды и невзгод слои, —
Поет самозабвенно — и вздыхает.

О, Боже, Боже! Святы небеса!
Творишь, я вижу, вновь Ты чудеса.
Животворишь Ты друга моего
Живую душу. Вижу торжество
Высокой Веры! Час для Вдохновений,
Для Божьих дел и вещей песнопений.

...Поют монахи: «Отче наш!» Мы тоже
Поем. Как это радостно, о Боже!
Людей единство — это Божья милость,
Так сердце пело искренне в груди!..
Когда же песнопенье завершилось
И трапеза осталась позади,
Мой старый друг взволнованно сказал:
— Ты знаешь, брат мой, что я испытал,
Когда монахи пели? Мне казалось,
Что в пенье этом собраны давно
Вся боль, все стоны, все обиды, жалость,
Грехи, утраты... Было суждено
Сегодня мне воочью убедиться,
Что только в пенье этом могут слиться,
Соединиться столько разных чувств,
Присущих людям сей страны огромной,
Великой, необъятной и бездомной.
Я понимать их заново учусь.
Я слышу в этом пенье зов дороги,
Тоску по неизбежному пути,
Его величье в Бытие и в Боге,
И то, что может вдруг произойти:
Прозрение, просветление, умиление,
Смирение, моление, благодать...
Ах, Боже мой! ну что за впечатление
И как его сумею мне передать?!
Здесь всё, что есть, и все, что прежде было,
Что сердцу моему навеки мило, —

Монахи и священники все это
Собрали в души чуткие свои,
Как родниковой музыки струи,
Как возрастанье чистое рассвета,
Молитвы слыша стольких прихожан,
Их исповедывая, вглядываясь в лица —
Напев сей дивный долго будет длиться, —
Он Богом им внушен и Богом дан.
Когда монахи пели: «Отче наш!» —
Они душою к Богу обращались
И в помощи Господней возвышались,
Как бы устами строгими касались
Наполненных Архангелами чаш
С напитком дивным кротости земной.
Ах, Боже мой! Ах, Боже Всемогуций!
Нет, право, мне такого не забыть!
За все греховное, что видим мы вокруг,
За землю, раздираемую в клочья,
За то, что слишком тесен жизни круг
Они простить просили... Я воочью
Все это видел, видел, добрый друг.
При этом пенье показалось мне,
Что нет границ для душ людских на свете,
Ни в ширь, ни в высоту нет ей отметин,
Нет ей преград — она вольна вполне,
Она сиять красотою готова,
Как Вера вдохновенная Христова,
Без времени совсем и без границ —
Она живет — подруга вещей птиц:
Что ей существование мирское!
Она живет в преддверии покоя
Среди светил небесных и зарниц
Над жизненной извечною рекою... —
Так выпалив свое друг пал во Храме наш.

Да, многое он принял здесь душой —
Певец России всей, мой друг большой.
Текли, струясь, ночные разговоры
С монахами в их кельях — и мудры,
Они бывали к нам всегда добры,
И расставались с ними мы не скоро.
Увидел друг мой, осознал душой
Все службы Богу, встречи, откровенья,
И каждый день, и каждое мгновение —
Все это он навек унес с собой.
Бесследно не исчезло пребыванье
В Почаеве. И вот при расставаньи
Смотрели мы на Лавру. И была
Она так необычно величава —
В ней средоточье было Божьей славы, —
И золотом сверкали купола,
Кресты сияли, грудился народ
У Храма, — и, крича, взмывали птицы...
Пора пришла — и нам пришлось проститься
С Обителью... Что впереди нас ждет?

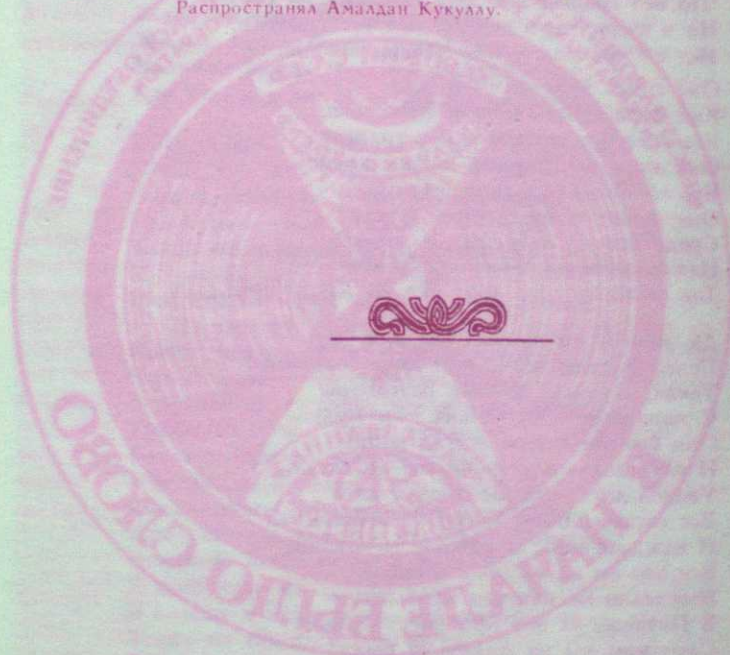
...Потом, в Москве друг книгу написал.*
В ней было все, что видим мы повсюду,
Но в ней была живая Вера в чудо
В того, кому ее он посвятил.**

...Тебе, Почаев, благодарны мы
За Веры свет, целебный, несравненный,
За то, что в песне друга вдохновенной
Остался ты, согретый средь зимы.

Любовь и кротость душ нам дарит Бог
Чрез Лавру — благодатную обитель.
Тебя мы славим, в песнях, наш Спаситель,
В Тебе — и жизнь, и мудрости залог!

Авторизованный перевод
с татарского
Вл. Алейникова
Почаев — Москва
февраль-март, 1980 г.

*, ** Анатолий СЕНИН. ПЕЧАЛЬНИК РОССИИ (цикл стихов). Москва,
1980 г. посвященный духовному отцу автора стихов — священнику Дмитрию
Дудко «Самиздат», стр. 24. типографикабор, тираж 300 экз.
Распространял Амаддан Кукуллу.

МОСКВА
МОСКОВ
1990

МОСКВА, КИШНЯЯ ЯРМАРКА
12-20 сентября, 1989 г.

АННОТАЦИИ
НА ПОДАРОЧНЫЕ,
КРАСОЧНО ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЕ
КНИГИ СКАЗОК АМАЛДАНА КУКУЛЛУ,
ИЗДАВАЕМЫЕ ЗА СЧЕТ СРЕДСТВ АВТОРА
В ГОРОДЕ МОСКВЕ
(1989—1990 гг.)

МОСКВА
MOSKOV
1990

МОСКВА, КИШНЯЯ ЯРМАРКА
12-20 сентября, 1989 г.

АННОТАЦИЯ НА СБОРНИК СКАЗОК

АМАЛДАН КУКУЛЛУ. «ЗОЛОТОЙ СУНДУК» (СКАЗКИ ТАТОВ * ДАГЕСТАНА) на русском языке, печ. листов 24, формат 60×90¹/₈. Издается за счет средств автора. Цена договорная. Москва. Тираж 50 000. Год издания 1990. Издание подарочное. Художник А. А. Сенин.

«Книга Амалдана Кукуллу «Золотой сундук» (Сказки татов Дагестана) — в большинстве своем не сказки, а сказания, — пишет в своей рецензии профессор, фольклорист В. Парфентьев. — Они мудры, драматичны, образны, во многом сходятся с классическими образцами древнеперсидских, арабских, русских сказаний и были, а также — с фольклором Скандинавских стран, Великобритании, Германии, Китая, Индии, со сказками народов Америки, в частности — индейцев, и других стран и народов».

А вот как отзывается об этих же сказках академик-иранист И. С. Брагинский: «Помещенные в сборнике сказки, как волшебные, так — и бытовые, и сказки о животных читаются с неослабевающим интересом, ибо они по своей тематике остросюжетны, мудры и много в них волшебных причуд и назидания. Язык сказок эмоционален, близок к художественно-литературному языку. Книга сказок Амалдана Кукуллу «Золотой сундук» (Сказки татов Дагестана) привлечет к себе не только широкий круг разновозрастных читателей, но и внимание специалистов, — как фольклористов, так и других специалистов гуманитарных наук».

Книга предлагается как дополненное, вновь отредактированное переиздание (издавалось в Москве в 1974 г., стала библиографической редкостью). Данное издание сопровождается авторским предисловием, послесловием и комментариями.

* Тат — это одна из древних коренных народностей Дагестана. Собственное имя этого народа в его духовно-историческом развитии — джуай, джуут, джугур — все эти названия обозначают причастность этого народа к древнейшей зароастрийской, огнепоклонческой религии. С зарождением христианства таты, как и многие народы Востока, а также Кавказской Албании, приняли христианство. С приходом Исламской религии часть народа приняла Ислам, другая — иудаизм. Таты исповедуют и индуизм, и христианство. Язык татов (джугур) — древнефарсидский и в свете новых филологических изысканий, над которыми многие годы работает автор предлагаемого сборника сказок — поэт, сказочник, фольклорист и филолог Амалдан Кукуллу, — является ключом к разгадке «тайны слова», подтверждающее духовное языковое единородство многих народов планеты, — особенно — языки индоевропейской, фарсоязычной группы.

Макет, оформление книги, девять графических, поистине сказочных, сюжетных иллюстраций, четырехцветная сюжетная обложка, в начале и в конце книги двухцветный, сюжетный, распахной форзац, цикловые в два цвета шмуцитулы, постраничные, изящные в красный цвет рамочки, а также — сюжетные концовки и инициалы мастерски выполнены художником Анатолием Андреевичем Сениным.

Выход книги планируется в 4 квартале 1990 г. Принимаются индивидуальные и коллективные заявки от различных предприятий и торговых организаций страны в любом количестве.

Сказки входят в жизнь человека с детства и остаются с ним навсегда, точно так же, как свет солнца, сияние звезд, шестелюбства, море и горы, леса и степи, сокровенный сердечный разговор и песня, затрагивающая потайные струны души. Даже совсем пожилые, седоволосые люди не утрачивают прекрасной детскости, чистого и восторженного восприятия мира. Сказки — это фантазия и реальность, история и быт народа, обычаи, нравы. Именно в сказках проявляется народная мудрость. Они — самая настоящая энциклопедия, сокровищница познаний, где о народе, героях его, или самых простых людях, сказано очень многое, причем сказано просто и точно. Никогда не надо забывать, что создавал сказки сам народ. Таты — народ древнейший, живут они на Кавказе, язык их родственен с языком фарси в первоначальном его виде, и на языке этом писали свои незабвенные произведения Фирдоуси, Саади, Хафис, Рудаки и многие другие поэты и мыслители Древнего и Средневекового Востока.

Амалдан Кукуллу (по паспорту — Кукуллиев Аамал Данилович) — представитель татского народа, пишет он стихи, сказки, научные труды по фольклористике и филологии, как на своем родном языке, так и на русском. Его филологические изыскания с уклоном к этимологии слова, точнее сказать — разгадка «тайны слова» впервые теоретически и на практике подтверждают языковое духовное и историческое единородство многих народов планеты, особенно индо-европейской, фарсоязычной группы языков и наречий.

Предлагаемые Амалданом Кукуллу пять отдельно издаваемых им повестей-сказок (их у него десятки) взяты из выпущенной машинописно тысячным тиражом в 1980 году в московском «Самиздате» книги, которая была замечена читателями и органами КГБ, вследствие чего был произведен обыск: называлась эта объемная книга «Забавные, хитромудрые и психологические сказки Амалдана». В настоящее время предлагаются следующие произведения (сказки):

1. АМАЛДАН КУКУЛЛУ. «ОХОТНИК АМЕЛУМ И КРАСАВИЦА СУРХЕСЕР» повесть-сказка, стр. 74, формат 60×90¹/₈, издается в Москве за счет средств автора, художник Ольга Яковлева. Издание подарочное, красочно иллюстрированное. Цена 4 рубля.

Одноименный герой данной волшебной сказки — охотник Амелум — прежде чем достигнуть желаемой цели — полюбить и жениться на красавице Сурхесер — совершает множество добрых дел и поступков, проходит многие испытания. Сказка многосюжетна, в ней развиваются разнообразные конфликтные ситуации, много волшебства, — самое главное — она забавна, мудра и психологически напряженна; рассчитана на широкий круг читателей, как детей, так и взрослых.

2. АМАЛДАН КУКУЛЛУ. «ГДЕ ДРУЖБА В ЦЕНЕ, ТАМ ВСЕГДА ПОБЕДА» повесть-сказка по мотивам фольклора татов Дагестана, стр. 68, формат 60×90¹/₈, издается в Москве за счет средств автора, художник Ольга Яковлева. Издание подарочное, красочно иллюстрированное. Цена 4 рубля.

Идейно-тематическая направленность данной волшебной сказки — это стремление воплощения добра и клеймение зла; служение народу и справедливости, осуждение коварства и подлости; призыв и реальная реализация дружбы, взаимовыручки; верность долгу и милосердие. Характер данной сказки героико-романтически-приключенческий, а самое главное — сказка многосюжетна и в ней участвуют много персонажей, как положительные, так и отрицательные. К отрицательным относятся одно-, двух-, трехголовые Аждага (чудовища), которые совершают множество ужасных злодеяний. Только дружба и единство трех братьев смогли одержать заслуженную победу над этими чудовищами и тем самым помочь обиженным и униженным людям труда. Повесть-сказка рассчитана на широкий круг читателей, как детей, так и взрослых.

3. АМАЛДАН КУКУЛЛУ. «ЛЮБОВЬ И МЕРТВЫХ ВОСКРЕШАЕТ», повесть-сказка по мотивам фольклора татов Дагестана, стр. 72, формат 60×90¹/₈, издается в Москве за счет средств автора, художник А. А. Сенин. Издание подарочное, красочно иллюстрированное. Цена 4 рубля.

Сюжет, да и сама тема предлагаемой сказки, казалось бы, широко известна: в ней повествуется о злой и коварной мачехе, о тех невыносимых бедах, на которые она обрекает своих падчериц и пасынков. Но данная сказка совсем о другом. Здесь главная движущая сила — Любовь, в полном ее религиозно-духовном и философском понимании, хотя эта самая любовь являет себя через детей к умершей матери; детей, которые пройдя через невыносимые трудности и испытания побеждают и свою смерть, и смерть своей любимой матери, и тем самым утверждают эту самую Любовь и ее животворную силу.

Повесть-сказка рассчитана на широкий круг читателей, как детей, так и взрослых.

4. АМАЛДАН КУКУЛЛУ. «БЛАГА ЖИЗНИ В МОЛОДОСТИ ХОРОШИ ИЛИ НА СТАРОСТИ ЛЕТ?..», повесть-сказка по мотивам фольклора татов Дагестана, стр. 54, формат 60×90¹/₈, издается в Москве за счет средств автора; художники Жанна и Ян Сокиркины. Издание подарочное, красочно иллюстрированное. Цена 3 рубля.

Вопрос, поставленный автором данной сказки, так и не дает исчерпывающего ответа, хотя выпавшие на долю героев этой народной повествовательной прозы, события, драматичны, порой — трагические, — казалось бы, должны были разрешиться из вопроса — восклицанием, в худшем случае, — точкой.

Несмотря на это, многосюжетность сказки и все те драматические события, описанные в ней, не оставят читателя равнодушным или безучастным в желании ответить себе на поставленный автором заглавный вопрос согласно своему философскому пониманию человеческого бытия.

Сказка рассчитана на широкий круг читателей, как детей, так и взрослых.

5. АМАЛДАН КУКУЛЛУ. «ПОСЕЛИЛОСЬ В ДОМЕ ЗЛО, ОТ ГОРЯ НЕ ИЗБАВИШЬСЯ», повесть-сказка по мотивам фольклора татов Дагестана, страниц 64, формат 60×90¹/₈. Издается в Москве за счет средств автора, художник А. А. Сеппин. Издание подарочное, красочно иллюстрированное. Цена 5 рублей.

Поселилось в доме зло, от горя не избавишься — так гласит древняя татская поговорка. Зло, точнее сказать, коварная злодейка Марэвшей, войдя в доверие к девушке-соседке, уговаривает ее, чтобы она убедила своего любимого брата жениться на ней. И, когда Марэвшей достигла желаемого и перешла жить в богатый дом соседей, стала она строить козни. — одна коварней другой — и тем самым сумела посорить любимого брата с сестрой, а в завершении сделала так, чтобы брат отрубил сестре руки и выгнал из отцовского дома.

Вот как начинает автор саму сказку: «Когда рассказывают эту историю — камни раскалываются, горы дрожат, море стонет, а небо черными тучами заволакивается, когда же люди слушают эту историю — горькими слезами заливаются. А Вас, дорогой читатель, а может и слушатель, попрошу набраться мужества и выслушать до конца эту печальную историю, которая имела место в придание времена в одной горной стране, где жили в любви и согласии старые супруги, а затем — брат и сестра (их дети) и между ними — коварная злодейка Марэвшей...».

Да, много мук и трудностей выпало на долю безвинно наказанной и изгнанной из дома девушки Бельго (так звали эту мученицу-скиталицу). Вряд ли прочитавший эту повесть-сказку, а может быть давнюю историческую правду человеческой судьбы, сможет удержаться от того, чтобы не пролить слезу сострадания.

Повесть-сказка рассчитана на широкий круг читателей, как взрослых, так — и детей.

СТИХОТВОРНАЯ «ЛЕГЕНДА О ПЕСНЕ» АМАЛДАНА КУКУЛЛУ была начата в 1962 году в гор. Махачкале, затем был 15-летний перерыв, — только в 1975 году она была завершена в гор. Москве и переведена на русский язык в 1982 году. Издавалась в «Самиздате», как на родном татском языке, так — и на русском.

Сюжетом, точнее — толчком в написании данного произведения послужили фольклор татов Дагестана, который автор на протяжении десятилетий посвятил себя, и как собиратель татского фольклора, и как автор научных трудов по фольклористике, этимологии слова, религиозно-духовным и историко-археологическим изысканиям. Результатом его многолетнего труда явилась книга сказок «Золотой сундук» (Сказки татов Дагестана), изданная в Москве в 1974 году и переиздающая дополнено и в новой редакции за счет средств-автора (издание подарочное, красочно иллюстрированная), с авторским копирайтом © уже в этом году в Москве.

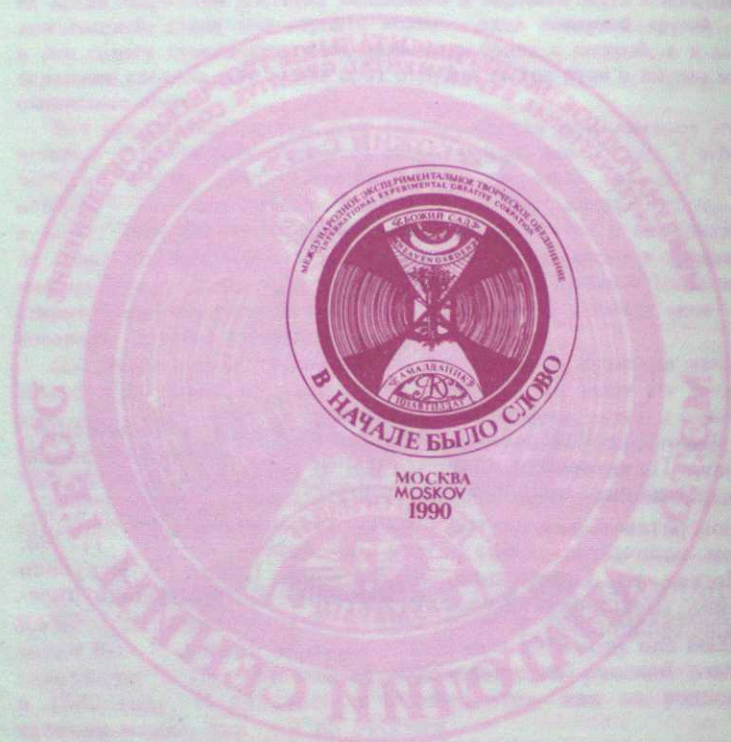
Тема «Легенды о песни» — это извечный конфликт властимущих, жестокосердных богатеев с неутомимым тружеником, в данном случае — пахарем, который, несмотря на нищенское существование — Любовь к Труд и Верная Дружба с Песней, помогает... победить жадных и коварных богатеев... Несомненно, это главный лейтмотив «Легенды...».

И не менее главным, если — не самым главным фактором в этом произведении являет Себя Рождение Слова, а через Слово — Песни, которые живут среди нас.

Книга рассчитана, как на детей, так и на взрослого читателя.

Издание осуществлено за счет средств автора, с авторским копирайтом © в гор. Москве и потому все сделки, как внутри страны, так и за рубежом ведутся непосредственно с автором — и только с автором.

Выход перечисленных книг планируются в ближайшее время. Принимаются индивидуальные и коллективные заявки от различных предприятий, торговых организаций, фирм, кооперативов, как внутри страны, так и из зарубежья в любом количестве. Обращаться по адресу: СССР. 117393, Москва, ул. Гарибальди, 20/29, корп. 1, кв. 15. Кукулиев Амад, Данилович (Амалдан КУКУЛЛУ). Домашний телефон: 120-85-53.

МОСКВА
MOSKOV
1990

МОСКВА
MOSKOV
1990

Собрание сочинений в 4-х томах пяти книг поэта и художника Анатолия СЕНИНА, под общим названием «АВТОАНАТОМИЯ от А до Я», куда входят стихи, поэмы, повести в стихах, эссе, рассказы написанные в свойственной только ему одному манере, развивающие традиции классической русской литературы, бескомпромиссные, вобравшие в себя весь опыт русских экспериментаторов, написанные в основном в годы застоя, т. е. во времена жесточайшего контроля над идеологией. Поэт целые десятилетия «писал в стол», написанное прятал и закапывал в землю и добровольно самоустранился, не желая участвовать во лжи. В 1975 году писал:

ГОТОВИТСЯ К ИЗДАНИЮ

...Родина, боль моя нежная!
Где же так видано жить.
Раной сочится безбрежно:
Только бы жить не по лжи.
Слово как правды — то колетса,
Лжи всероссийской — войну!

Несколько раз арестовывался, в последний арест 13 февраля 1983 года был конфискован весь литературный, фото, фоно архив, составивший в общей сложности семь почтовых мешков.

Предлагаемое издание, это, как скажет поэт:

...в курсирующем «Самиздате»
Три тома набрал стихов.

Автор 2-х романов «НА ПЕРЕКРЕСТКАХ СОВЕСТИ» — 1970—1972 гг., посвященный А. И. Солженищину, и «НУЛЕВОЙ ЦИКЛ» — 1980—1981 гг., посвященный А. Д. Сахарову, главный редактор литературного, общественно-политического иллюстрированного альманаха «С РУССКОЙ ГОЛГОФЫ», первый номер которого успел выйти, на верстке второго номера был арестован, но шеф КГБ Ю. В. Андропов, знавший стихи поэта и сам грешивший этим ремеслом, приказал освободить его.

Все собрание сочинений составляет 120 печ. листов.

«АВТОАНАТОМИЯ СЛОВА от А до Я»

Том 1
Книга 1

Оригинальная автобиография, взгляд из настоящего в прошлое глазами ребенка, оценка судеб и событий, вторая — неофициальная культура Москвы 60—80-х гг., диссидентства в России, оценка и влияние классиков русской литературы, аресты, скитания, работа в холоде, голоде; слово — его изначальное звучание, графология, семантика, синтез с другими искусствами и т. д. Объем 35 печ. листов.

Период литературных поисков и смелого экспериментаторства, выработка своего стиля и мироощущения, попытка синтеза, звука, цвета (поэзии, музыки, живописи), микропоэма «Спектр-1» (1963), «Художественная мастерская», «Черная рябина» (стелла-поэма) — (1963).

В книге семь поэм: «Явление Пушкина» (1972) о невозможности существования в условиях автототалитаризма подлинного художника; поэма «Размышление на Ваганьковском кладбище» — параллельное осмысление судеб двух поэтов — С. Есенина и Вл. Высоцкого — общность и разность; поэма «Послание к Сергею Есенину» — повествование о том, что произошло после смерти поэта в литературе, написанная к 70-летию со дня рождения. Объем 25 печ. листов.

Том отражает политические и эстетические воззрения конца оттепели и времен застоя, автор не оставляет литконформизму места, в тех условиях он предпочитает смерть жизни (поэма «Октябрьский реквием»), ранее выразил невыносимость существования в условиях тотального надзора предсмертной запиской, герой романа «На перекрестках совести».

Прощайте верные друзья,
С врагами остаюсь я холоден.
Жить так, как хочется, нельзя.
Жить так как можно — жить не хочется.

Цикл стихов «Полемика с Мандельштамом», посвященный академику А. Д. Сахарову (1975); цикл стихов «Печальник России», посвященный священнику Дм. Дудко, духовнику поэта, арестованному в январе 1980 г. и вышедший в «Самиздате» отдельной книгой. Стихи, баллады. Объем 24 печ. листа.

Начало творчества. В 12 лет, стихотворение «Треугольники» Представлены две повести в стихах «Дорога» (1963—1965 гг.) о трагической личности времен сталинизма и начала оттепели, о концлагерях, «врагах народа», о разложении экономики командно-административной системой, обстановка в стране после войны и в оттепель; «Сказ о русском богатыре» (повесть о Федоре Шалийне) 1-я часть (1967—1968 гг.). Два рассказа, сохраненные чудом при обысках; самоиздатовская очерковая публицистика: «Жертва сталинской калымы» (о последних днях В. Т. Шаламова, с оригинальной, последней пожизненной фотографией, снятой автором очерка); предисловие к роману «Ц.Д.Л.» Льва Халифа «Одна ночь с миражом рассвета»; глава «Деревни и пашни» (об уничтожении русской деревни) и «Литературный процесс» (о негативной роли СП в судьбах русских писателей с автобиографическими вкраплениями и т.д.; из повести в стихах «Цветы России». Объем 25 печ. листов.

Первичный взгляд на СЛОВО, на литературу в целом, на искусство, теоретические изыскания по синтезу искусств, по ритмике, метрике, архитектонике стиха; эссе о А. Платонове, Б. Пастернаке, С. Есенине, В. Хлебникове, В. Маяковском, И. Сельвинском, Ев. Замiatине, Ал. Солженищине, А. Вознесенском, Ев. Евтушенко, Н. Каржавине и о других деятелях культуры. Объем 15 печатных листов.

В сущности пять книг Анатолия СЕНИНА — собрание уцелевших сочинений являются духовной биографией нашего современника, личности, которая в условиях авторитарного режима смогла подняться над самым собой, это пример служения Слову и Истине; это рыцарство без страха и упрека; это демонстрация духовного превосходства, со всеми человеческими слабостями, над силами зла, над бездуховностью и как следствием вышедшего отсюда, конформизмом, насажденным в СССР без малого почти 70 лет. Это альтуристическое суждение и духовное сопротивление насилию не только в своей стране и в ее культуре, но и пример всему человечеству, ибо ныне в нашем всеобщем Доме беда одного человека, беда одной страны — это беда всех людей и всего мира, — ведь наша планета такая маленькая.

Нобелевский комитет и его высокое жюри, Шведской Академии должны бы заметить те высокие гуманистические порывы явленные в самобытном слове, которые предлагает нам наш современник — русский поэт и художник Анатолий Андреевич СЕНИН.

Художественное оформление собственных сочинений и иллюстрации выполнены автором.

Первые издания Анатолия СЕНИНА выйдут к концу нынешнего года за счет средств автора 5 тысячными тиражами, хотя все они в застойные времена выходили в «Самиздате» и имели огромную популярность.

К сведению издателей автор готов заключить Договор с любым книгоиздателем или компанией, пожелавшей издать полностью собрание его сочинений, и отдельные книги, так как в нашей стране не хватает ни бумаги, ни полиграфических возможностей, а также А. СЕНИН предлагает выпустить и монографию его изобразительного искусства — живописи, графики на приемлемых условиях обеими сторонами.

Анатолий Андреевич СЕНИН является художественным руководителем Экспериментального творческого объединения — ЭТО — «САДОВОЕ КОЛЬЦО» (ХЛАМ — художники, литераторы, артисты, музыканты), в основном представители культуры, которые находятся в оппозиции с официальной идеологией; все члены ЭТО «Садовое кольцо» готовы издаваться за рубежом, не только книгами, но и выступать, выезжать на гастроли, и более того — готовы создавать совместные производства и проводить мероприятия с западными деловыми кругами в области культуры и коммерции.

Организуется подписка.

**КРОМЕ СОБРАНИЙ СОЧИНЕНИЙ,
ОТДЕЛЬНЫМИ ВУПУСКАМИ ИЗДАЮТСЯ
В БЛИЖАЙШЕЕ ВРЕМЯ СЛЕДУЮЩИЕ КНИГИ
ПОЭТА АНАТОЛИЯ СЕНИНА:**

«ДОРОГА» — повесть в стихах (квинт-поэма) Анатолия Сенина написана на грани перелома между оттепелью и, как принято сейчас называть, временами застоя. Главный герой повести — Шурка, человек трудной судьбы — отец и мать «враги народа» погибают в сталинских лагерях — оказывается в детдоме, затем — в тюрьме, но после — на строительстве дороги «Тайшет—Абакан», откуда ведется повествование.

Еще четверть века назад автор повести разглядел все те негативные процессы, которые ввергли наше общество в экономический, нравственный и духовный развал, — и тогда — еще юным предупреждал об этом. Повесть по цензурным соображениям все эти долгие годы не могла увидеть свет, хотя неоднократно выпускалась небольшими тиражами в «Самиздате» и имела читательский успех. Это издание осуществляется за счет средств автора с авторским копирайтом © и потому все сделки, как внутри страны, так и за рубежом, ведутся непосредственно с Автором.

Макет и иллюстрации автора.

«ЦВЕТЫ РОССИИ» — поэтическая повесть в пяти частях; в этом издании представлено лишь две части: «Деревни и пашни» и «Литературный процесс». В целом это пронзительный рассказ о гибели деревни и земли, о крепостном колхозном праве, которое привело страну к продовольственной катастрофе; о духовном уродстве и мимикрии крестьянина подавшего в поисках лучшей жизни в город, где, «уйдя из деревни, он так и не пришел в город» — стал тоскующим пролетарием — пьющим, приспособившимся в мегаполисе лишь «сшибать шабашки», ибо душа осталась больной по земле предков. Экономические вопросы решены не научным, а поэтическим доступным языком, которые автор относит не только за счет одного загрязнения среды промышленностью, но и забвением исконных пахотных земель, за счет разора в целом крестьянства России.

В «Литературном процессе», — завершающей главе повести показана в обнаженном виде закулисная, невидная жизнь для читателя, стратегия и тактика в целом всего Союза писателей — сталинского департамента управления

умами и душами, который на сегодня, т. е. — на начало написания этой главы — 1986—1988 гг. — является таким, каким был задуман «великим отцом и учителем всех народов», несмотря на нынешние его перестроечные гримасы, где подлинный талант и честный писатель стоит в не его — особняком, если не изгоем. С шемящей досадой, но художническим достоинством автор касается своей драматической литературной судьбы, в конечной доминанте по христиански сожалея за суд над своими маститыми коллегами, дает оценки писателям различных поколений, показывает где есть подлинное, где ложное, временное. Эти главы написаны афористичным, эмоциональным, ярким языком, где позиция автора однозначна: всякий человек должен служить своему Отечеству и Всему Человечеству, а не своим собственным, корыстным интересам или интересам правящей партии.

«Цветы России» — издавалась небольшим тиражом в «Самиздате», и имела читательский успех.

Настоящее издание осуществляется за счет средств автора с авторским копирайтом © и потому все сделки, как внутри страны, так и за рубежом, ведутся непосредственно с Автором.

Макет и иллюстрации автора.

«РЕКВИЕМ АНДРЕЮ ПРАВЕДНИКУ» (створки) — создавался по холодным следам смерти академика Андрея Сахарова. С документальной точностью автор повествует о грандиозной панихиде во Дворце молодежи, показавшей всенародное горе по своему национальному герою, недавно еще — изгою, оклеветанному, репрессированному высшим мнением, но несломленному, стойкому правдоискателю и народному депутату СССР, речи которого в парламенте страны освистывались и затапывались, но слушались всем народом с замиранием сердца у телеэкранов. В третьей створке поэт хроникально рассказывает о последнем пути и пристанище великого Человека — Востряковском кладбище, — находит точные художественные средства изображения тех скорбных событий, поэма-створки становятся не только первым художественным осмысливанием личности А. Д. Сахарова, но и историческим свидетельством, автор которого знал лично и портрет помещенный на обложку книги выполненный в годы тяжелые для ученого — 1978 — на его ныне знаменитой кухне, как набросок и заверченный в деталях дома. Поэма-плач оценивает гражданскую деятельность А. Д. Сахарова, общественное борение с партоткратической, авторитарной системой, созданной Сталиным и согретой под теплым крылышком Брежнева — его гонителя.

Подспутным лейтмотивом звучит оптимистическими нотами — вера в победу перестройки и демократизации общества, которой посвятил себя великий ученый далеко до их начала.

Настоящее издание осуществляется за счет средств автора, с авторским копирайтом © и потому все сделки, как внутри страны, так и за рубежом, ведутся непосредственно с Автором.

Макет и иллюстрации и фотоколлаж автора.

Поэма «И» или «ДЕТИ КРОВАВОЙ ЭПОХИ» (повесть в стихах).

Мир знает в своей истории не очень много государственных организаций, которые во имя — как правило — имперических или чисто тоталитарных режимов или вызревших и огосударствленных идей, ради их удержания, репрессировал беспощадно подданных своей страны: в Испании и во всей Европе при Папском престоле был таким Орден Святых инквизиторов, а России при Иване Грозном — опричники, в Германии времен фашизма — гестапо и ЭСЭС, в большевистской России — ВЧКа, НКВД, ОГПУ и КГБ.

До смешного малыми кажутся нам цифры жертв инквизиции — около 3-х тысяч человек, опричники — до 6,5 тысяч. По подсчетам профессора Курганова организацией ВЧК — КГБ было уничтожено 66 миллионов человек. Эта цифра приводилась на момент написания Александром Солженицыным «Архипелага ГУЛАГа». Сейчас эта страшная цифра жертв по новым источникам удвоилась — 126 миллионов человек. Как показывают историки, что только в 1937—1940 гг. было репрессировано НКВД — 18 миллионов 600 тысяч человек и это тогда, когда шла 2-я сталинская пятилетка и были написаны слова пламенным коммунистом Николаем Островским: «Самое дорогое у человека это жизнь...» Это не говоря о нравственных потерях — в хромосомы всех народов, проживающих на территории СССР вкодиравалась баццлла страха, откуда — рабская покорность; уничтожен был весь лучший генофонд наций.

Опыт новой Восточной Европы — ГДР, Румыния, Чехо-Словацкая Федерация, Польша и др. — показал, что на пути перестройки вставал в этих странах этот страшный орган КГБ: они эти институты демонтировали. В прошлом году у монолита здания на Лубянке общество «Мемориал» проводило свой «свечной митинг».

В данной поэме поэт яркими и образными средствами, сжато до предела, показывает преступления этой организации, особенно — последнего, новейшего времени — 70—

80 годы, чему автор был сам свидетель как участник правозащитного движения и редактор самиздатского литературно-политического альманаха «С Русской Голгофы», рассказывает о личном столкновении с этой жестокой, человеконенавистнической организацией, указывает на опасность мимикрирования этого органа в условиях гласности и перестройки. Поэма задумана и начата в 1980 году и лишь зимой этого — 1990 года — завершена.

Издание осуществляется за счет средств автора, с авторским копирайтом © и потому все сделки, как внутри страны, так и за рубежом, ведутся непосредственно с Автором.

Макет и иллюстрации автора.

АДРЕС АВТОРА:

Анатолий Андреевич СЕНИН
СССР, 117463, Москва, ул. Голубинская, д. 29, корп. 2,
кв. 728. Тел. 422-40-25

Адрес его литературного секретаря юридически доверенное
лицо автора — Амадан Кукуллу (по паспорту Кукулиев
Амал Данилович), ул. Гарибальди, 20/29, корп. 1, кв. 15.
117393, Москва, СССР. Тел. 120-85-53

МОСКВА
MOSKOV
1990

СОДЕРЖАНИЕ

Анатолий Сенин. Слово «Самиздату» (вместо пролога к книге) . . .	3
Анатолий Сенин. Путь к самому себе Краткая литературная характеристика жизни и творчества поэта и сказочника Амалдана Кукуллу	7
Анатолий Сенин. В день рождения Амалдана Кукуллу	16

СТИХИ

Мое продолжение	19
---------------------------	----

МЫ РВЕМСЯ, И ШВЫ НАПРЯЖЕННО ТРЕЩАТ

Оглавление первого цикла	23
Создателям движения	24
По звездам	25
Земля не затем остывала	26
Изваяние (Сила творца)	29
Идут рабочие (Зарисовка почти с натуры) . . .	30
Дитя вселенной (Почти монолог)	30
Родина-мать (Триптих)	33
Когда усну	34
Чудак	37

В ПРИРОДЕ ЖИВЕТ, И ПОСЛЕДНИЙ, И ПЕРВЫЙ

Оглавление второго цикла	42
Убавляется день	43
В природе живет, и последний, и первый . . .	43
Туча	43
Творчество	44
И нам предстоит еще стать боролатыми . . .	45
Аул Тарки-Тау	45
Балхарка	46
Отцовский язык	46

Над Дербентом	49
Каждая река — что народ	51
Утес	51
Промчался ливень	52
Есть птицы, есть вовсе не птицы	52
Человек пришел не умирать	54
Школьные тополя	55
Осенняя исповедь	55
Зимняя картина (образ)	56
Матери	56
Матери в день 60-летия	59
Упали на ресницы белые пряди	60
Три картины природы	60
Невидимые силы	61
Книги	62
У кого повернется язык	63

Я И МОРЕ

Оглавление третьего цикла	67
Я и море	69
Рыбаки	69
Плывет сейнер	70
Мужество рыбацкое	70
На морском берегу	70
Гарус дня свисал	71
Я жил, удивлялся и спорил	72
Море	72
Ночью (этюд)	73
Раздумья у моря	74
Сквозь бурю	74
Разговор с морем	75

В РОДСТВЕ С ФОЛЬКЛОРОМ

Оглавление четвертого цикла	79
О стихах с полей (от переводчика)	81
«Человека со славой преследует зависть, как жало»	82
«Тот, которому хотел я быть вернейшим другом»	82
«Есть сосед у меня»	83
«За окошком, в саду»	83
«Да, грозе не бывать»	84
«Из века в век приходит после смерти»	84
«Не счесть всех цветов»	85
«В зеленой тьме ночей ударил соловей»	85
«Бурками горскими тучи проходят выше меня»	86

«В глуши, цветет где папороть и вереск»	86
«Степь плюгавила под нос себе повечерьем»	87
«Перекушен был стон»	87
«Не мгновенен руды переплав, не мгновенен»	88

ПОЭМЫ

Оглавление пятого цикла	91
ВОЗВРАЩЕНИЕ (Лирическая поэма)	95
ИСПОВЕДАЛЬНАЯ ПОЭМА	99

МОНОЛОГ МИРА (Антивоенная поэма)

Оглавление	105
От автора	107
Вступление	108
I. Утреннее отступление от «Монолог»	110
II. Дневное отступление от «Монолог»	111
III. Вечернее отступление от «Монолог»	111
IV. И последнее, четвертое, отступление в виде письма	116
Эпилог	119
После эпилога	120

Анатолий Сенин. Стансы в день рождения друга	123
---	-----

Приложение. Поэзия берега (Рецензия, написанная в 1965 г. поэтом И. Сельвинским)	127
---	-----

СТИХИ К ДРУГУ И О ДРУГЕ

Оглавление шестого цикла	140
Ода беспокойной душе	141
«Сумасшедший по воле других...»	146
Ода другу	148
Разговор о друге	150

Аннотации на подарочные, красочно иллюстрированные книжки сказок © Амалдана Кукуллу, издаваемые за счет средств автора, в Москве (1989—1990 гг.)	157
--	-----

Аннотации на сборники стихов
© Анатолия Сенина, издаваемые за счет
средств автора в Москве в 1990 году 165

© АМАЛДАН КУКУЛЛУ

(Кукулиев Амал Данилович)
Поэт, сказочник, фольклорист.
Год рождения — 1935

АНАТОЛИЙ СЕНИН

(Сенин Анатолий Андреевич)
Поэт-переводчик, художник книги.
Год рождения — 1941

АЛЕКСАНДР ДАНОВ

(Данов Александр Николаевич)
Автор линогравюр,
выполненных в 1960—1965 гг.,
эмигрировал и живет в ФРГ.
Год рождения — 1941

**«МОЕ ПРОДОЛЖЕНИЕ»
СТИХИ, ПОЭМЫ**

Москва
1987

© Амалдан КУКУЛЛУ (Кукулиев Амал Данилович)
Все сделки по данной книге, как внутри страны, так и за рубежом
ведутся непосредственно с Автором и только с Автором.
117393, СССР. Москва, ул. Гарибальди, 20/29, корп. 1, кв. 15
Кукулиев Амал Данилович (Амалдан КУКУЛЛУ)
Тел. дом. 120-85-53

Типография изд-ва «Воздушный транспорт»
103012, Москва, Старопанский пер., 5

**ан.
СЕНИН**

**ПОЭТ-
ПЕРЕВОДЧИК
ХУДОЖНИК
КНИГИ**

Ровно четверть века назад эта книга стихов и поэмы Амалдана КУКУЛЛУ обошла многие издательства, так и не смогла увидеть свет, хотя получила положительную оценку рецензента тех далеких лет — поэта и переводчика Александра Глезера, ныне глава издательства «Третья волна» и директор музея Современного изобразительного искусства неон-конформизма имени Парижем.

Положительную рецензию еще в 1965 году на эту рукопись написал известнейший поэт Илья Сельвинский, высоко оценив талант поэта: эта рецензия включена в книгу в качестве приложения под названием «Поэзия берега». Краткую литературную характеристику жизни и творчества поэта и сказочника Амалдана Кукуллу написал переводчик и художник книги Анатолий СЕНИН. Линогравюры выполнены в 1960—1965 гг. специально к произведениям этой книги известным теперь уже всему миру художником-живописцем Александром Дановым, живущим в настоящее время в ФРГ.

Предлагаемый сборник стихов и поэмы Амалдана Кукуллу найдет свое второе продолжение в сердцах взыскательного читателя.